

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск VIII

К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

Взгляды русских мыслителей начала XX века

МОСКВА

1994

Восьмой выпуск продолжает серию «К познанию России». Излагаются взгляды авторитетных мыслителей, высказанные ими по поводу проблем и путей развития российской государственности в критическое для страны «революционно-военное» время первой четверти XX века. Именно в этот период определенная часть интеллигенции приступила к разработке новой концепции национально-государственного развития России, которой, к сожалению, так и не удалось в тех условиях воплотиться в реальную действительность.

Сегодня основные идеи этой концепции можно возродить к жизни. Поэтому знакомство с ними необходимо для современного читателя.

Составители: *А.Е. Савинкин, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов*

Редактор восьмого выпуска «Российского военного сборника»
А.Е. Савинкин

Издается при содействии
Министерства обороны Российской Федерации
Гуманитарной академии Вооруженных Сил и
Гуманитарного политологического центра «СТРАТЕГИЯ»

Издание зарегистрировано
Московской инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Свидетельство о регистрации № А — 0365 от 29 октября 1993 г.

© «Российский военный сборник»; ГА ВС, 1994 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ.....	4
М. РОСТОВЦЕВ НАЦИОНАЛЬНОЕ И МИРОВОЕ ГОСУДАРСТВО.....	6
П. САВИЦКИЙ БОРЬБА ЗА ИМПЕРИЮ	18
I. Империя и империализм.....	18
II. Элементы русского империализма.....	24
Н. ГРЕДЕСКУЛ РОССИЯ И ЕЕ НАРОДЫ	35
Эволюция государства.....	35
Быть ли России «великой» Россией?	51
П. СТРУВЕ ПРОБЛЕМА РУССКОГО МОГУЩЕСТВА.....	63
1. Государственная сила и национализм	63
2. Идеал Великой России	70
3. Война и народное хозяйство.....	80
ЧТО НУЖНО РОССИИ?.....	87
В.Вернадский. Три решения.....	87
С.Котляревский. Проблема демократизации государства.....	95
П.Новгородцев. Правовые устои новой жизни.....	101
П.Струве. Иллюзии русских социалистов	108
П.Струве. России нужно организованное патриотическое движение	111
М. МЕНЬШИКОВ ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	114
Трехцветный флаг	114
Россия — прежде всего.....	116
Великорусская партия.....	120
Подъем власти.....	125
Задачи будущего	132
П. БЕРДЯЕВ СВОБОДНАЯ РОССИЯ	139
Личное благо и сверхлические ценности	139
Народническое и национальное сознание	142
Россия и Западная Европа.....	147
Психология переживаемого момента	150
Падение священного русского царства	154
Интернационал и единство человечества	157
О политической и социальной революции	159
Положение России в мире	163
Власть и ответственность.....	166
Контрреволюция.....	168
Мобилизация интересов.....	170
Кто виноват?	174
Демократия и иерархия.....	178
ПРИЛОЖЕНИЕ	184
Письмо Льва Толстого к Николаю II	184
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ: (1904–1906 гг.).....	189
ДОКУМЕНТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ, ОСВЕЩАЮЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ	217
«Российская» (имперская) и «русская» (национально-централистская) идеи в политических проектах декабристов	231
М. Волошин РОССИЯ.....	238
ПОСЛЕСЛОВИЕ. О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ОСИПОВИЧА МЕНЬШИКОВА	252
Именной указатель.....	257

Предисловие

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

В начале XX века наиболее серьезные русские мыслители пришли к выводу: государственное развитие России идет ложным путем, который ведет страну к национальной катастрофе. Правительство стремится сохранить страну в форме мировой империи. Оппозиция пытается изменить ее революционным способом и превратить в безродное космополитическое государство. И те и другие опирались на меры насилия, которыми, как писал Л. Толстой, «можно угнетать народ, но нельзя управлять им». Даже первые, вполне возможные в то время модели совершенствования политической системы России как единого государства-нации (П. Пестель) и как государства-федерации (Н. Муравьев) декабристы предполагали ввести в ходе военной революции.

В 1905–1917 годах «реалисты» (политики и мыслители) пытаются демократическими (законными) методами вернуть Россию на путь естественно-исторического развития. Они констатируют, что историческая эволюция характеризуется движением от мирового государства-империи к национальному государству, а не наоборот, как это было характерно для античного мира. В этом движении Россия не должна идти наперекор течению. Наоборот, она должна использовать это движение для эволюционного совершенствования и сохранения накопленного позитивного имперского содержания: могущества, целостности территории, национального русского ядра империи. В этой связи выдвигается практический идеал «Великой России» со следующим содержанием:

1) Россия выходит из низшей, первоначальной (военно-полицейской) стадии развития государственности и через решение правовых, культурных и национальных задач превращается в государство-Отечество, представляющее социальную ценность для личности и народов, ее населяющих;

2) Отказавшись от статуса мирового государства-империи, Россия переходит к новому типу большого национального государства: свободному внутренне и внешне, самостоятельному, участвующему в решении великих задач человечества, оставляющему свой след в мировой истории.

Великое государство в этом смысле представляет собой, по мнению Н. Гредескула, «большое, многонациональное, могущественное, внутренне благоустроенное, до конца замиренное, все насквозь проникнутое свободой — свободой личной, политической, национальной. Это государство, которое для всех, кто в нем живет, окончательно перестанет быть господством, а станет только покровительством, разумным, благожелательным и всесторонним» (С. 59).

Предлагался и более жесткий вариант выхода России из исторического кризиса. Он был связан с возрождением и укреплением национального ядра российской государственности — русской нации и Великороссии как субъектов, наиболее заинтересованных в существовании большой России (М. Меньшиков). «Позитивная» русская национальная идея, представленная в статьях талантливого публициста, явилась реакцией на тот факт действительности, что основная часть населения страны: пролетарии, безземельные крестьяне, интеллигенция, «инородцы» не рассматривали Россию как свое Отечество и всячески стремились разрушить её.

В содержание государственной национальной идеи вкладывались также такие установки, как: создание сильного, т.е. достигающего поставленных целей, государства; примирение государства и народа; органическое объединение в государственной идеологии консерватизма и либерализма (линия Б. Чичерина, Р. Фадеева, Д. Менделеева, П. Струве, М. Меньшикова и других); отказ от идеализации прошлого, утопических проектов будущего и самоотверженная работа над решением проблем настоящей России; демократизация государства наряду с развитием ответственности и частной инициативы; создание мощной политической организации народа и организация созидательного патриотического движения.

В приложениях сборника отражены некоторые оценки, документы, решения и обращения, которые свидетельствуют о первом неудачном опыте перехода России к конституционному демократическому государству, роли и значении армии в этот период. Поэма М. Волошина «Россия» еще раз подтверждает мысль: насилиями и революциями проблем России не решить; ей необходимо спокойное, обдуманное, эволюционное развитие, исключаящее застой, разложение, крайности свободы и реакции.

1994 г.

Редактор

М. Ростовцев

НАЦИОНАЛЬНОЕ И МИРОВОЕ ГОСУДАРСТВО

В дни, когда в ужасах войны и в лихорадке мирового потрясения рождается новый мир, решаются важнейшие, давно наболевшие вопросы, и прежде всего вопрос о будущем европейской культуры и государственности, вновь на первый план, как в эпоху Карла Великого, Карла V и Наполеона, выдвигается один из основных вопросов культурного и государственного развития человечества — вопрос о том, какому государству принадлежит будущее: национальному или мировому, по натуре своей космополитическому. И одновременно мы спрашиваем себя с тревогой: каковы будут новые формы государственного, экономического, социального и культурного уклада жизни человечества, если действительно вновь, как когда-то в эпоху античности, на развалинах национальных государств вырастет мировой, по необходимости ациональный колосс.

В такие эпохи особенно важно оглянуться назад и спросить себя, какой путь в прошлом пройден. Историческая справка в прошлом, конечно, не предскажет будущего, но она позволит яснее и трезвее посмотреть на настоящее и уяснить себе контуры совершающегося, может быть, основные линии возможного будущего.

На глазах человечества и истории культурный мир завершил один, и только один, цикл своего развития в так называемую эпоху античности. Ныне мы переживаем второй цикл. В эпоху античности, как и ныне, вопрос о национальном и мировом государстве составлял ось государственного развития и пережил ряд стадий в постепенной эволюции мирового исторического процесса. Основные линии этого развития ясны, ясна и связь политической и культурной эволюции. Более чем когда-либо полезно вспомнить, каковы были тогда этапы этого развития и к каким результатам в культурном, социальном и экономическом отношении эта эволюция приводила и привела.

Античная государственность родилась не под знаком национального государства. Великие государственные образования Востока строились на принципе сплоченной национальности только в моменты своего рождения, неуклонно стремясь затем по пути создания большого мирового многонационального и потому ационального государства.

Пестра и неустойчива была картина национального состава рождавшихся великих монархий в бассейнах Тигра и Евфрата, одна господствующая национальность сменялась другой, центр государственности постоянно перемещался, и в результате создавалось всегда государство, где национальная база быстро растворялась в космополитическом,

анациональном строе крупных государственных образований, всегда имевших тенденцию вобрать в свою государственность всех соседей, независимо от их национальности.

То же в еще большей мере наблюдается и в Египте, где смена господствующей национальности не изменяла ни строя государства, ни основ его политического развития.

Вавилон, Ассирия, хеттская держава, Египет и, наконец, Персия при всем разнообразии их индивидуального развития дают неизменно одну и ту же картину апогея государственной и политической жизни: великое многонациональное государство с временным господством одной национальности, с сильной монархической властью, основывавшейся на теснейшей связи с религией и на учении божественности власти и опиравшейся на могущественное жречество, с одной стороны, на пестрое, все более денационализовавшееся войско, с другой.

Повышенное национальное самосознание, проявлявшееся и здесь от времени до времени, особенно в моменты смены одной господствующей национальности другою, не входило глубоко в сознание народа, не было той базой, на которой прочно покоилась государственность, не создавало постоянного элемента, способного поддержать и укрепить государство в моменты слабости и помешать господствующей национальности раствориться в другой, приходившей ей на смену.

Наиболее сильная из господствующих национальностей, создавшая впервые мировое восточное государство, — Персия, очень быстро превратилась в обычное анациональное государство, где господствующая нация, поставлявшая кадры чиновничества и часть войска, терялась в массе покоренных государств и народов и в трудные моменты не проявляла ни определенного национального самосознания, ни яркого чувства патриотизма.

Такая картина политического бытия и сознания Востока не препятствовала большой культурной эволюции, которую Восток проделал за многотысячелетнее свое существование, причем особым подъемом отличались моменты формирования новых государств, т.е. моменты наибольшего подъема национального самосознания. Но культура Востока носит свой особый отпечаток. В политической жизни не видно ни следа подъема творческого политического мышления, создания важнейших идей политического бытия; дело политического строительства идет сверху и выливается в формы выработки сложного административного организма, возглавляемого неограниченным божественным монархом. В области изобразительных искусств мы редко, почти никогда не встречаемся с великими индивидуальными творцами, с большими творческими личностями. Искусство в целом живет массовой жизнью...

Характерно, однако, как я уже указал выше, что великое творчество Востока ковалось главным образом в моменты наибольшего подъема национального самосознания и было

наиболее прочно и плодотворно в наименее ациональном из великих восточных государств — Египте. Наиболее ярким доказательством этого является большой подъем художественного творчества древнего Вавилона, только что рождавшейся хеттской державы и возрожденной Ассирии. И рядом с этим — бледным и чужим, холодным и великолепным, пестрым и вялым предстает перед нами искусство мировой Персии, в создании которой Восток в первой стадии своего развития сказал свое последнее слово.

Чем более денационализировался Восток, тем более слабел он и культурно, и политически. Если дружина сумерского, аккадского, вавилонского, ассирийского, скифского, индийского или персидского царя чувствовала себя в моменты борьбы за господство одним целым со своим вождем и этот подъем держался в годы поступательного и завоевательного движения, то в момент создания большой державы, когда состав войска пестрел и из национального оно становилось наемным и территориальным, всякий входивший в состав государства все более и более терял органическую связь с ним, сознавая себя только подданным царя, только частью административной машины или только объектом воздействия этой машины, не чувствуя связи своей индивидуальной работы с общей работой государства и не находя в государстве применения своему индивидуальному творчеству. Все творчество поэтому уходит в религию и искусство, создается политический и национальный индифферентизм, и государство рушится под напором нового национального натиска извне.

Как бы другой мир открывается перед нами, когда мы перенесемся в эллинский мир, долгое время сосуществовавший, а затем слившийся с Востоком. С первых же моментов своего рождения греческий город-государство, корнями своего культурного развития тесно связанный с великими культурами Востока, являет совершенно иную картину всего политического, социального и экономического бытия. Для грека его город, его родина, его гражданство были объектом страстной и глубокой привязанности, беззаветной, не останавливавшейся перед жертвой всем имуществом, семьей и жизнью любви. Грек родился и жил своим городом, своими городскими богами, своими храмами. Он сознательно закрывал глаза на преимущества других, жил и дышал патриотизмом, любовью к своей родине. Недаром же самое понятие повышенной любви к родине так тесно связано с понятием принадлежности к городу, понятие патриотизма с понятием гражданственности, государственное самосознание с политикой, т.е. тем, что является естественным и главным занятием каждого члена.

Конечно, наряду с этими господствующими течениями свободная и творческая греческая мысль вышла далеко за пределы города-государства, осознала как целое все эллинство, признала права на существование и ценность неэллинских наций, поднялась до понятия о человечестве как едином целом, но в огромной массе эллинства, как это сказалось

на всей политической жизни Эллады, все это было теорией, практика же связывала грека главным образом с тем городом, гражданином которого он был. Наряду с чисто политическим понятием гражданина данного города — афинянина, спартанца, мегарца, региица, сиракузца, массилийца или ольвийца — понятие эллин всегда было понятием не политическим, а культурным, и связь эллинства между собою ощущалась не как политическая, а как культурная.

Вот почему защита Эллады от персов в моменты высшей опасности все-таки сделалась общеэллинским делом, а позднее эллины охотно боролись вместе с персами против эллинов же; вот почему все призывы к борьбе всей Эллады с Македонией практически ни к чему не привели; вот почему афинская держава всегда была афинской, а не общеэллинской и не имела даже тенденции к этому, равно как спартанская гегемония всегда оставалась и спартанской, и гегемонией, а позднейшие союзы, при всей своей эластичности, все-таки не могли и не старались из беотийского, ахейского и этолийского превратиться в общеэллинский.

Но чем уже были политические рамки, тем сильнее было политическое чувство, наиболее ярко разгоравшееся и во внутренней, и во внешней борьбе. Свой город эллин уже считал своим до конца; раз создав свои политические убеждения, он сживался с ними и отдавал все на их защиту, как и на защиту родины от внешнего врага. Для своей родины эллин жил и думал, творил и писал, строил и ваял; никогда в мировой истории диапазон культурного творчества, поддерживаемого политической самодеятельностью и чувством теснейшей связи со своей родиной, не принимал таких грандиозных размеров, как в эпоху расцвета греческой политики. Несомненно, что эта высота культурных достижений теснейшим образом связана и со взаимной конкуренцией отдельных греческих политий, и особенно с высокоразвитым политическим самосознанием граждан каждой эллинской политики.

Но, тем не менее, национального государства эллинство не создало. Эллада и ее колонии остались рядом городов-государств, соединявшихся в сакральные и политические союзы городов-государств с единой религией, культурой, языком и политическим строем, с единым в своем многообразии политическим идеалом, основанным на принципе свободной гражданственности, но без прочного политического объединения всего эллинства, несмотря на проповедь такого объединения, глашатаем которого был, например, Исократ.

Идеал Исократа нашел себе как будто осуществление в объединении Эллады, исходившем из Македонии и ее царя Филиппа. Но с первых же моментов эта попытка объединения встретила в эллинском городе-государстве резкое противодействие. Причиной этого противодействия было не то, что греки не считали македонян эллинами, и даже не

монархическая форма правления Македонии, а острое чувство любви к своей городской родине, к ее самостоятельности и самодовлению.

Поэтому Македонии для образования общеэллинской державы пришлось прибегнуть к силе и завоеванию. На этом, конечно, прочная государственность построена быть не могла. Еще более ослабели устои нового эллинского государства, когда в руках Александра Великого оно исполнило ту задачу, которую ставили ему теоретики идеала общеэллинского объединения, т.е. когда оно разрушило и подчинило себе великую мировую персидскую державу.

Разрушение это не только не способствовало упрочению общеэллинского государства, но привело к прямо противоположным результатам. По идее Александра, не только эллины должны были подчиниться македонцам, но обе нации должны были полюбовно разделить господство с прежними господами мира — персами. Это же в момент завоевания Персии Александром привело к созданию не национального, а мирового государства типа персидской монархии с переходом только роли господствующей нации от персов к македонцам и грекам.

Новое мировое государство оказалось, как мы знаем, непрочным. Монархия Александра немедленно после его смерти распалась на несколько держав, количество которых все увеличивалось. Основа этих держав отнюдь не была национальна. Наряду со многонациональной Сирией, прямой наследницей ассиро-вавилонского царства, в которой теперь менее, чем когда-либо, существовала господствующая национальность, наряду с многоплеменным все более и более эллинизовавшимся Египтом стояла сильная Македония, рознь которой с подчиненной ей Элладой ни на минуту не прекращалась. Сильным национальным государством поэтому нельзя считать и Македонию, которая более, чем остальные эллинистические державы, могла бы претендовать на это имя.

Еще менее основаны были на базе определенной национальности остальные более мелкие эллинистические державы — Пергам, наследник старых малоазийских царств, лидийского и фригийского, Вифиния с ее по большей части фракийским населением, Понт, Армения и Парфия с их в основе иранской культурой, но национально неоднородным составом населения, синдско-скифский Боспор и др. Везде, как и в больших эллинистических державах, мы имеем верхний эллинский культурный лоск, эллино-восточный монархический государственный строй, пестрый национальный состав. Везде мы наблюдаем двойственность, везде тот или иной компромисс между эллинским городом-государством и восточной ациональной монархией.

Кое-где, как в Парфии и Армении, мы видим зародыши национальной государственности, но определяющим моментом является все-таки везде стремление

больших держав к воссозданию мировой многонациональной и ациональной державы и борьбу более мелких государственных образований, особенно борьбу греческого города-государства, против этих тенденций за политическую самостоятельность, основой которой было не осуществление национальных стремлений, а отстаивание отдельных старых и новых, по большей части эллинских, государственных образований.

И везде наряду с этой борьбой мы видим медленное, но верное подчинение принципов греческого свободного самоопределяющегося и самодовлеющего гражданского строя основам восточной абсолютической государственности, стремившейся низвести гражданские идеалы единства к служебной роли по отношению к принципам монархического и бюрократического строя...

При этих условиях понятно, что старый эллинский городской патриотизм постепенно слабеет, появляются эллины, стоящие вне города, — военные наемники и чиновники, появляются граждане искусственно созданных новых греческих городов на негреческой почве, связь которых с городом далеко не так сильна, как в старых эллинских городах, и великий эллинский дух творческой любви к родине постепенно вырождается в муниципальное честолюбие и тратится на мелкую, робкую, неуверенную политику случайностей и приключений.

Жизнь эллинизма есть сплошная война одних государств с другими, серия дипломатических комбинаций и политических союзов, но нигде мы не видим войны, одушевляющей все государство, войны, которую ведут народы. Борются отдельные цари и правительства, борются при посредстве наемных армий, население эллинистического мира в большинстве случаев равнодушно и апатично несет на своих плечах тягость не очень кровопролитных и не очень разорительных войн.

Великий эллинский дух в эпоху эллинизма конечно не умер, творческая сила эллинства не иссякла, но вся культурная работа пошла по иному пути, культурные достижения становились менее яркими и менее индивидуальными, менее греческими. Оторванный от города грек продолжал творить для мира, но это творчество не имело той захватывавшей силы мировых откровений, как творчество греческих политий, в свое время покорившее мир. Эллинистическое творчество не несло, как ряд бурных многоводных потоков, захватывавших человечество, а медленно расплывалось по миру, как спокойное озеро, кое-где грозившее превратиться в мелкое стоячее болото.

В то время как описанный процесс совершался на Востоке и в Элладе, на Западе, в Италии рождалось новое национальное государство, сочетавшее в себе и элементы греческой политики, и элементы греческого городского союза, и элементы национального племенного государства в типе Македонии и Персии.

Путем упорной борьбы городу-государству Риму удалось сначала сплотить около себя, а затем и подчинить себе все то племя, к которому принадлежало его население, всех латин. Вслед затем он объединяет около себя в форме подчиненного союза всю нацию италиков, вбирая в нее и неитальянские племена Италии — этрусков, галлов, лигуров, иллирийцев и греков. На италийской базе Риму удастся создать общеиталийское государство, он сумел дать Италии один язык и одну культуру, сумел создать из многоплеменной Италии одну нацию, сознававшую себя как одно неделимое целое. И все это на базе свободного, хотя и дисциплинированного, гражданского строя, на основах творческого города-государства, при посредстве национального гражданского войска.

То, что не под силу было греческому гению, казалось, осуществлено было выдержкой, практическим разумом, способностью к восприятию и переработке чужих культурных достижений римлян, латин и италиков. Свою самостоятельность новому национальному государству удалось отстоять и против своих северных соседей кельтов, и против своего западного конкурента — семитического Карфагена, многонациональная и разнородная держава которого не имела сильного и многочисленного национального ядра, не имела и той силы обаяния национальной творческой культуры, которой в такой высокой мере обладали эллины. Карфагеняне не вбирали в себя чуждую им эллинскую культуру, как это сделали италики, не переработали ее в себе и не создали ее продолжения, а только приспособили эллинское ко вкусам своей многочисленной торговой клиентелы, оставаясь внутренне чуждыми и даже враждебными эллинскому творчеству.

Национальное италийское государство после борьбы с соседями, в которой упрочилось или, лучше сказать, впервые начало складываться его национальное единение, выступило на арену мировой борьбы как могучий, несоизмеримый со всем остальным политический фактор. Тогда, когда раздробленное городское эллинство разбило свои силы в борьбе с Македонией и между собою, когда войска наемников Египта, Сирии, Пергама, Вифинии и т.д., пользуясь рознью эллинов между собою и с Македонией, рядом ударов по тем, то по другим ослабляли и все еще национальную Македонию, и национальные греческие союзы, в то время когда на Востоке патриотическое чувство населения государства не могло дать ростков, заглушенное восточной государственностью, а в Элладе оно же все мельчало и падало, — на арену мировой политики выступил союз городов и племен Италии, тесно сплоченный Римом и сознававший себя одним целым, одушевленный любовью к своей ближайшей родине и нарождавшимся сознанием италийского единства, испытывавший только недавно то чувство подъема, которое пережила Греция после нашествия персов.

Это новое государство еще более сплотилось и слилось с Римом, когда во главе с Римом оно начало широкую завоевательную политику, ту же, которую вели и остальные державы тогдашнего культурного мира.

Надо помнить, что национальная сплоченность Италии не только является условием успеха Италии в мировой борьбе, но этой мировой борьбой обуславливается. Италия сделалась латинской и римской не только потому, что Рим победил и подчинил отдельные племена Италии, не только потому, что италики вместе с Римом отразили нападение Карфагена, но главным образом потому, что объединенной Италии Рим открыл перспективу мирового владычества и повел ее покорять мир.

Италия охотно пошла за Римом в этом колоссальном предприятии, наводнившем Италию богатствами всего мира, — предприятию, которое не только сулило, но и давало огромные выгоды каждому его участнику. При этих условиях поддержание и усиление единства было неизбежно, неизбежно и слияние всей Италии в римском гражданстве, когда вся Италия фактически и для внешнего мира стала областью одного города, столицы мира — Рима.

То, что гражданам Италии пришлось с оружием в руках взять у Рима право гражданства, есть результат условий государственной жизни Рима, только эпизод, быстро, хотя и не безболезненно ликвидированный.

Характерно, таким образом, что и в Италии рождение национального государства тесно связано с переходом его к мировой политике и этим переходом обусловлено. Повторяется, таким образом, то же, что мы наблюдали в Персии и Македонии, с тою только разницей, что италийская держава была на греческом гражданском принципе и одушевлена была тем духом гражданского патриотизма, который так характерен для греческого города-государства.

Римский империализм, родившийся вместе с национальным всеиталийским государством, в момент своего рождения стал на точку зрения покорения ради господства, подчинения себе других не на базе культуры, а путем голой силы. Культура Рима и даже техника его были во много раз ниже культуры и техники эллинизма, победа Рима была обусловлена только более сильною государственностью и могучим сплоченным завоевательным воодушевлением нации, боровшейся с разрозненным, почти анациональным эллинизмом. Понятие италик было чисто политическим, понятие эллин было и оставалось понятием культурным, причем к этому понятию не без права сопричисляли себя и италики.

Силой и насилием в ущерб праву, системой жестоких расправ и запугивания, системой уничтожения сопротивляющихся Рим и Италия подчинили себе весь тогдашний культурный мир и значительную часть еще не вполне приобщившихся к эллинской мировой

культуре племен средней и отчасти Восточной Европы. Хозяевами в этой мировой державе были *cives Romani*, все остальное должно было беспрекословно подчиняться. Мир сделался бесправной и безвольной провинцией Рима.

В этом принципе господства и подчинения властное и жестокое римское гражданство нашло пищу для поддержания чувства сплоченности всех тех, кто властвовал над другими. Живое чувство одушевления любовью к родине постепенно превращалось во взаимную охрану интересов господствующих, в ревнивое оберегание своего права гражданства от покушений на него со стороны бесправных и полуправных.

Этим вызвана была и кровавая союзническая война, значительно ослабившая Италию и италиков, и прекращение расширения рамок римского гражданства в смысле приобщения к нему и провинциалов, характеризующее последние два века республики и создавшее учение о провинциях как о *praedia populi Romani* (имениях римского народа).

Городской строй Рима, совершенно не приспособленный к задачам мировой державы, но, тем не менее, ревниво оберегавшийся, естественно повлек за собою те же явления, которые так ярко характеризуют и греческий город-государство, но которые в Риме сказались с особо яркой силой и в особо резких и грандиозных формах. Как и в греческих городах, и в Риме политическая борьба отдельных классов гражданства, вызванная и осложненная социальными и экономическими причинами, привела к резкому столкновению интересов отдельных классов гражданского населения и к длительной кровавой борьбе их между собою.

Параллельно превращению Рима и Италии в господ мира идет в Риме и Италии жестокая внутренняя распря правящей аристократии, все более богатеющего торгового и предпринимательского класса и массы населения, обладавшей *de jure* политическим суверенитетом и стремившейся под руководством трибуната, а затем отдельных военных тиранов осуществить его и *de facto*.

Под гром внешних побед и в буре повторных внутренних революций римское национальное государство постепенно превращается в мировую державу, многонациональную по составу и все более и более приближающуюся по своему строю к типу сначала эллинистических, а затем и восточных монархий. На основе военных тираний рождается двойственный принцип, сочетающий греческую тиранию с эллинистической монархией, на развалинах гражданского италийского государства возникает мировая монархия, управляемая бюрократической машиной с абсолютным господином во главе.

Параллельно этому понятие *civis Romanus*, как в эллинистических государствах понятие эллина, становится все более и более не политическим, а скорее культурным

термином, выделяющим из остальной массы населения тех, кто усвоил себе греко-латинскую цивилизацию и один из двух мировых языков — греческий или латинский.

Быстро идущее в эпоху принципата и домината расширение прав римского гражданства свидетельствует не об увеличении количества граждан свободного национального государства, а об успехах романизации и эллинизации. Бывшие господа мира — римские граждане, увеличиваясь в числе, все более и более становятся одинаково бесправными перед лицом власти, политически безразличными объектами управления, отличаясь от неграждан не политическими, а чисто гражданско-правовыми привилегиями и преимуществами.

И Рим, таким образом, как и остальные государственные образования античности, из национального италийского государства превращается в мировую державу, бесконечно разнообразную по своему национальному составу, управляемую абсолютным монархом и защищаемую профессиональным, в основе своей наемным, дорого оплачиваемым войском.

Эволюция эта совершается медленно, медленнее, чем когда-либо; во внутреннем строе мировой державы более, чем где-либо, осело пережитков старого гражданского строя, крепче и цепче, чем где-либо, держится традиция римского гражданского патриотизма, но и здесь постепенно гражданин умирает и на его место становится равнодушный к государству, аполитичный, живущий личными, а не гражданскими интересами, подданный.

Соответственно этому пышный когда-то расцвет греко-римской культуры в Италии и провинциях хиреет и вянет, оплошится и мельчает. Остаются одни основы, впитанные населением, да внешний греко-римский культурный облик.

Но наряду с этим наблюдается в мировой римской державе новый огромный по своему значению процесс. В недрах римской провинциальной жизни: в Галлии, Испании, Британии, дунайских провинциях — рождаются новые национальности, смешанные по своему племенному составу, но единые по своим культурным и государственным традициям.

Слабеющий ациональный римский колосс не в силах удержать процесса разложения мирового государства на ряд новых национальных государств, выросших на базе греко-римской культуры. Удары извне — напор германских, иранских, тюркских и славянских племен — не создает, а только ускоряет это разложение, способствуя созданию на развалинах Римской империи ряда национальных государств, среди которых наиболее жизненны те, которые совпадают со старыми римскими провинциями, носителями великих государственных, правовых и культурных традиций греко-римского мира.

Из недр Римской империи рождается современная Европа, развитие которой идет иным, обратным путем по сравнению с развитием античности. Нет более пагубной тенденции, как сравнивать на основании внешних признаков эволюцию античности с

эволюцией современности, отдельные государства современности и их роль в мировой истории с государствами Древнего мира и т.п. Особенно модно это стало теперь в Германии, причем, конечно, Германии всегда выпадает на долю быть современной не то Элладой, не то Римской империей, Англия уподобляется Карфагену, а России приходится быть Персией.

При этом забывается одно кардинальное различие, делающее историю современной Европы несоизмеримой с историей античности. История Европы есть продолжение истории античности, мир ничего не начал сначала, элементы античной культуры и государственности и помимо существования Византии никогда не умирали в Западной и даже Восточной Европе, поскольку эволюция Европы есть в ее наиболее цивилизованных частях продолжение эволюции отдельных римских провинций.

Этим кардинальным фактором, о котором так легко забывают, говоря, например, о греческом Средневековье, объясняется то основное явление, которое ближайшим образом интересует нас в данной связи.

Современность идет не от национального государства к вечно возрождающемуся мировому, не от относительной и частью полной политической свободы и самоопределения к абсолютизму, рабству и подданству, причем соответственно этому зажигаются ярким огнем очаги культуры в периоды яркого национального самосознания, а иным, глубоко отличным от античности, своеобразным и совсем непохожим на античный, путем.

Родившись на развалинах мирового анационального, если хотите космополитического, государства, каким была Римская империя, современная Европа медленно, но верно выковывает свои национальные государства, создающие каждое свою специфическую и глубокую культуру. Эти национальные государства чем дальше, чем больше они крепнут, тем успешнее борются с временными и всегда неудачными попытками создания мировой монархии по образцу Римской империи. Античность, таким образом, живет, в общем, под знаком мирового государства, определяющего собою государственность Древнего мира, современность — под знаком государства национального, которого античность по существу и длительно не знает, как не знает по существу и длительно современность мирового государства.

Античность идет от свободного строя к абсолютическому, современность, по мере того как крепнут национальности, их самосознание, их патриотизм, идет везде и повсюду от абсолютизма, пережитка античного мирового государства, к свободе, от восточного подданства к греческой гражданственности. Вожаками современной Европы на этом пути являются те нации, которые унаследовали от Древнего мира, частями которого они были, античный дух гражданской культурной свободы, — Италия, Англия, Франция. В хвосте идет Германия, с трудом прививающая себе основы античной гражданственности и культуры,

врагом и разрушителем которой она всегда была, как была она всегда и носительницей идеала возобновления мирового государства, идеала, всегда разбивавшегося о крепнущее национальное самосознание народов Европы. В хвосте идем и мы, наследники последнего по идее мирового государства — Византии, с трудом расставаясь с традициями Византийской империи и мирового империализма.

Но нет сомнения, вся история Европы идет по этому пути: в европейском политическом и культурном развитии нет места мировому государству, мировому господству какой-либо одной нации. Всякая попытка к созданию такого неминуемо разобьется о крепнущее национальное самосознание, культуру и политическую свободу всех остальных народов, членов культурной и равноправной европейской семьи.

1915 г.

(Русская мысль. 1915. № 10. С. 19–31)

П. Савицкий

БОРЬБА ЗА ИМПЕРИЮ

I. Империя и империализм

В девятнадцатом веке Германия, выработав значительно раньше общую национальную культуру, образовала также в политическом и экономическом отношениях здоровое и сильное национальное тело. Сперва это национальное целое в значительной степени было как бы замкнуто в самом себе и не нуждалось ни в политическом, ни в экономическом отношении в дальнейшем расширении (известное бисмарковское «saturiert»). Однако с течением времени, особенно начиная с конца 80-х годов XIX в., немецкая нация начала перерастать те границы чисто национального бытия, которые были установлены ее достижениями 1830–70 годов. В самом конце XIX в., особенно же в первые годы XX века стало ясно, что для немецкого народа выросла новая задача: создать для себя и за пределами своей национальной территории широкую сферу экономического влияния, простирающуюся на другие, чуждые немецкой нации народы, закрепить это экономическое расширение властвованием культурным, политическим в той или иной форме. Подобного расширения настоятельно требовали чрезвычайно увеличившиеся производительные силы нации, искавшие применения, и быстрый рост населения. Задачи чисто национальные сменились для Германии задачами империалистическими, сменились несколько десятилетий спустя после основания германской империи. Эта империя, как она сложилась в 1870–71 гг., сперва не заключала в себе империалистических элементов, будучи осуществлением чисто национальной идеи; империалистические задания стали для нее на очередь лишь через некоторое время после 1871 г.

Мы попытаемся здесь установить некоторые общие империалистические категории; в дальнейшем они должны помочь исследовать идеологию великой Германии, выяснить ее соотношения к империалистическим заданиям России и, вообще, определить — в приблизительных чертах — то столкновение империалистических заданий, которое привело к конфликту 1914 г.

Нужно установить, что понятие империализма одинаково может быть относимо как к известному направлению чисто политического, государственного характера, так и к ряду явлений известного порядка в области экономической и культурной жизни. Может существовать империализм в политике, империализм в экономике, империализм в делах

культуры. Но сначала мы обратимся к самому понятию империализма. Империализм, прежде всего, представляет собою известное направление, определенную тенденцию в политике — в широком смысле этого слова, т.е. в политике, поскольку она обнимает и чисто политические, государственные отношения, и отношения хозяйственные, и отношения культурные. Чем же характеризуется эта тенденция? «Империалистической» можно назвать политику — в широком смысле слова — каждой нации, расширяющей или расширившей свое национальное хозяйство, национальную культуру или границы своего национального государства за пределы своей национальности, своей национальной территории¹. Подобная политика ставит себе задачу вовлечь другие народы и страны в круг влияния «империализующей» нации или страны, заставить их как бы вращаться по орбитам вокруг «империализующего» центра, как планеты вращаются вокруг солнца, или даже слить всю эту систему в единое политическое, культурное и хозяйственное целое и, таким образом, заменить национальное хозяйство, культуру и государство главенствующей нации хозяйством, культурой и государством сверхнациональными, как это случалось и может случаться в империалистических образованиях известного типа.

Империалистическую политику ведет какая-либо отдельная нация; но поскольку эта политика приводит к реальным последствиям — эти последствия выходят за пределы национального бытия этой нации и касаются ближайшим образом ряда наций и стран. Реальным достижением империалистической политики является образование «империи». «Империя», как осуществленное многонациональное единство, простирающееся одновременно на различные области — государство, культуру, хозяйство, — служит единственным прочным исходным пунктом в исследовании империализма. Империя является реальным выражением империалистического начала. А самое понятие империализма в значительной степени есть как бы производное от понятия «империя». Однако мы можем мыслить империализм и вне империи. Империя, империалистическое образование создается целым рядом процессов и фактов известного рода. Если даже подобные процессы и факты встречаются и поодиночке, вне той совокупности, которую они образуют в империи, то мы все-таки можем говорить о них как о явлениях империалистического порядка.

Все представления об империализме и об «империи» исходят из представлений о нации. «Империя» — это многонациональное единство, которое исходит от национального

---

¹ Мы говорим везде «национальный», потому что, по нашему мнению, понятие империализма следует ограничить областью взаимоотношений целых народностей и стран. Мы можем говорить об империализме в отношении города и деревни только тогда, когда город олицетворяет в себе национальность и государство, т.е. почти исключительно в применении к античному polis, хотя сходство в отношении города и деревни с процессами империалистического расширения можно отметить и в современности, и особенно в Средние века.

единства и в то же время идейно может ему противопоставляться. В какие же реальные формы выливается в области хозяйства, политики и культуры в идеальном завершении, национальное единство? И в чем ему противоположено, и в чем исходит из него единство империалистическое, «империя»?

Чисто национальное хозяйство в его идеальном завершении — это хозяйство нации, экономически независимой от других народов, но не властвующей над ним. Такое хозяйство нужно мыслить как замкнутое в себе в смысле сочетания на территории данной нации и промышленности, и земледелия.

Законченное национальное государство обнимает лиц только одной национальности, но зато в их полном составе. Законченная чисто национальная культура должна быть в значительной степени независима от культур других наций; во всяком случае — быть одной среди равных. Но в то же время эта культура чужда властвования над другими народами; она не имеет учеников и не стремится привлечь силы чужих наций к работе на своей ниве.

Национальное начало находит свое законченное реальное выражение в образовании национальной цельности, сочетающей в себе одновременно такое политическое, хозяйственное и культурное национальное объединение. Нужно оговориться: иногда таким реальным выражением считают прежде всего и даже исключительно национальное государство. Это правильно в том смысле, что без национального государства невозможно существование законченной национальной цельности. Но как может существовать империалистическое объединение вне империи, так может иметь место и национальное культурное или хозяйственное объединение вне законченной национальной цельности, без национального государства. Тому примеры: Италия до 1860 г. и Германия до 1871 г.

Итак, полным выражением национального начала является национальная цельность, основанная одновременно на политическом, хозяйственном и культурном национальном объединении, и притом замкнутая, как мы указывали выше, в каждой из этих областей в самой себе.

Установив это положение, обратимся к характеристике цельности империалистической и к указанию той роли, которую играет — в возникновении и в бытии последней — нация и национальное начало.

Под понятие явлений империалистического порядка мы подводим все процессы и факты, в которых намечается установление многонационального культурного, или хозяйственного, или политического единства; под категорию явлений подобного порядка можно подвести каждое более значительное культурное влияние одной нации на другую, каждое значительное хозяйственное взаимодействие нескольких наций, поскольку и подобное влияние, и подобное взаимодействие ведут за собою образование — несколькими

национальностями — единства в отношении культуры и хозяйства. Определяющим является здесь тот признак, что подобное империалистическое единство образуется несколькими национальностями; и именно этим империалистическое единство отличается от единства национального, образуемого одной национальностью.

Культурное объединение нескольких наций может сопровождаться их политической разобщенностью и наоборот. В то же время в истории мира так часто встречается — в отдельности — культурное, или хозяйственное, или политическое многонациональное объединение, и такое объединение может иметь столько оттенков и степеней, что если говорить об империализме при наличии отдельных черт объединения хотя бы одного из этих родов, то придется всю мировую историю признать сплошь процессом империалистического порядка. Отдельные явления политического, хозяйственного и культурного объединения наций образуют широкую сферу как бы разреженных и неопределенных понятий и представлений, которою окружено сгустившееся и принявшее определенную форму тело. Это тело — законченное империалистическое образование, законченное выражение империалистических стремлений — «империя».

Правда, в известных случаях мы можем себе представить незаконченное империалистическое образование, основанное на одностороннем объединении нескольких наций, — только политическом, только хозяйственном, только культурном. Но по понятным причинам подобное незаконченное империалистическое образование не может быть крепким, не может мыслиться как длительное состояние. В нашем представлении подобное империалистическое образование всегда является этапом по пути к чему-либо иному. Или в результате оказывается, что «империализующая» нация не в состоянии довершить созданное ею незаконченное империалистическое образование, и тогда это образование распадается. Или, наоборот, незаконченное империалистическое образование превращается в законченное, — когда «империализующая» нация оказывается способной заложить основы многостороннему объединению нескольких наций. Таким законченным империалистическим образованием — или «империей» — мы называем то образование, где имеет место объединение одновременно всех трех указанных родов, т.е. объединение политическое, хозяйственное и культурное. Совершенно верно замечено, что первым и важнейшим признаком «империи» является чисто политическое, государственное объединение нескольких наций. Действительно, никакая «империя», как законченное империалистическое образование, невозможна без общности политической власти. Но понятие «Imperium» — в нашем случае: понятие власти, объединяющей несколько наций, — может распространяться не только на чисто политические отношения. Можно представить объединяющее властвование над несколькими нациями какой-либо определенной культуры; можно

представить себе объединяющее властвование над несколькими нациями определенных хозяйственных интересов, хотя бы эти объединяющие интересы складывались, как результаты борьбы интересов многих индивидуумов. Мы оставляем понятию «империя» его политическое содержание. Мы считаем, что без политического объединения никакой «империи» существовать не может. Но содержание понятия не исчерпывается для нас чисто политическими признаками. Мы повторяем, что под «империей» мы подразумеваем только законченное многонациональное образование, т.е. скрепленное одновременно как политическими, так и культурными, и хозяйственными связями.

При изучении империалистического начала в мировой истории практически приходится иметь дело почти исключительно с «империями» как с наиболее осязаемыми, конкретными выражениями этого начала, из которых вышло, конечно, самое понятие империализма. И только в периоды образования новых «империализмов» приходится оперировать с незаконченными, односторонними империалистическими образованиями, которые еще не превратились в «империю», а может быть, и вовсе не превратятся в нее. Наше время именно является временем выработки нового — германского — империализма.

Интересно, что в истории «империя» никогда не возникала как следствие согласного желания составляющих эту империю наций объединиться. Наоборот, она всегда создавалась инициативой и действиями одной «империализующей» нации, которая, руководясь своими выгодами, вовлекала — принуждением или договором — другие «империализуемые» нации в круг своего влияния. Так, например, образование Римской империи — одного из великих примеров империалистического объединения — вовсе не было следствием согласного стремления наций, ее составлявших: кельтов, эллинов, иллирийцев; эта империя была создана завоеваниями римского народа; так же создалась и современная Британская колониальная империя, поскольку она охватывает нации, чуждые по крови англичанам, — Индию, Центральную Африку, бургские республики. Поэтому процесс образования «империи» можно характеризовать как культурное, хозяйственное и политическое расширение «империализующей» нации на другие, чуждые ей — «империализуемые» — народы — расширение, ведущее к созданию многонационального единства.

Как соотносятся между собой империалистическое и национальное начала?

Прежде всего, нужно заметить, что между этими началами — в их проявлениях — не существует резкой и раз навсегда проведенной границы. Часто случается, что существующая в данный момент единая национальность является результатом слияния нескольких наций, и в этом смысле, оставаясь национальной цельностью, она в то же время включает в себе империалистический элемент. Можно считать несомненным, что в мире не было и нет ни одного образования чисто национального или чисто империалистического.

И у Швеции, например, донныне могут быть империалистические задания по отношению к лопарям или финнам. Это не мешает ей быть телом по преимуществу национального характера. Также и Венгрии не препятствуют оставаться главным образом чисто национальным целым ее империалистические поползновения по отношению к словакам или угроросам.

Соотношения империалистического и национального начал чрезвычайно текучи. Можно только определять, где преобладает каждое из названных двух начал.

Указанное выше исхождение «империй» из национальных цельностей еще более увеличивает эту текучесть. Империалистическое начало не может быть противопоставляемо национальному как нечто совершенно с ним не связанное. Империалистическое единство, т.е. империя, создается всегда под покровом национальной идеи одной определенной нации — именно нации «империализующей». То обстоятельство, что в процессе создания империалистического единства эта идея терпит видоизменения, а иногда воспринимает в себя национальные идеи империализуемых наций и тем самым становится идеей сверхнациональной — это обстоятельство не меняет существа дела. Для исходного момента империалистического объединения, для создания «империи» необходимо наличие «империализующего» национального ядра, которое своими силами и по своей инициативе создает и сплачивает это целое в органическое единство.

Совершенно необходимым для «империи» является именно органический характер объединения наций. Империя отнюдь не есть механический конгломерат наций, связанных каким-либо случайным или малозначительным признаком; даже единство политической власти не может само по себе создать империи; понятие «империи» непременно предполагает наличие объединяющей культуры и хозяйства. Поэтому заверченный империализм исключает возможность существования внутри империалистического целого обособленных национальных цельностей с вполне самостоятельной культурой и хозяйством. В культурном и хозяйственном объединении наций империалистического целого — залог его существования; только благодаря этому объединению многонациональное образование может приобрести достаточную внутреннюю спайку.

Турецкая империя, как и царство Гамерлана, не заключает в себе элемент подлинной «империи». Она соединяет народы — турок, греков, арабов, армян — только политически. Без объединения экономического и особенно культурного такое объединение не имеет отличительной черты всякого здорового империалистического целого — органической крепости. В дальнейшем мы увидим, что главное условие подобного культурного и хозяйственного слияния есть его историческая разумность, его значительность для мирового прогресса.

Мы даже ограничиваем теоретически круг «империй» только теми из многонациональных цельностей, которые имели подобное всемирно-историческое значение, которые, следовательно, оказались по идее живыми и крепкими — и оставляли крупный след в бытии народов. Конечно, каждое крупное явление и образование имеет свое всемирно-историческое значение. Возможно, например, что и татарское владычество могло привести Северную Русь к национальному объединению — и тем создать фундамент Русской империи. Мы хотим только подчеркнуть, что «империей» может быть названо лишь то империалистическое образование, в котором нация, созидаящая многонациональную цельность, может дать «империализуемым» народам что-либо положительное, а не берет у них сама начатки цивилизации ценою понижения уровня культуры покоренных наций; «империя» лишь там, где для покоренных народов покорение имеет большее значение, чем значение того несчастья, которое воспитывает характер человека и обнаруживает ему его недостатки.

В античном мире можно указать несколько империалистических образований с подобным положительным всемирно-историческим значением: таковы Римская империя и эллино-македонская держава Александра Великого, распавшаяся затем на царства его полководцев-преемников. Великое предприятие Александра имело несомненно целью, осознанной Александром, обновление культуры Востока — Египта, Вавилонии, Персии — путем слияния ее с культурой Эллады. «Империализующей» нацией были эллино-македонцы; эллины дали культуру, македонцы — политические средства к образованию новых империалистических целых. В результате создалась «эллинистическая» культура, игравшая в конце античной эпохи и в Средние века для стран между Асуаном и Владимиром такую же роль, как римская культура для стран Западной Европы. О Римской империи, передавшей своими империалистическими достижениями достояние древности в новые века через культуру Италии, Испании и Галлии, говорить излишне. На примере римской политики времен Цезаря, Августа, Тиберия, Клавдия должно учиться приемам империалистической политики «римского типа», находящим возрождение и в новые века, главным образом в русской империи...

II. Элементы русского империализма

Мы все знаем, что война 1914 г. была задумана ее германскими инициаторами как война против России и Франции, но не как война против Англии. Установление фактического германского протектората над Турцией и поддержка Германией австрийских поползновений на Сербию непосредственно затрагивали самые жизненные, самые

существенные интересы России и только косвенно угрожали Англии. Можно утверждать даже, что трагедией современной Германии является именно то, что она принуждена против воли сражаться с Англией, в то же время как самая мысль о континентальном расширении в сторону Австро-Венгрии и Турции родилась в Германии, вероятно, вследствие желания избежать этого столкновения с Англией в первой стадии своего колониально-империалистического расширения. Но все-таки эта направленность войны против России не уничтожает того обстоятельства, что при известных условиях идея империалистической Германии гораздо более совместима в мире с идеей империалистической России, чем с идеей империалистической Англии. Германия, как и Англия, стремится к «колониально-экономическому» империалистическому расширению. Империализм русский был и останется, конечно, империализмом «континентально-политического» типа. Из этого основного факта вытекают большие различия интересов, задач — различия, которые делают при известных условиях «континентально-политический» империализм России совместимым в отдельности с «колониально-экономическим» империализмом и Германии, и Англии, в то время как империалистические задачи Германии и Англии благодаря своей значительной однородности вряд ли могут быть примирены.

Здесь мы переходим к рассмотрению индивидуальных черт русского империализма и русской империи; попутно мы будем останавливаться на тех отличиях, которые мы считаем характерными вообще для всех доселе существовавших образований «континентально-политического» типа. Здесь же мы впервые коснемся вопроса о внутренней структуре империи, т.е. об отношениях между собой наций, ее составляющих. Этот вопрос не менее интересен, чем вопрос о том, как и в удовлетворение каких потребностей создаются империи...

В истории создания каждой империи существенно различны главные моменты: с одной стороны, выработка основной великой империализующей национальности, основного национального ядра империи; с другой стороны, образование самой империи, т.е. многонациональной цельности, инициативой и силами этой великой национальности. Национальное единство великих наций античности и современности отнюдь не является чем-либо изначально данным. Это единство создавалось в истории путем усилий и борьбы. Каждая великая нация представляет собою продукт слияния нескольких первичных национальностей, которые прежде этого слияния существовали самостоятельно. Так, римская национальность тех времен, когда она стала основным ядром великой империи, т.е. в последние времена республики, заключала в себе не только собственно римский народ, но и другие среднеиталийские племена — сабинов, самнитов, умбров, марсов, т.е. всех италиков; римская национальность являлась продуктом слияния северофранцузов и

южнофранцузов (главным образом провансальцев); великая немецкая нация возникла благодаря слиянию нижненемцев и верхненемцев.

Каждая из этих первичных национальностей до своего объединения с другими в известной мере была отмечена национальной обособленностью. И все-таки нельзя сказать, что те великие национальности, которые представляют собою результат объединения национальностей первичных, являются империалистическими, т.е. многонациональным единством. Нечто совершенно различное: достичь объединения родственных друг другу по религии, обычаям, культуре римлян и сабинов и слить во единое столь чуждые друг другу нации, как римляне и кельты. Объединение римлян и кельтов дает империю; объединение римлян и сабинов дает нацию. Это будет нация производная; римляне и сабины по отношению к ней будут нациями первичными; отличительная черта подобных «первонаций» — их племенная близость между собой. Таковы — северофранцузы и провансальцы, нижненемцы и верхненемцы; таковы — великороссы и украинцы.

Основное империализующее ядро русской империи, великое русское национальное единство создано слиянием Москвы и Украины. Между великороссами и малороссами существует, несомненно, большое племенное родство; но благодаря историческим судьбам XIII–XVII вв. они образовали собою к XVII в. две обособленных «первонации». Московия выработала крепкую и сильную государственность; но, окаменев в рамках своего сословного расслоения, она не имела живой, действенной культуры. Украина, сохранившая в себе даже в тяжелые моменты «панского» засилья демократический дух, подверженная влиянию Запада через Польшу и в то же время не забывшая заветов византийской цивилизации, — Украина обладала духом сильной и живой культурности. Московия была способна стать творцом «империи», только восприняв от Украины этот дух живой культуры. Зато Украина не имела государственности. Накопившиеся за протекшие века начатки украинской государственности ушли из нее; литовско-русская аристократия, которая могла стать вождем в образовании крепкого украинского государства, растворилась в полонизме. Вообще, Польша, предупреждая во времени попытки Московии, весь XVI и XVII век стремилась к инкорпорации Украины.

Украина открывала пути к Черному морю и на Восток. Украинский народ, войдя в Московию или Польшу, мог дать — той или другой — достаточное могущество для создания империи. Вопрос: великая Россия или великая Польша решался тем, кому удастся достичь слияния с Украиной; решался в XVI веке и главным образом в первые 75 лет XVII века.

Объединение Москвы и Украины благодаря племенному родству великороссов и малороссов подходит под понятие образования великой национальности путем объединения «первонаций». Наоборот, слияние Украины и Польши благодаря большей племенной

отчужденности украинцев и поляков являлось бы процессом, по существу, империалистическим, т.е. процессом объединения двух обособленных наций. Но и Польше и Москве для достижения этого слияния было необходимо отказаться от узкопольской или узкомосковской исключительности и выработать в своей государственности и культуре сверхнациональную сущность. Украинцы были достаточно сильной и достаточно культурной народностью, чтобы объединение, основанное на политическом подчинении, без равноправия и на прямом приобщении к «империализующей» культуре, по отношению к ним стало невозможным. Вопрос: великая Россия или великая Польша был решен тем, что в Польше не оказалось власти, которая осознала бы законы империалистической политики и в то же время была бы достаточно сильна, чтобы провести их в жизнь; в Польше не было власти, которая, преодолев узкопольскую сущность, могла повести государство к сущности сверхпольской. В Москве же московские цари (Алексей, Феодор и Петр) оказались сильнее самой Москвы в ее сословно-общественном укладе — и в преодолении узкомосковской сущности, преодолении, нашедшем себе окончательное выражение в петербургском строе вещей, создали слияние Москвы и Украины.

В области государственных отношений в эту эпоху происходили одновременно два процесса. С одной стороны, московская государственность постепенно, но неуклонно уничтожала автономию Украины, которая была установлена «пунктами» Богдана Хмельницкого; с другой же стороны, сама московская государственность в этом процессе теряла свой узкомосковский характер и переходила к сущности сверхмосковской. Важнейшим этапом этого перехода стало царствование Петра I. Петербург — вот та почва, где примирились в общей работе, в общем самоотречении московское и украинское начала.

Петербургский строй вещей был столько же московским, сколько украинским, или, скорее, он не был ни московским, ни украинским. В Петербурге с первых моментов его существования великороссы и украинцы были уравнены. Недаром и теперь еще многие украинцы, чувствуя себя чужими и в Москве, и в современном польско-еврейском Киеве, чувствуют что-то не чужое себе и близкое в Петербурге — там, где сделалось возможным объединение Москвы и Украины.

Петр содействовал этому объединению еще и в другом направлении. В своих поисках за действенной культурой, в своих революционных начинаниях он встретил сознательную поддержку только в Украине: в Мазепе и в группировавшейся вокруг него украинской старшине, затем в украинском духовенстве, к тому времени культурном и сильном. Но Мазепа разошелся с Петром и исчез, унося собою последние возможности обособленной украинской государственности. Украинским же духовенством Петр затопил Московию. Украинец (Стефан Яворский) был блюстителем патриаршего престола, украинцы же были

митрополитами, епископами, архимандритами и пр. Переходя в Московию, все они переносили сюда свою образованность, свою культуру. Весь XVIII в. Украина, все еще не закаменевшая в рамках сословной замкнутости, все еще по существу демократическая, посылала своих лучших сынов работать над созданием общерусской культуры. Новая русская литература, русское зодчество и русская живопись в значительной степени вышли из украинского духа, из украинских истоков. Симеон Полоцкий, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Левицкий, Боровиковский, Капнист, Гоголь, Мартос...

Можно и должно считать, несмотря на шатания нашей внутренней политики, что основным империализующим ядром русской империи являются отнюдь не одни великороссы, но то национальное единство, которое образуют великороссы и украинцы вместе. Не нужно забывать, что московская государственность только потому послужила основой государственности Российской империи, что вовремя стала сверхмосковской; наконец, важнейшим, может быть, истоком общерусской культуры послужил живой и свободный дух Украины.

Российская империя от времен Петра I и до конца XVIII века едва ли была «империей» в точном смысле этого слова. Великороссия и те части Украины, которые тогда принадлежали России, сами по себе не составляли «империи»; прибалтийские области с нерусским населением являлись не более как необходимым дополнением русской национальной территории, дававшим России выход к морю, столь для нее необходимый. Народности Приволжья и Сибири не представляли собою значительной величины; их территории были важны главным образом как области для русского заселения. Величайшим достижением XVIII в. была выработка великой национальной русской цельности. Только в конце XVIII в. русское государство, в эпоху завоевания Крыма и присоединения Грузии, решительно вышло за пределы русской национальности. То превращение национальной цельности в империю, к которому стремится и за которое ныне борется Германия, это превращение Россия пережила на 1 1/2 столетия ранее, чем к нему пришла Германия.

Россия обращена на Восток. И многое говорит за то, что она может создать здесь органическую империалистическую цельность, сходную иными чертами и заданиями с эллинистическими монархиями Востока и Римской империей, конечно, со многими видоизменениями. России, например, выпало на долю принять под свой покров идеи грузинской и армянской национальностей. Ее задача — дать этим народам национальное единство и национальную безопасность. Грузинская и армянская нации — народы древних культур. Но пережив каждая расцвет между VII и VIII вв. по Р.Х., их культуры пошли на убыль в силу разрушения национальной мощи и, может быть, благодаря истощению внутренних творческих сил. Объединение Грузии и Армении с Россией может сделаться

органическим именно потому, что русская культура способна стать достаточно сильной, чтобы возродить к новой культурной жизни эти народы, оставившие такие прекрасные следы своей былой культуры, как памятники Эчмиадзина, Ани, Мцхета или Кутаисские. Можно думать, что это культурное влияние поведет не только к оплодотворению чужой культуры, которая, созрев, отдалится от взрастившей культуры, как плод падает с дерева, но что оно поведет к созданию крепкого органического единства, как в Римской империи, или эллинистических монархиях Востока, например Сирии, или малоазийских царствах. Здесь мы хотим обратить внимание на тот существенно различный характер империалистического многонационального объединения, который достигался, с одной стороны, в таких «колониально-экономических» образованиях, как существовавшие доселе колониальные империи, а с другой стороны, в таких образованиях континентально-империалистического типа, как Римская империя и эллинистические монархии Востока. Как мы это видим на примере индусов к египтян в современной Британской империи, как мы можем провидеть это относительно негров, если они получают воспитание в культуре и в труде — культура империализующей нации в колониальных империях только оплодотворяет культуру «империализуемой» нации, а не впитывает ее в себя, оплодотворив, и не создает вместе с ней культуру по существу сверхнациональную. Поэтому можно сказать, что колониально-экономическое, обычно заморское империалистическое расширение имеет своей универсально-исторической, если угодно космической, целью рассеивать лучи культуры в широком просторе мира. Наоборот, поскольку это можно проследить в истории, «континентально-политическое» империалистическое расширение вело к созданию грандиозных органических цельностей, грандиозных сверхнациональных культур, как «эллинистическая» культура, которая, выйдя из культуры Эллады, привлекла к работе на своей ниве народности Древнего Востока, и поздняя римская культура, которая во II–V веках по Р.Х. более питалась духовными силами кельтических Испании и Галлии, чем латинской Италии. Эти грандиозные единства были созданы силами империализующей нации и силами империализуемых народов, обычно тоже призванных к великой культурной роли, но или еще не созревших для нее, как кельты в Римской империи, или нуждающихся в возрождении своей культуры, как народы древнего Востока в империи Александра Македонского. Такие грандиозные империалистические целые не только приносят культурное оплодотворение «империализуемым» нациям, но и дают для будущего новую идею — идею органического единства, которая, например, так ярко сказывалась и после падения Римской империи на всем латинском Западе во все Средние века.

Нам кажется, что созданию таких органических единств в «колониально-экономических» империалистических образованиях препятствует доселе именно экономический по преимуществу характер образований.

Империалистические целые можно различать по степени их крепости по следующему признаку: ведет ли прогресс «империализуемой» нации в культуре и в области экономических отношений к отпадению от «империализующего» центра или, наоборот, к дальнейшему сближению с «империализующей» нацией. В «колониально-экономических» образованиях такое дальнейшее сближение отнюдь не является неизбежным, потому что с уравнием хозяйственной культуры метрополии и колоний как бы иссякает главный источник империалистического объединения — «хозяйственное дополнение» метрополии странами низшей экономической культуры. Единение Англии с ее колониями-дочерьми остается в силе и после хозяйственного их уравниения.

Но это единство пока что не является единством империалистическим в смысле объединения многонационального. По существу в национальные соотношения оно не вносит ничего нового; оно не заключает в себе объединения нескольких культур, нескольких национальных идей. Это — единство многих территорий, многих стран, заселенных одним и тем же народом, это — многотерриториальное, но не многонациональное единство; это — империализация земель, а не народов. Если же Индия, населенная народностями, чуждыми британцам, когда-либо достигнет хозяйственного уравниения с Англией или в колониях-дочерях выработаются благодаря местным условиям обособленные национальности и если все-таки их объединение с Англией тогда не порвется, а, пожалуй, станет еще ближе, то возникнет новый тип империалистической, многонациональной цельности, пока нами не встреченный в истории.

В «континентально-политических» образованиях определенный строй экономических отношений не является первоосновой объединения, и поэтому хозяйственное уравниение наций здесь не ведет к его распадению. Наоборот, «континентально-политическое образование» с самого начала своего существования обыкновенно основывается на хозяйственном равноправии, равноправном объединении наций.

Употреблять для обозначения хозяйства Российской империи последних времен термин «русское национальное хозяйство» в высшей степени неправильно. Активно хозяйствующим элементом здесь отнюдь не является один русский народ, даже если понимать под эти именем и великоруссов, и украинцев, и белорусов. Поляки, грузины, армяне тоже принимают самостоятельное участие в хозяйствовании, и отнюдь нельзя считать армян или поляков нациями, эксплуатируемыми нацией русской, как эксплуатируются англичанами индусы или кафры. В то же время нельзя считать, что все

«империализуемые» части являются в России «хозяйственным дополнением» империализующего центра. Конечно, существование промышленности московского или петроградского районов возможно только при условии, что приволжские губернии, Северный Кавказ или Украина будут доставлять хлеб промышленному населению. Конечно, и русский империализм включает в себе элемент экономического расширения типа «дополнения», и конечно, для существования русской империи очень важно, что Великороссия представляла и представляет значительную промышленную и торговую силу. Но какое экономическое расширение Москвы возможно по отношению к Польше? Разве по отношению к остальным провинциям империи Польша с ее промышленностью не являлась таким же экономически империализующим ядром, как и сама Московская область? И разве не являются вполне равноправными и равносильными земледельческим районам основного «империализующего» ядра земледельческие районы с нерусским населением, как Бессарабия, Закавказье и та же Польша?

Экономическая равносильность и равноправность народов характерны для русского империализма. Литовцы, грузины, армяне, сарты и другие народы русской империи должны, по нашему мнению, являться как бы союзниками русской нации в области хозяйственной жизни. Русское государство обеспечивает литовцам выход к Балтийскому морю, необходимый для развития здоровой экономической жизни на Литве. Грузины и армяне, по существу, должны быть заинтересованы в установлении мира и свободного пути в той же области, где лежат непосредственные интересы русского народа: на Черном море, в проливах. Русское властвование в проливах важно для установления интенсивного торгового оборота в Грузии и Армении. Отнюдь не отказываясь от преследования русских национальных идей, Россия в то же время может взять под свой покров экономические интересы «империализуемых» наций.

Армяне, русские, грузины и проч. в хозяйственном смысле равносильны и равноправны, и поэтому нет препятствий тому, чтобы хозяйственная деятельность этих народов как бы переплелась между собой и образовала недифференцированное единство.

Мы хотим указать на один формальный признак, который характеризует, с одной стороны, хозяйственную слитность русской империи, с другой — хозяйственную дифференцированность внутри колониально-экономических держав, даже получивших политическое оформление.

Интересно, что понятия внешняя торговля Англии, внешняя торговля Германии совершенно неоднородны понятию внешняя торговля России. Внешняя торговля Германии или Англии — это торговля «империализующего» центра, с одной стороны, с «империализуемыми» народами и странами и, с другой стороны, с чужими землями.

В экономическом отношении части «империи» здесь резко отделены; с одной стороны — метрополия; с другой стороны — колонии, которые ставятся наравне с совершенно чуждыми странами. В России такого разделения нет, вся «империя» соединена в одно целое; нет экономическом отношении резкого разделения частей «империализующих» и частей «империализуемых». Поэтому удивительно низкая по сравнению с английской или германской сумма внешнего русского оборота сама по себе не может свидетельствовать об очень низкой потребительной силе русского народа. Чтобы определить эту силу для основной массы русского народа, как она определена для английского или немецкого, нужно центральные области империи отделить таможенными, по крайней мере, от Польши, Бессарабии, Крыма, Туркестана и Сибири.

Конечно, в этой слитности и в этой дифференцированности, кроме прочих причин, большую роль играет географическое единство России, как всякого континентально-политического образования, и разбросанность колониальных владений других государств. Но, с другой стороны, эта слитность хорошо выражает собою приятие «империализуемых» народов как бы внутри русского народного хозяйства.

Ко всему сказанному можно еще прибавить, что в доселе существовавших империалистических образованиях «континентально-политического» типа в конце концов достигалась также политическая равноправность наций, составляющих империю. Македонцы в войске Александра негодовали на то, что последний поставил персидских вельмож наряду с ними. Уже с I в. по Р.Х. права римского гражданства были у значительной части римских подданных; а с 212 г. они были распространены на все народы империи. Наконец, в России все крупные «империализуемые» нации совершенно равноправны в политическом отношении с нацией русской и, между прочим, выбирают своих представителей в Государственную думу. Но индусы не принимают участия в выборах в английский парламент.

Однако, в таком случае, какие же выгоды дает «континентально-политическое» расширение для империализующей нации, — выгоды, равноценные экономическим выгодам колониального расширения? В самом идеальном завершении «континентально-политическое» расширение ведет к кооперации сил объединенных в империю наций в достижении общих целей и к обогащению культуры «империализующей» нации силами империализуемых народов. Не следует думать, что слияние подобного типа непременно связано с полным уничтожением обособленных до известной степени национальных культур «империализуемых» наций. Наоборот, покушение на окончательное уничтожение подобных национальных особенностей может свести на нет все достижения империалистического

слияния. Хороший пример тому — отношения Польши и Украины. Но в своих высших кристаллизациях культура подобных наций должна входить в культуру империализующую.

Мы постарались обрисовать с разных сторон континентально-политический тип империализма. И в конце концов мы увидели в нем какое-то своеобразное соединение мощи со справедливостью. Как это происходит? Как может прийти к такому соединению многонациональное образование, которое основывается прежде всего на политическом расширении, на политическом властвовании, основанном на силе меча? Ведь и даже менее грубое по внешности «колониально-экономическое» расширение по отношению к чуждым нациям доныне всегда выражалось в форме хозяйственной эксплуатации этих наций. Объяснение таково: мы ограничивали понятие «империалистического образования» только теми многонациональными целостностями, которые выполняли универсально-историческую, историко-космическую задачу культураносительства. Образования, основанные на экономическом расширении типа эксплуатации, не ведя к соединению мощи со справедливостью, однако же, и без этого выполняли задачу культураносительства и потому являлись образованиями подлинно империалистическими.

При содействии свободного обмена, затем путем наемного, а иногда даже и подневольного труда «империализуемых» могут осуществляться культураносительские цели, может распространяться цивилизация среди экономически эксплуатируемых наций. Наоборот, властвование милитарное, основанное на политическом порабощении «империализуемых» наций, в его чистом виде не ведет ни к какому прогрессу. Ибо подобным завоевателем может стать и Чингиз-хан, и Тамерлан. Их «континентально-политические» империи чужды империализма в нашем понимании этого слова. Если «континентально-политические» образования оказывались империалистическими в смысле выполнения исторических целей культураносительства, то всегда в них происходило видоизменение характера политико-милитарного властвования; в этих образованиях устанавливалось равноправие наций, нациям «империализуемым» предоставлялись желанные им блага под единственным условием, чтобы они сознательно и добровольно поставили себя под покров государства и культуры «империализующей» нации, почувствовали себя органически связанными с последней. Так было в монархии Александра Македонского, в Римской империи; это же осуществилось отчасти и должно осуществиться вполне в империи русской.

Не следует думать, что различия, которые мы установили здесь относительно колониально-экономического и континентально-политического империализма, являются чем-либо неизменяемым и неизбежным и что не может быть колониальной или континентальной империи иного, чем описанный, характера. То, что мы говорили здесь,

относится к доселе существовавшим империям того и другого типа. В дальнейшем процессе развития отдельных империй современности внутренняя структура колониальных и континентальных держав может прийти к значительному сходству между собой.

Итак, русский империализм — «континентально-политического» типа; наоборот, английский и германский империализм сходятся на том, что ведут к расширению «колониально-экономического» типа. Поэтому английский и германский империализм, по существу, плохо примиримы между собой: допущение подобного примирения при настоящих условиях вело бы к допущению какого-то трудно представимого «совластвования» на море. Осуществление русской «континентально-политической» империалистической идеи не ведет к такому столкновению по всем пунктам с «колониально-экономическим» империалистическим целым, будь то британским, будь то германским. Такое столкновение вообще невозможно в Америке, в громадной части Африки и в Австралии. А в Азии оно может быть предотвращено на очень долгое время. Только чрезвычайно смелая мысль может ставить уже теперь России цели — образовать органическое империалистическое единство из всех народов и земель старой культуры от Константинополя через Дели до Пекина. При современной невыработанности многих отраслей русской культуры, например культуры политической, Россия еще надолго обречена ограничивать круг своих империалистических достижений овладением проливами — гарантией своего экономического существования — и вовлечением в сферу своего влияния грузин, армян, персов, сартов да, пожалуй, монголов. Англия не имеет того континентального могущества, которое имеет Германия. Именно это могущество обусловило характер и направление настоящей войны. Поэтому России более удобно сожитительство с великой Британией, чем с великой Германией. Но если Россия будет иметь твердые гарантии против континентальных поползновений на нее Германии, то вопрос Великая Британия или Великая Германия как преобладающая колониальная держава, становится для России принципиально безразличным.

1915 г.

(Русская мысль. 1915. № 2. С. 56–77; № 1. С. 51–77)

Н. Гредескул

РОССИЯ И ЕЕ НАРОДЫ

Простое существование так же не удовлетворительно для современного государства, как и для современного человека. Требуется достойное существование, нужно оправдание своего существования выполнением достойных задач. Какие же перспективы в этом отношении перед нашим государством? Какие задачи и как будет оно выполнять? Будет ли его существование действительно таково, чтобы оправдать те жертвы, какие за него в настоящее время приносятся, — приносятся не только коренным русским населением, но и другими народами, которые вместе с нами живут?

На все эти вопросы мы и попытаемся ответить в настоящей статье. Но скажем уже заранее и прямо: правильный ответ на них совершенно невозможен, если упускать из виду самый важный здесь факт, а именно тот факт, что Россия есть государство многонациональное, — что кроме русских в ней живет много других народов. Вопрос о сожительстве многих народов внутри одного государства есть центральный вопрос современной государственной жизни, и он поставлен у нас историей не с меньшей, а с большей силой, чем во многих других государствах. Кто этого не понимает, — кто не понимает того, что наша государственная судьба, в последнем счете, зависит от того, какую судьбу мы будем готовить в нашем государстве другим народам, в нем живущим, — кто не понимает этого первостепенного значения национального вопроса в современной государственной жизни, — тому бесполезно и братья в настоящее время за разрешение всех указанных выше вопросов. Нельзя обсуждать просто судьбу России, — надо обсуждать судьбу России вместе с судьбою живущих в ней народов...

Эволюция государства

Государство как отечество. Формой общежития, в которой живет современное человечество, является государство. И это форма всеобщая и необходимая. Вне государства нет и не может быть широкого, разностороннего и длительного общественного развития.

Однако, государство все же не «изначально», как думали некоторые. Оно возникает, — и возникает под влиянием и навстречу одному факту: тому суровому и печальному факту человеческой истории, который и донныне составляет ее неустроенную принадлежность — навстречу войне. Государство возникает как средство для того, чтобы живущие за его

оградой могли успешнее бороться с другими человеческими группами в той беспощадной борьбе, которая именуется войной.

По этой причине и само государство есть образование суровое, даже грубое. Оно есть организация силы, оно есть прежде всего военный аппарат, и пока существуют войны, этот его характер не может быть из него устранен, ибо это значило бы рисковать самым его существованием. Цели войны и донныне всем своим весом тяготеют над государством. Мы, современники, можем засвидетельствовать это лучше, чем кто бы то ни было другой.

А что же собой обозначает такое «военное» устройство человеческого общежития для его внутренней жизни, т.е. для тех живых людей, которые в нем живут, которые имеют свои собственные потребности, цели, стремления, интересы и пр.?

Оно обозначает подчинение их необходимости в случае надобности жертвовать всем для государства, — жертвовать притом принудительно, а не в меру одной доброй воли. Оно обозначает подчинение их суровой дисциплине беспрекословного повиновения институту государственной власти. И последнее и есть самое главное в государственной жизни...

Итак, государство, с одной стороны, дает тем, кто в нем живет, великое, ничем не заменимое благо, — благо, без которого все другие блага теряют всякую цену — а именно внешнюю безопасность, но, с другой стороны, оно налагает на них и бремя, бремя тяжкое, — бремя жертв и повиновения. Гражданин государства, когда это понадобится, должен все приносить в жертву государству, и он должен делать это, беспрекословно повинаясь государственной власти. А если принять во внимание, что власть есть человеческое учреждение и что, уполномоченная в лице своих носителей повелевать гражданами во имя целей государственных, она может пользоваться и обыкновенно пользуется своими полномочиями также и для целей личных, то придется прийти к выводу, что эта тягота или бремя, государства, по крайней мере для подвластных, а их, конечно, в государстве огромное большинство, становится от этого еще тяжелее. Ведь самое деление на властвующих и подвластных — есть характерная принадлежность именно государственного быта, и оно осложняет собою всю внутреннюю жизнь в государстве, — осложняет к невыгоде большинства граждан, к невыгоде народных масс. И если бы характер государства, его существо и природа складывались только из описанных уже мною черт, то с точки зрения тех, кто в нем живет (по крайней мере, огромного большинства), государство надо было бы считать, правда, безусловно необходимым, но все же лишь необходимым злом. Ибо, обеспечивая от зла еще большего (внешнего нападения), оно достигало бы этого причинением людям также зла, но только сравнительно меньшего. И, как известно, такая характеристика государства, — как необходимого зла — действительно высказывалась и донныне находит себе сторонников.

Однако государство не остается в истории на степени только необходимого зла; оно, напротив, вырастает в добро, и добро весьма ценное для человечества. Как же это происходит?

Обращаясь к положительным, благодетельным функциям государства во внутренней жизни человечества, нельзя прежде всего не заметить, что тенденция в эту сторону, как это ни покажется, может быть, странным на первый взгляд, заложена в природе государства как учреждения военного. Иными словами, эта тенденция не привходит в государство извне и впоследствии, а она имманентна ему с самого начала. В самом деле, основная цель государства — быть внешним могуществом, чтобы побеждать врагов и давать безопасность своим гражданам — это первое и самое главное звено во внутренней логике, во внутренней целесообразности государства. Но ведь это первое звено требует себе тотчас второго, дальнейшего звена в организации и деятельности государства. Могущество вовне достигается соединением и организацией сил. Но если так, то, значит, прежде всего надо, чтобы эти внутренние, предназначенные к соединению и организации в государстве силы не растрчивались понапрасну борьбой между самими гражданами — т.е., значит, надо, чтобы человеческое общежитие бы замирено внутри. Государство вовне воюет, но именно поэтому внутри оно должно умиротворять. Это только вывод из требования внешнего могущества государства...

Могущество государства требует полного сохранения и сложения внутренних сил общежития, т.е. устранения всякой напрасной их растраты, всякой их убыли от внутренней борьбы; но когда эта задача государством выполнена, то ему неизбежно приходится ее еще продолжить — продолжить стремлением к прибыли, к приращению этих самих внутренних сил; ибо только таким путем внешнее могущество государства может повышаться и дальше, а ведь это государству совершенно необходимо в его соперничестве с другими государствами. Как же создать это приращение, эту прибыль внутренних сил?

Путь для этого только один: надо дать простор, дать свободу творческой деятельности граждан, ибо творит, созидает, накапливает и распространяет всяческую культурную силу отдельный человек, отдельная человеческая личность. Человеческая личность — это и есть основной источник всякой силы в обществе, как материальной, так и духовной.

И вот, таким образом государству во имя все тех же его внешних целей приходится не только подавлять человеческую личность своим могуществом, не только налагать на нее обязанности, требовать от нее повиновения, но и предоставлять ей простор, давать ей свободу в проявлении ее творческих сил. А это значит, что государство должно признать за личностью соответственные права, и притом не только по отношению к другим личностям,

но и по отношению к самому себе. Конечно, государство не отказывается в силу этого от своей функции обуздывать личность в ее вредных для общества проявлениях, но оно обязывается беспрепятственно допускать всякую полезную для общества деятельность личности.

Все это в совокупности составляет весьма важное продолжение и усложнение той правовой задачи, которая уже раньше стала перед государством. Прежде, на той первой ступени, государство только вводило личность в границы, останавливало и запрещало ей всякие вредные ее проявления — теперь оно должно дать ей свободу, дать ей простор, по крайней мере, в ее законных, полезных проявлениях. А это с правовой точки зрения и сложнее, и труднее. Здесь надо уже не только справедливо разграничивать сталкивающиеся интересы личностей, но и обеспечить граждан от незаконных посягательств на их права со стороны органов самой власти. Последнее же, как показывает опыт истории, совершенно невозможно без известного переустройства власти, без установления зависимости ее от воли граждан, что исторически достигалось лишь длительной и тяжелой политической борьбой внутри государств, борьбой между властвующими и подвластными.

Но как бы то ни было, а эта, как ее называют, правовая задача в конце концов удовлетворительно разрешается государством. Не только провозглашаются в законе так называемые права человека и гражданина, но и сама государственная власть как в своем устройстве, так и в своей деятельности ставится под контроль и в зависимость от воли граждан. Это достигается введением в устройство государственной власти института народного представительства с его обычными конституционными правами. и на этой ступени своего развития государство получает название правового, потому что оно вполне обеспечивает как индивидуальную свободу, так и политические права граждан.

Итак, первоначальное военное государство во имя своих же собственных задач, ради своего могущества превращается в конце концов в государство правовое.

Однако и на этом государственное развитие не кончается. Государство делает еще шаг вперед и из правового делается культурным, или, выражаясь точнее, становится одновременно и правовым, и культурным.

Что же это значит?

Правовое государство — мы уже это видели — обеспечивает свободу личности, предоставляет законный простор ее индивидуальной деятельности. Личность при этих условиях полностью разворачивает свои силы, дает все, что она может из себя дать. Но ведь общий успех деятельности человеческих личностей зависит не только от полноты тех индивидуальных усилий, но также и от сочетания, от организации этих усилий.

Усилия отдельных лиц должны быть соединены, координированы, организованы — только тогда они дадут максимум возможного для них успеха. Кто же соединит и организует культурные усилия, культурную работу граждан?

Было время, когда думали, что это должны делать сами же граждане, и только они одни, — что государству в это дело незачем мешаться; полагали, что государство должно к другим свободам граждан присоединить еще и свободу их соединений и организаций — но и только, т.е. что оно должно остаться исключительно правовым. В экономической области — это доктрина так называемого либерализма, это принцип *laissez faire, laissez passer*. исторически и психологически — это боязнь вмешательства государства в жизнь граждан, боязнь вполне основательная, пока государство еще не поставлено под контроль самих граждан, пока оно не стало истинно правовым.

Теперь мы смотрим на все это иначе. Свободная инициатива граждан в организации, как народного хозяйства, так и вообще всей культурной жизни, конечно, необходима, но она не может дать всего, что требуется здесь для наибольшего успеха; да кроме того, она и не всегда сама собой направляется в желаемую сторону общего блага. Тут нужно иное, и более могучее, и более планомерное вмешательство. Кто же его может дать?

Только одно государство. Государство есть организатор по преимуществу и искони, притом организатор в самых грандиозных размерах; ведь государство — это же и есть самая большая а, вместе с тем самая сложная человеческая организация. Так почему же ему не расширить своих организаторских задач еще и дальше? Почему ему не вмешаться с этой целью в культурную деятельность граждан и не дать ей того, чего она не может получить от них самих, будут ли они работать поодиночке или соединят свои усилия вместе?

И вот мы видим, что государство и действительно вступает на этот путь. Оно входит в культурный процесс как самостоятельный деятель, притом как деятель, с одной стороны, могучий и властный, а с другой стороны, стремящийся к общему благу. Государство начинает содействовать, помогать культурному процессу и тем усилиям, которые делают в нем граждане. Оно помогает, таким образом, культуре материальной, и оно помогает культуре духовной. Его деятельность на этом поприще, начавшаяся, впрочем, уже в далеком прошлом, непрерывно расширялась и в настоящее время получила весьма широкий и разносторонний характер...

Вся культура человечества стремится к социализации, к обобществлению, т.е. к такой постановке, при которой, с одной стороны, целиком была бы сохранена индивидуальная свобода и индивидуальная продуктивность, а с другой стороны, целиком были бы извлечены все выгоды общественной организации культурного процесса. Невозможно сомневаться в

том, что государство будет еще долго играть самую благотворительную роль в этом процессе социализации культурной жизни.

Так шло развитие государства в положительную, благотворительную для граждан сторону. Государство из военно-полицейского превратилось в правовое и культурное. Оно не только обеспечило гражданам индивидуальную свободу, но оно многогранно и могущественно покровительствует и содействует им во всякой их культурной деятельности. Из необходимого зла оно превратилось в великое и очевидное добро.

Такой результат был, прежде всего, возможен потому, что, как уже сказано, государство, даже как военная организация, заключает в себе тенденцию развития именно в эту сторону.

Но, конечно, этот присущий государству изначально наклон в сторону культуры и права, это согласие с правом и культурой его собственных задач давало только простор, открывало место для правового и культурного развития, — совершалось же оно в действительности действием внутренних сил и способностей самого населения, составлявшего данное государство. Да не только это внутреннее культурное развитие, но и сама государственная жизнь в тесном смысле этого слова, и даже военная деятельность государства всецело зависит от этого же первичного и глубокого фактора, т.е. от качеств и способностей самого населения.

Создание и поддержание государства, даже как чисто военной организации, вместе с той военной деятельностью, которую приходится обнаруживать государству, нуждается в известных умственных, нравственных и волевых качествах населения и не всякой человеческой массе доступно. Военная деятельность требует мужества, самообладания, находчивости в каждом отдельном индивидууме и внутренней сплоченности, взаимного доверия и способности к дисциплине в массе. Что касается деятельности государственной, то она, как мы видели, зиждется на власти — на приказывании, с одной стороны, и на повиновении, с другой. И то и другое: и проявление власти, и подчинение власти — должно быть тоже известного качества, чтобы государство преуспевало. Власть не должна быть слишком своекорыстной, не должна из-за целей личных забывать о целях государственных, а повинующиеся должны уметь делать это не только за страх, но и за совесть. Вот почему далеко не все человеческие племена способны были основать государство, а из тех, которые основали, далеко не все были способны его сохранять.

Но если известная высота умственного, нравственного, волевого одарения личностей, а также наличие известных социальных качеств в массах необходимы уже для первоначального образования и сохранения государства, то тем в большей мере все это требуется для дальнейшего его развития. Мы видели, что государству приходится во всем

объеме поставить перед собою правовую задачу, т.е., с одной стороны, в полной мере обеспечить свободу личности, а с другой стороны, справедливо согласовать ее с общим благом целого государства. Для выполнения этой задачи, как мы видели, в организации самой государственной власти должен последовать ряд перемен и преобразований, которые нигде не давались без трудной внутренней борьбы. Значит, с одной стороны, нужна энергия населения и его политическая толковость, чтобы не только вести эту борьбу, но и вести ее не в виде неосмысленного бунта, а в направлении к определенным политическим результатам, а с другой стороны, нужна и известная разумная податливость власти, чтобы не слишком замедлялся успех этого процесса. История показывает, что эта трудная многовековая правовая задача тоже по плечу далеко не всем государствам и что многие государства так и застывают на первоначальных ступенях правового развития, будучи не в силах двинуться дальше.

Наконец, то же самое надо сказать и о культурном развитии государства. Но только здесь необходимость соответствующего одарения населения еще очевиднее. Как известно, культурное развитие народов идет даже по разным направлениям, и это стоит в очевидной связи с преобладающей одаренностью различных народов в ту или другую сторону.

Таким образом, организация государства, защита его в борьбе с другими государствами, его дальнейшее правовое и культурное развитие — все это есть дело его усилий и труда, его одаренности и способностей. С этой точки зрения народы приходится даже разделить на два этапа: народы энергичные, толковые, прогрессивные, способные к государственным задачам и культурному развитию, и народы косные, пассивные, малоодаренные, склонные более к покою и созерцанию, чем усилиям и деятельности. Это то, что доньше различалось как западный и восточный тип государственного и культурного развития, но что теперь, за столь сильным и блестящим выступлением Японии на государственную и культурную арену, приходится отрешить от столь упрощенных географических определений.

И вот если мы теперь, после всего сказанного, представим себе государство уже достигшим высокой степени правового и культурного развития, то мы и не будем удивляться тому, что это государство будет сознаваться и чувствоваться своими гражданами как величайшая для них социальная ценность. Ведь оно не только обеспечивает им их жизненные интересы, но и является созданием их собственных рук. Это государство, чтобы оно стало тем, чем оно стало, потребовало от них великих усилий и великих жертв. Его надо было отстаивать в военной борьбе с другими государствами, не щадя при этом ни жизни, ни достояния. Его надо было переустанавливать изнутри, чтобы обеспечить в нем право и справедливость, а это также было сопряжено с немалыми жертвами. Наконец, его надо было

сделать культурным, а это требовало если не жертв и страданий, зато талантов и способностей. Только народ энергичный, настойчивый, дружный, умеющий как следует повелевать и как следует повиноваться, наконец, талантливый и способный может провести государство через все превратности судьбы и превратить его в государство правовое и культурное. За таким государством всегда лежит богатая событиями многовековая история и перед ним расстилается полное культурного труда и вдохновения настоящее и будущее. Такое государство является для своих граждан не только предметом их общей привязанности, но и становится основанием их общей народной гордости, потому что оно для них есть их самое большое и самое важное общее дело. Оно поэтому возвышается в их сознании как нечто стоящее превыше всего... Когда это государство оказывается в опасности, то смолкают у граждан все другие соображения и вырастает только одна забота: ценою каких бы то ни было жертв, но отстоять, защитить свое государство как общую в высшую для всех ценность. И когда это удается, то это поднимает на долгие годы весь тон жизни целого народа, возвышает и делает радостным все его самочувствие. И наоборот, если это не удастся, если на государство обрушиваются бедствия, а тем более если оно совсем падает под ударами судьбы, то это ввергает его граждан в общее ничем не исцелимое отчаяние, надолго, а может и навсегда, понижает и угнетает все самочувствие народа. Пример Франции после Франко-прусской войны и в особенности, пример польского народа после насильственного уничтожения его государства — лучшая иллюстрация как той страстной любви, которую народ питает к своему государству, так и той глубокой печали, которую причиняют народу несчастья его государства.

Государство, как такая высшая для его граждан ценность, как предмет их преданности и любви, как основание их народной гордости и общего народного достоинства, перестает уже быть для них только государством, т.е. только господством и властвованием — нет, оно становится чем-то совсем иным: столь близким, дорогим, любимым и ничем не заменимым, что все это выражается совсем другим словом, словом — отечество. И то чувство, которое соединяет граждан с отечеством, не есть уже ни лукавый страх, ни черствый и сухой долг, а это есть горячая, преданная, всем готовая жертвовать любовь — любовь мужественная, активная, сдерживающая себя как чувство, чтобы тем сильнее выразиться в действии. Это чувство любви к отечеству мы именуем патриотизмом. Это — то чувство, которое в будничной, обыденной обстановке государственной жизни может уходить куда-то далеко на второй план, может даже заменяться — в периоды внутренней борьбы — неудовольствием против своего государства, как будто даже враждебным к нему отношением, — но которое неудержимо прорывается, когда настает опасность для государства, и тогда оно, наоборот, само оттесняет на второй план все с ним несогласные мысли и чувства.

Великое государство. Акты завоевания и угнетения завоеванных как бы мстят за себя увеличивающемуся таким образом государству-победителю тем, что они его не усиливают, а, наоборот, ослабляют, — и немало государств погибло именно по этой причине, т.е. потому, что они накопили внутри себя слишком много вражды и ненависти со стороны побежденных и угнетенных...

Национальность как коллективная личность, раз она образовалась и самое себя осознала, предъявляет к государству то же самое требование, какое предъявляет к нему и отдельная, индивидуальная личность: требование уважения к ее внутренней жизни и к внутреннему развитию, — требование свободы и простора для национального самоопределения и национального развития. Это требование для национальности так же дорого, так же превыше всего, как и для отдельной личности. Для развитой человеческой личности жить под тяжелым духовным гнетом, не иметь свободы самоопределения и самовыражения — лучше не жить. Но то же самое и для развитой национальности. Отказ от своей национальной личности есть для нее самое тяжкое из всего, что только может быть.

Итак, национальность предъявляет — и не может не предъявить свои требования к государству. А как же государство на них отвечает?

Для национальностей, имеющих свое собственное государство, являющихся в своем государстве «державными», этот вопрос как бы не существует, — само собой разумеется, что он разрешается в благоприятном для них смысле. Но положение национальностей «недержавных» оказывается в этом вопросе совершенно иным.

Государство, приобщающее «чужаков» к своему покровительству и выгодам, требовало от них, чтобы они становились «своими». Для национальности это равносильно отказу от своей национальной личности, равносильно так называемой «денационализации», — на что она никогда не может согласиться. Значит, на этой почве неизбежен был антагонизм национальности с государством, неизбежна была борьба между ними, и притом борьба не на жизнь, а на смерть?

Да, так это и случилось в действительности. Деятнадцатый век заполнился этой борьбой, она сделалась едва ли не главным его историческим содержанием.

Целый ряд национальностей, живущих в государствах, которые не давали им свободы национального развития, предприняли в XIX веке попытки избавиться от чуждого ига и притеснения прямо вооруженною рукою. Отсюда ряд национальных войн и национальных восстаний, окончившихся для некоторых национальностей вполне счастливо. Собственными силами или с помощью других они сумели добиться государственной самостоятельности...

Под влиянием удачи некоторых национальных восстаний и войн, окончившихся образованием самостоятельных объединенных национальных государств, а также в качестве

требования естественной справедливости в этой области выставлен был в середине XIX века и теоретически защищался так называемый национальный принцип, т.е. право каждой национальности на образование своего собственного государства. Однако в такой своей общности едва ли этот принцип может быть признан решающим данный вопрос. Не говоря уже о фактической трудности его проведения в жизнь: ведь далеко не всегда живущая в чужом государстве национальность может рассчитывать на свою силу в вооруженной борьбе против этого государства, не всегда она получает в ней помощь и со стороны других государств, — но даже и совершенно независимо от этого вопроса о соотношении и борьбе сил национальности, не очень многочисленные или поставленные в неблагоприятные условия среди других национальностей, просто не могут рассчитывать образовать и сохранить свое государство. Мы уже видели, что государство есть не только великое благо, но и великое бремя, в особенности это надо сказать в нашу эпоху милитаризма. Содержание государственного аппарата, в особенности военного, стоит огромных денег и не по плечу очень маленьким народам.

Кроме того, в этом суровом военном отношении между государствами положение малых государств вообще является весьма необеспеченным. Если они и могут существовать, то часто не столько опираясь на самих себя, сколько рассчитывая на условия равновесия и соперничества между большими государствами...

Суровые условия современной международной жизни делают весьма сомнительным возможность полного проведения национального принципа, т.е. образования из каждой национальности своего самостоятельного государства. Тут нужно не дробление государственной жизни, не уменьшение ее размеров, а, наоборот, образование больших государственных союзов, потому что только они и дают возможность обеспечить себе внешнюю безопасность. И с этой точки зрения не приходится удивляться тому, что главное русло современной государственной жизни идет в сторону образования больших государств. Государственная жизнь правильно идет в сторону координации все большего количества сил, в сторону увеличения государственных объединений, тем более что и цели культурной жизни достигаются тем лучше, чем на большем пространстве объединены и организованы культурные средства. Правда, по поводу последнего можно было бы заметить, что культурная организация человечества могла бы совершаться и помимо государства, но ведь это все-таки призыв к тому, чего нет, а между тем государственная организация имеет то неоспоримое преимущество, что она существует и действует.

Что же из всего этого вытекает для национального вопроса? То, что он должен правильно разрешаться внутри нынешних государств, а не посредством выделения каждой национальности в особое государство. Последнее частью неосуществимо, а частью и

нецелесообразно. Исторический путь человечества лежит не в эту сторону — не в сторону распыления и раздробления, а в сторону собирания и организации. Большие многонациональные государства могут послужить этой цели, и не только без ущерба для себя, но, наоборот, достигнув через это новой силы, а главное, нового исторического величия.

Государство, имеющее в своем составе многие национальности, должно так же удовлетворить требования и запросы этих коллективных личностей, как оно удовлетворило в предыдущей фазе своего исторического развития требования и запросы индивидуальной личности. Государство должно дать всем своим национальностям свободу национального самоопределения и национального развития. Для одних из них этого будет вполне достаточно только в так называемых культурных формах, для других это потребует перенесения свободы самоопределения и развития также и в политическую область в формах так называемой областной автономии со всеми ее ступенями и степенями. Ни того ни другого государству нет надобности бояться. От этого оно не только не проиграет, но, наоборот, выиграет. Остановимся несколько внимательнее на этом пункте, потому что практически он самый важный во всем этом вопросе.

Основная логика государства — мы ее все время имели перед собою — всегда одна и та же: чтобы быть могущественным вовне, государство должно быть замирено внутри. Всякая внутренняя борьба неизбежно его ослабляет, а в роковой час военного столкновения с другими государствами может даже послужить причиной его гибели. С этой точки зрения включение в свой состав чужих территорий и населений есть факт, чреватый опасностями для государства, ибо он равносителен введению врагов в свой собственный стан. История показывает, что оставлять дело в таком положении невозможно: надо этих врагов, раз они уже приняты в государство, превратить в друзей. И государству приходится сделать в этом направлении решительный шаг — приходится своим бывшим врагам дать одинаковые права в государстве со своими собственными гражданами. Но государство, делая этот шаг, как мы видели, стало настаивать на том, чтобы эти бывшие враги слились с основными гражданами в однородную культурную и социальную массу, — т.е., иначе говоря, чтобы они отказались от своих народных особенностей, чтобы они в этом смысле «обезличились», усвоив себе «лицо» господствующего народа. В этом государство видит лучшее, а по мнению некоторых, даже единственное ручательство за то, что они действительно отказались от вражды к нему и стали его друзьями.

Но этот способ действий со стороны государства, дававший соответственные результаты почти что вплоть до XIX века, в настоящее время наталкивается на неожиданное препятствие: на образование в человечестве национальностей. Если так называемый

этнографический материал в конце концов поддается принудительной ассимиляции, то настоящие национальности оказывают ей отчаянное сопротивление, — сопротивление, которое становится источником такой же отчаянной вражды внутри государства со всеми ее пагубными последствиями для государственной жизни. Да не только одной вражды, но и того, что надо признать пагубнее и опаснее вражды. Опыт показал, что всякая угнетенная национальность становится также источником внутреннего отравления для угнетающего ее государственного организма. Мысль эта была когда-то ярко выражена у нас по отношению к Польше, и ее настойчиво повторял покойный И.С. Аксаков. Она гласит: «Мы приняли Польшу внутрь себя, и мы ею отравились»... Да, это совершенно верно — всякая угнетаемая национальность, и конечно, не по своей вине, а по вине своих угнетателей становится ядом, становится гниющей язвой, становится внутренней гангреной для государства. Подобно тому как рабство личное есть источник нравственного разложения для обеих сторон, так рабство национальное не может не быть тем же самым для государства. Тем более что эта принудительная денационализация происходит уже на высших ступенях культуры, при полном свете сознания с обеих сторон, и это насилие, направленное на святая святых душ человеческих, не может не возмущать нравственного сознания человечества до самой его глубины.

Так получился на этом пункте великий перекресток для современного государства.

Одни говорят: надо отбросить всякие сентиментальности. Надо держаться здорового (теперь стали даже выражаться «священного») национального эгоизма, трезвого государственного реализма. Если для блага государства, — ради получения в нем желаемой полной однородности состава, — надо денационализировать все «недержавные» народности, то нечего пред этим останавливаться, как бы то ни было это жестоко по отношению к тем, к кому эта система применяется. В конце концов на место зла станет благо, когда процесс денационализации закончится и государство станет вполне однородным.

Это — теория немецкая, там она развивается в книгах, там она проводится в государственной жизни. Это теория и вместе практика, которая, по выражению Трейчке, не останавливается перед «убийством народов».

Другие говорят: надо щадить национальности. Надо так же дать простор национальной жизни в государстве, как этот простор дан в нем жизни личной. Надо сделать государство таким же «отечеством» для национальностей, каким оно является для личностей. Надо отнестись к национальностям не отрицательно, а положительно, приняв их как факт, который подлежит не искоренению, а, наоборот, примирению с государством.

Это — теория английская. И не только теория, но также и практика, находящая себе все большее воплощение в английской государственной жизни.

Какой же из двух путей правильнее? И какой правильнее — добавим это: даже с точки зрения того же трезвого государственного реализма — здорового национального эгоизма «державных» национальностей?

Только второй, ибо первый имеет роковой, неустранимый недостаток, делающий его совершенно негодным для здоровой государственной политики. И этот недостаток простой и ясный. Он заключается в том, что принудительная денационализация национальностей — есть задача фактически неосуществимая.

Политическая теория принудительной денационализации есть, в сущности, только утопия, только самообман для тех, кто искренно считает ее необходимой для государства, и эту мысль превосходно выразил у нас еще покойный Чичерин. «Уничтожить самостоятельность известной народности, — говорит он, — включить ее в состав другой — значит заставить ее отказаться от самой себя, забыть свою прежнюю жизнь, свои воспоминания, свое павшее величие, свои интересы, свои нравы, свой язык, и все это в пользу главного врага. Это дело, превышающее человеческие силы».

Никаким насилием этого не достигнуть. Ту же мысль в применении к нашей обрусительной политике в Польше Чичерин выразил так: «Обрусение Польши и слияние ее с Россией не на бумаге, а на деле — не более как мечта...» Да, только мечта, только утопия, только самообман. Но утопия злая и нравственно отталкивающая. Кого не пугает в ней насилие и вражда, тот пусть вспомнит о нравственном яде, связанном с этой утопией.

Итак, этот путь — путь принудительной денационализации «недержавных» национальностей внутри государства — не годится даже с точки зрения национального эгоизма: практически он способен только разорвать государство на части или же отравить все его государственное существование.

А какие же результаты обещает дать государственной жизни путь противоположный: предоставление национальностям свободного национального развития внутри государства, обеспеченного соответственными правовыми нормами и государственными учреждениями?

Как раз противоположные: политическое умиротворение государства, его здоровое развитие. А в результате всего этого такое могущество и величие государства, которые могут удовлетворить самый взыскательный государственный эгоизм.

В самом деле, представьте себе, что «недержавные» национальности находят в том государстве, где они живут, все условия для своего национального развития, — ведь это значит, что данное государство становится для них «отечеством», — не властвованием... а защитой во всем том, что им дороже всего. Ведь при таких условиях все мотивы национальной вражды отпадают, государственная жизнь внутренне умиротворяется, силы государства не растрачиваются во взаимной борьбе. Нет тогда надобности государству

разными мерами противодействовать «сепаратизму» национальностей, потому что он сам собой отпадает.

Но этого мало. Когда каждая национальность в государстве свободна в своих национальных стремлениях, тогда она не замыкается в угрюмом одиночестве и отчуждении от других, а в свободном, безопасливом и радостном общении со всеми проявляет свои национальные силы. Каждая национальность не только творчески проявляет здесь свои культурные способности и дарования, но и сочетает их со способностями других национальностей; каждая национальность не только пролагает собой оригинальный, самобытный культурный путь, но и перекрещивает его со столь же самобытными путями других национальностей. В результате всего этого государство переполняется культурными силами, которые целиком переливаются в культурную работу, — работу дружную, радостную, свободную, — тем более продуктивную, что она вся вытекает из глубины творческих сил. Государство при этих условиях превращается в огромную человеческую лабораторию, где работа кипит по всем направлениям, где все силы использованы, где все способности выявлены, где нет ненужного социального трения. А ведь всякая работа и всякое сотрудничество — сотрудничество не рабское, а свободное — сближает тех, кто в нем участвует, соединяет их новыми социальными узами, превращает их в новое внутреннее единство. Без уничтожения старых связей завязываются новые. Государство становится внутренне более однородным, но без насильственного и уничтожения того, чего нельзя уничтожить; с сохранением национальностей, но без их вражды между собою; с новыми сближениями самих национальных личностей между собою. Центробежных сил, пагубных для государственного существования, в таком государстве нет, оно внутренне крепко и прочно, но это достигнуто не искоренением, не уничтожением национальностей, не духовным «убийством народов», а приведением их в согласие между собою; это достигнуто не превращением человеческого общежития в механическую однородность, а водворением в нем нравственной гармонии при сохранении всего богатства и разнообразия культурных сил, всех оригинальных путей развития, связанных с национальностями.

Неужели это не предпочтительнее? И я бы сказал: неужели не предпочтительнее даже с точки зрения здорового государственного эгоизма?

Прежде государственная наука держалась того воззрения, что положение однонационального государства выгоднее, чем многонационального, что оно, так сказать, нормальнее; что только однонациональные государства могут не бояться свободных учреждений и свободного развития, ибо они ничего не теряют при этом ни во внутренней крепости, ни во внешнем могуществе...

И вот в настоящее время государственная наука начинает мыслить иначе по этому вопросу. Она все больше склоняется к выводу, что положение многонационального государства выгоднее и, может быть, даже в известном смысле нормальнее, чем положение государства однонационального в системе государств и в мировой истории. И прежде всего выгоднее в смысле его внешнего могущества и его действительной самостоятельности.

Государство многонациональное состоит из многих земель и многих народов, поэтому оно имеет обширную территорию и многочисленное население. Обширная территория дает ему самодостаточность (то, что Аристотель называл autarkia) в смысле естественных сил и благ, многочисленное население обеспечивает ему действительную силу и самостоятельность в международных отношениях. Как государство большое, а не малое, оно существует, опираясь на самое себя, а не по милости и не по соперничеству между собою других государств.

Но внешнее могущество и сила, сколь ни важны они сами по себе в системе современных международных отношений, все же не составляют самого главного в многонациональном государстве. Гораздо важнее здесь не внешнее, а внутреннее. Многонациональное государство при правильном разрешении своих внутринациональных задач превращается — мы уже об этом говорили — в огромный своеобразный культурный мир, в котором кипит огромная, напряженная многосторонняя, дружная и радостная культурная работа. Такое государство не только занимает в мире большое место, но и делает большое культурное дело, оно прокладывает заметный след в мировой истории, оно получает шансы играть великую мировую роль — и притом великую в лучшем смысле этого слова: не в смысле только грубой внешней силы, но в смысле великой культурной работы, в смысле великого участия в разрешении самых важных, самых истинных задач человечества на земле... Такое государство, и по всей справедливости, получает великий жребий в судьбах мира, как его получила, например, Англия — эта колыбель человеческой свободы и человеческого самоуправления.

И вот под влиянием всего этого в перспективе истории в последние годы начинает вырисовываться новый тип государства: государства не просто большого, но государства великого. Недаром это слово стало теперь столь употребительным. Правда, его смысл еще не установился, еще колеблется, еще связан с неправильными представлениями. Он все еще заполнен больше количеством, чем качеством — он все еще отождествляется с так называемым империализмом, притом понимаемым в смысле хищничества по отношению к другим народам. Но именно пример того государства, к имени которого был впервые приложен этот эпитет «великого» государства, — «великая» Англия — с ясностью

показывает, что дело здесь не во внешней величине и тем более не в хищничестве, а во внутреннем благоустройении и в национальной свободе.

Итак, перед нами на горизонте истории тип «великого» государства — «великого» в лучшем смысле этого слова. Это государство, которое стало предчувствоваться уже в конце XIX века, но которое в полной мере реализуется в государственной жизни XX века. Это государство, которое вслед за разрешением правовой и культурной задачи, разрешит до конца в своих пределах еще и задачу национальную. Это государство — большое, многонациональное, могущественное, внутреннего благоустроенное, до конца замирненное, все насквозь проникнутое свободой — свободой личной, политической, национальной. Это государство, которое для всех, кто в нем живет, окончательно перестанет быть господством, а станет только покровительством, разумным, благожелательным и всесторонним. Это государство, тип которого с полной ясностью намечен государственной жизнью Англии и к осуществлению которого Англия быстро идет впереди всех других государств.

Однако закончится ли на этом роль государства в мировой истории, в благоустройении человеческого общежития — или перед ним впереди еще какой-либо важный этап?

Мы думаем последнее. Ведь устройением человеческой жизни внутри отдельных человеческих обществ, хотя бы и проведенным через право, культуру и национальные отношения, хотя бы и завершением здесь до конца, мы все же не можем удовлетворяться. Человеческие идеалы простираются дальше, они требуют благоустройства общечеловеческого, они требуют права, свободы, культуры также и в отношениях между государствами — так, чтобы эти истинные основы человеческого общества проходили через все человечество.

Да, этого требует наш общественный идеализм, наше нравственное сознание. Но действительности не только не отвечает этому требованию, — но не отвечает ему теперь, может быть, в большей мере, чем в какую бы то ни было другую эпоху всемирной истории. В отношениях между государствами вот уже несколько десятилетий мы переживаем эпоху милитаризма, и на почве этого милитаризма между государствами разразилась в настоящее время неслыханная, никогда раньше небывалая война... Милитаризм уже давно лег тяжким бременем на всю внутреннюю жизнь государств, а нынешняя война безжалостно косит современное человечество, безжалостно истребляет современную культуру... В этом чудовищном милитаризме, в этой ужасной войне погибает все, что человечеством достигнуто внутренним благоустройением государств. Неужели же так будет и впредь, неужели же человечеству суждено истощаться во взаимных вооружениях, во взаимных войнах? Неужели же идеал «мира всего мира» никогда не будет осуществлен на земле? Или же он будет осуществлен, но только после предварительного отрицания и практического

уничтожения всех предшествующих форм человеческой жизни и замены их на расчищенном от обломков старом месте какой-либо новой постройкой всех человеческих отношений, которая уже не будет иметь ничего общего с современным государством?

Мы не думаем ни того ни другого. «Мир всего мира» — не утопия, он будет достигнут на земле, и будет достигнут, весьма может быть, именно в результате нынешней войны. Он будет достигнут без разрушения государственной организации человечества, а, наоборот, ее дальнейшими усилиями, и эти усилия будут принадлежать некому другому, как «великим» государствам. Водворение мира на земле, водворение не путем механическим, не путем всеобщего рабства одному «сверхнароду», как хочет Германия, а путем органическим, путем свободы, права и культуры для всех, над чем уже давно работает Англия, — это и есть последняя — самая великая и вместе с тем самая благородная задача «великих» государств. Они должны стать — и станут — блюстителями всеобщего мира на земле на основах права, свободы и культуры.

И тогда роль государства как аппарата принудительности, как организации силы, пожалуй, кончится на земле. Тогда система государств самопроизвольно и безболезненно начнет превращаться в свободную ассоциацию целого человечества. Это рано или поздно должно произойти, об этом не может не мечтать, к этому не может не стремиться человечество.

Но это произойдет не путем прыжка через пропасть, не отрывом от национальностей и государств, чтобы сразу стать общечеловечеством, а через национальности и государства, через их дальнейшую непрерывную эволюцию. И последним этапом в этой эволюции будет «великое» государство. Оно станет предтечей целостного в своем единстве, мирного и свободного человечества, ибо именно ему и предназначено «преодолеть» то внутреннее противоречие, которое сопровождает человеческую жизнь с самого ее начала и донныне: то противоречие, что мир, право и справедливость обеспечиваются в ней силой... Настанет время, когда этого не будет, и это будет последней заслугой государства перед человечеством.

Быть ли России «великой» Россией?

Будет ли Россия «великим» государством? Станет ли она «отечеством» для живущих в ней народов?

Мы уже знаем, что это, в сущности, один вопрос, а не два, ибо только тогда государство и становится истинно «великим», когда оно делается «отечеством» для всех без исключения, кто в нем живет.

Итак, будет ли Россия — «великой» Россией в этом смысле слова? Неужели Россия так-таки и будет только огромной сырой государственной громадой, неизвестно для чего существующей на свете?

Вопрос о том, будет ли Россия «великим» государством, не обозначает собою одно пустое самомнение с нашей стороны. По выражению покойного Владимира Соловьева, это вопрос нашего дальнейшего «достойного существования».

Что же можно сказать в ответ на этот вопрос?

Увы, на первый взгляд может показаться, что не только у наших врагов, но даже у нас самих он должен вызвать только снисходительную, если уж не ироническую, улыбку. «Великим государством», как это установлено в первой части нашей статьи, становится то, которое правильно выполняет не только свою правовую, но и свою культурную и свою национальную задачу. Какую же из этих задач выполнила Россия? Ведь, по правде сказать, она не выполнила еще ни одной из них. Она явно отстала от других государств в правовом и в культурном отношении, она еще и не приступала к выполнению своих национальных задач. Откуда же могут быть эти надежды или эти претензии на то, что Россия, как государство, выдвинется в самые передовые ряды человечества?

Да, перед лицом фактов, перед лицом уже совершенного и достигнутого дело стоит для нас неблагоприятно, и те, кто не хотят видеть ничего, кроме этих фактов, конечно, не задумываются произнести над Россией суровый приговор. Но ведь кроме фактов у всякого живого организма, у всякого живого существа, тем более у целого народа, есть возможности — еще не раскрытые, но в нем заложенные и ждущие своей очереди возможности. И если мы от фактов перейдем сюда, на эту почву ожиданий и возможностей, то здесь сразу же установившееся к России отношение окажется иным. Едва ли кто станет спорить с тем, что среди других европейских государств Россия — страна еще совсем молодая, несмотря на свой тысячелетний возраст; что она далеко не совершила того, что она может совершить, и что все ее будущее еще только впереди. Вспомним, например, отзыв о русских Ницше, навеянный да него произведениями Достоевского. Он в высшей степени характерен. «Достоевский учит нас, — писал Ницше в одном из писем своей недавно изданной переписки, — не только любить русских, но и бояться их. Это народ, который еще не использовал всех своих сил, ни физических, ни психических».

Это отзыв типический — не только для наших друзей, но и для наших врагов. Что Россия еще не сказала своего слова в истории, что она еще не развернула своих сил, что она только на пути к тому, что ей предстоит, так думают многие. Так думают не только славянофилы, не только Владимир Соловьев, но и люди нам чуждые или даже прямо нам враждебные...

Россия как государство в начале своего исторического развития вовсе не была страной отсталой, как в настоящее время, по сравнению с западноевропейскими государствами. Наоборот, все историки наши единодушно свидетельствуют, что развитие Киевской Руси и в экономическом, и в культурном, и в политическом отношении было блестящим. Самый авторитетный из русских историков, Ключевский, рисует перед нами картину не только значительного внешнего благосостояния Киевской Руси, но и ее больших культурных успехов. И не было это чем-то только наносным и подражательным, а становилось уже глубоким и органическим. Приведу в подтверждение этого только один отрывок из классического «Курса русской истории» проф. Ключевского. «Помощью переводной письменности выработался книжный русский язык, образовалась литературная школа, развилась оригинальная литература, и русская летопись XII века по мастерству изложения не уступает лучшим анналам тогдашнего Запада». Еще более подробно, но с тем же основным выводом, что и у Ключевского, рисует нам картину материальной и духовной культуры Древней Руси также и автор новейшего общего курса русской истории проф. Д.И. Багалей. Он также говорит «о чрезвычайном богатстве русской письменности в областной период и выдающемся значении многих сочинений в историко-литературном отношении».

Что касается чисто политического развития древней Киевской Руси, то, может быть, лучшим показателем как быстроты, так и внутренней силы этого развития должен служить тот факт, который проф. Ключевский называет «коренным, самым глубоким фактом (того) времени», а именно образование в Киевской Руси национального самосознания, «пробуждение во всем обществе мысли о русской земле как о чем-то цельном, об общем земском деле, как о неизбежном, обязательном деле всех и каждого». К этому факту, говорит проф. Ключевский, «привели разнообразные, несогласные и нескладные, часто противодействовавшие друг другу стремления князей, бояр, духовенства, волостных городов, всех общественных сил того времени...»

Но к нашему несчастью, все это богатое и блестящее развитие было опрокинуто и уничтожено — уничтожено натиском на Россию азиатских кочевников...

Вот куда ушли «жизненные силы» русского государства: на борьбу со стихийным азиатским натиском, от которого Россия, принимая его на себя, прикрывала остальную Европу. Неудивительно, что за это время Россия во всех отношениях отстала от Западной Европы. Ее экономическое, культурное, государственное развитие оказалось скомканным, задержанным, изуродованным; по сравнению с западноевропейскими успехами во всех областях жизни у нас оказалось множество «недочетов». Но это было не от скудости или недостатка жизненных сил, а только от крайне неблагоприятных исторических условий...

Практически все это обозначало, что непреодолимою внешнею силою мы были задержаны в своем развитии на 2–3 века по сравнению с Западной Европой. Однако задержка все же не стала роковой. Россия, сдвинувшись с богатого, плодородного юго-западного чернозема на северо-восточный скудный суглинок, скрывшись в дремучих лесах и топких болотах окско-волжского междуречья, все же собрала там свои силы «воедино», отбросив то препятствие которое заступило ей историческую дорогу, вновь вернула себе свободу развития и стала догонять Европу во всех тех «недочетах», которые у нее тем временем образовались. Русский абсолютизм выдвинул в это время такого гиганта государственного строительства, каким был Петр Великий, и этот гигант мощною рукою двинул Россию на путь «европеизации». Наша «европеизация» не закончена еще и доньше, мы все еще позади Европы и в правовом, и в культурном отношении, но все же расстояние, нас когда-то отделявшее, сильно сократилось. Если наше «отставание» от Европы некогда равнялось 2–3 векам, то теперь оно примерно не более полувека, ибо на 50–60 лет отстали мы от Западной Европы с такой важной социальной реформой, как уничтожение крепостного права, и на такой же приблизительно срок мы отстали от нее с нашей коренной политической реформой — уничтожением абсолютизма и введением в государственный строй народного представительства.

Таким образом, наша отсталость по сравнению с другими в разрешении «правовых» и «культурных» задач несомненна. Но едва ли она должна приводить нас в отчаяние. Принимая во внимание, как наше «отставание» от Западной Европы исторически образовалось и насколько оно уже преодолено, едва ли не должны мы, наоборот, преисполниться бодростью и уверенностью. Это отставание, конечно, вскоре будет совсем уничтожено, как только в России прочно установится новый государственный строй. Ведь даже и теперь линия нашего отставания от Европы во многих местах прорвана напором внутренних творческих сил народа, и есть в ней такие пункты, как в правовой, так и в культурной области, где мы не только поравнялись с Европой, до даже успели ее опередить...

Факт нашей нынешней «правовой» и «культурной» отсталости от Запада, хотя он и не подлежит никакому сомнению, не может служить достаточным возражением против надежд на «великое» бытие нашего государства в будущем. Пройдет немного времени, и эта отсталость будет устранена внутренним общественным развитием.

Но удовлетворительное разрешение «правовой» и «культурной» задачи государством есть ведь только подготовка, только необходимая предпосылка к тому его историческому «величию», о котором мы говорили выше. Стать истинно «великим» государство может лишь правильно разрешивши свои «национальные» задачи. Как же обстоит у нас это дело? Каковы наши «шансы» и «возможности» в национальной области?

Первое и самое важное, что мы здесь имеем, — это то, что Россия уже есть одно из самых больших и самых многонациональных государств.

Кроме основного русского племени с его тремя ветвями — великорусским, малорусским (украинским) и белорусским — в России живет свыше 100 различных народов и народностей; больших и малых. Из них до десятка стоят на одной культурной ступени с русскими или даже в некоторых отношениях выше их, это: финны вместе со шведами (в Финляндии), поляки, евреи, немцы, литовцы, латыши, эстонцы, грузины и армяне. Среди менее культурных на первом месте надо поставить весьма многочисленных у нас мусульман разных народностей, в общем, стоящих, конечно, ниже перечисленных выше народностей, но все же с весьма сильно выраженными национальными и культурными стремлениями и со своей, правда, не очень многочисленной, но сознательной и деятельной национальной интеллигенцией. Из немусульманских народностей нельзя особо не упомянуть бурят и якутов, у которых также с очевидностью уже сказалось стремление к национальному развитию; наконец, есть у нас немало и таких инородцев, которые остаются на ступени «этнографического материала», не показывая или почти не показывая никаких национальных усилий.

Итак, национальный состав России — большой и разнообразный, но разрешение у нас «национального вопроса», в общем, к сожалению, стоит еще на более низкой ступени, чем разрешение наших правовых и культурных задач...

Практическое разрешение у нас национального вопроса (за исключением Финляндии, которая все-таки остается на особом положении) является до последней степени неудовлетворительным и совершенно не соответствует той идее «великого» государства, к воплощению которой стремится современное государственное развитие. Отчасти (по крайней мере, по отношению к одной из наших национальностей: по отношению к евреям) разрешение национального вопроса стоит у нас даже еще на той примитивной средневековой ступени, когда государство отказывает лицам чужой крови и чужого языка даже в признании за ними элементарных гражданских прав, например в свободе выбора местожительства, владения собственностью, в свободе промысла и занятия и т.п. ...

К правильному разрешению национального вопроса мы еще не приступали. В национальном отношении мы притесняем живущие с нами народы, мы не даем им возможности свободно проявлять себя и свободно развиваться, мы стремимся к их денационализации. Как это ни странно, но ближайшие «родственники» великороссов малороссы (украинцы) и белорусы во многих отношениях подвергались, да еще и поныне подвергаются гораздо большей «русификации», чем другие национальности, живущие в России. Достаточно сказать, что употребление их языков в печати подвергалось до самого

последнего времени самым существенным ограничением. Букварь на украинском или белорусском языке был совершенно невозможен, Библия или Евангелие в украинском или белорусском переводе «преследовались, как самые крайние прокламации. Делалось все это «по-родственному», под предлогом того, что какие же они, в самом деле, особые национальности, и какие могут быть у них особые «национальные» стремления и требования? Они-де не более как областные разновидности одного и того же великорусского племени, а языки их — только «местные» диалекты общерусского языка. И нельзя не заметить, что взгляд этот был широко распространен не только в правящих кругах, но и в обществе. Представители русской интеллигенции, столь свободолюбивой в других отношениях, здесь недоумевали или даже негодовали на какие-то «странные» претензии «кучки» малорусской или белорусской интеллигенции, совершенно чуждые будто бы самой народной массе. Достаточно здесь вспомнить одни статьи П.Б. Струве об украинстве и «украинской» опасности. Публицист, который отлично понимает и уважает национальные стремления финнов или поляков, армян или грузин, эстов или латышей, — здесь считает все национальное движение, с одной стороны, «выдуманное» и «искусственным», а с другой стороны, «крайне опасным» для «единства» общерусской культуры...

Между Россией и подавляющим большинством (может быть, за исключением одних немцев) живущих в ней народов нет никакого сколько-нибудь глубокого государственного антагонизма. Все эти народности, конечно, стремятся, и не могут не стремиться, к обеспечению себе свободы национального развития, но они надеются добиться его в пределах и под покровом России, не связывая своего национального дела ни с каким «сепаратизмом». И даже те национальности, которые для обеспечения своего национального развития считают нужным достигнуть «автономного» положения в государстве, вовсе не считают этого безнадежным в России, а, наоборот, твердо верят в то, что, выполнив задачу своего собственного политического освобождения, Россия — новая, свободная Россия — даст «автономию» и тем своим народам, для которых она будет составлять настоящую национальную потребность.

Время 1905–06 гг. — это было время, когда, по выражению пресловутого нововременского публициста В.В. Розанова, «начальство ушло», — когда все на полной свободе говорили все, что хотели, и когда в политической и социальной области было действительно сказано все, что только имелось в обороте отвлеченной европейской мысли. Тут была и социальная революция, и республика, и анархизм, и все что угодно, — все, что кому вздумалось. Все это печаталось, говорилось на митингах, циркулировало в обществе и в народе без всяких препятствий. И вот в эту единственную, совершенно исключительную эпоху русской жизни мы не слышали только одного: мы не слышали ни от одной из наших

национальностей, что она хочет уйти из России, что она хочет устроиться за ее пределами. Наоборот, в эту эпоху мы увидели неожиданное, поистине удивительное зрелище братания всех народов России как между собою, так и с «державной» народностью государства. Все народы как бы забыли на время о своих особых задачах и интересах и слились в одном порыве: общими усилиями перестроить Россию, чтобы она стала государством свободным, правовым, культурным. И зрелище нашего освободительного движения с этой стороны было совершенно необыкновенным.

В основе этого общего порыва, этого полного слияния и единения в общем действии всех национальностей России лежал, очевидно, факт доверия их как друг к другу, так и к «державной» национальности. Освободительное движение, поскольку оно исходило из недр этой державной национальности, с ясностью и без обиняков написало на своем знамени признание прав и интересов всех «недержавных» национальностей, предоставление им полной свободы национального самоопределения и национального развития — и эти «недержавные» национальности вполне этому поверили, настолько поверили, что в порядке переустройства государства они, со своей стороны, согласились на первый план выдвинуть именно политическую реформу государства и не требовали никаких особых гарантий того, что вслед за политической реформой со стороны «обновленной России» последует также и реформа национальных отношений. Так, например, формально поступило польское коло в Первой Думе; свой известный проект польской автономии оно внесло только уже во Вторую Думу, где он мог иметь — это был уже очевидно тогда, — только одно декларативное значение.

И под влиянием взаимного доверия рождался тогда энтузиазм — энтузиазм, охвативший всех без изъятия, слившийся воедино все народы России. В переживаниях этого энтузиазма было совершенно ясно, что сепаратизма у нас нет, нет ни у одной народности, — что все народы России верят в Россию, верят в то, что она перестанет быть для них мачехой, а сделается для всех родной матерью. И может быть, самой удивительной переменной в этом отношении была перемена польских настроений по отношению к России...

Вот что было у нас в это незабываемое время 1905–1906 гг.: было всеобщее братание народов России, было совершенно необыкновенное слияние их в общем порыве сделать Россию свободной и демократической, в уверенности, что эта новая Россия не будет больше притеснять национальностей, что она даст полный простор их национальному развитию. И в этом смысле время 1905–06 гг., это наше русское освободительное движение — есть такая же прочная основа для нашего дальнейшего государственного бытия в национальном отношении, как и в отношении политическом. В это время русская государственная жизнь прошла через великое испытание, как испытание политическое, так и испытание

национальное, — и она это испытание выдержала вполне благополучно. На месте этого испытания как в отношении политическом, так и в отношении национальном не только не получилось разрыва, но, наоборот, образовалась прочная спайка между всеми элементами, составляющими Россию. Народная масса прочно связалась с сознательными элементами страны, все национальности прочно связались как между собою, так и с национальностью державной в государстве. Здесь, в этом политическом и национальном единении, тогда осуществившемся вполне реально и с неудержимой силой, — прочный фундамент для нашего дальнейшего государственного развития. На таком фундаменте государственная постройка может выдержать какую угодно высоту дальнейшего замысла и дальнейшего творческого устремления.

Но отношению народов, населяющих Россию, к тому государству, в котором они живут, суждено было пройти и еще через одно великое испытание. Это — испытание нынешней войной — настоящее огненное испытание для всех внутренних скреп государства. И опять эти скрепы выдержали, выдержали так же в национальном, как и в политическом отношении. В нынешней войне Россию защищают, кровью отстаивают ее самостоятельное государственное существование — все национальности, ее составляющие. И они ее защищают — мы можем сказать это со всей серьезностью и со всей правдивостью, подобающими столь необыкновенному и критическому моменту в жизни государства, — не за страх, а за совесть...

Мы имеем фактические доказательства того, что народы, живущие в России, вовсе не ищут выхода из нашего государства, вовсе не заражены так называемым сепаратизмом, а, наоборот, хотят оставаться в этом государстве и надеются именно в нем получить удовлетворение своих национальных стремлений. И когда думаешь о том, что Россия как государство доньше ведь только притесняла в национальном отношении живущие с ней народы, что она еще и не приступала к правильному разрешению национального вопроса, — наоборот, все время упорно шла против такого разрешения, то невольно испытываешь удивление по поводу этой приверженности народов России к нашему государству приверженности проходящей через столь серьезные испытания. И не только факт этот вызывает наше удивление, но и невольный вопрос: чем его объяснить? в чем лежит разгадка того, что люди, притесняемые государством, тем не менее тяготеют к нему и упорно надеются, что они не вне его, а в нем найдут удовлетворение своих стремлений?

Я думаю, что здесь мы соприкасаемся с самой глубокой стороной во всем этом вопросе о соотношении между Россией и живущими в ней народностями: в национальном вопросе России. Да, это верно: Россия как государство притесняет живущие в ней народы, она до сих пор противилась их национальным стремлениям, — но русский народ, и притом в

самой глубине своего народного характера, в самой основе своей народной души, не имеет того, что здесь ужаснее и зlostнее всего: не имеет презрения к человеку другой расы и другой национальности. Исходящее от него притеснение, когда оно имеет место, лежит на поверхности, не вырастает из глубины, поэтому оно, хотя и несправедливо, но поправимо, конечно, тяжело, но не так оскорбительно. Русский человек может выбрать человека другой национальности — может даже его ударить, но это всегда только озорство, раздражение, пусть даже прямое насилие, но в этом никогда нет холодного презрения к другому человеку, нет жестокого, оскорбительного отношения, которое окончательно разрывает связь между человеком и человеком, которое логически равносильно формуле: я — человек, а ты — нет. И эти свойства русского народного характера, несомненно, глубоко чувствуются теми, кто с ним приходит в соприкосновение...

И вот в этом-то и лежат самые глубокие, уходящие в область бессознательного основы правильного разрешения у нас национального вопроса. Государство наше притесняет инородцев, но они чувствуют, что в этом притеснении нет ничего непоправимого, что оно идет не из народной глубины и что когда эта глубина народная выйдет на поверхность, получит возможность проявлять свои глубокие свойства, то это изменит всю картину национальных отношений в России. Народы России чувствуют, что нынешнее разрешение национального вопроса в государстве — не принципиальное и не окончательное, а временное и случайное, что корни его не глубоки, а, наоборот, там, на глубине, такое отношение к людям других национальностей, которое обещает иное разрешение национального вопроса. И другие национальности ждут этого иного разрешения, они в него верят, и они на него надеются... Для народов, с нами живущих, образ русского народа, его лучшее воплощение — это Толстой, одновременно самый коренной русский мужик и самый типичный русский интеллигент — Толстой — вместе и самая глубокая глубина, и самая высокая высота русского народа. Они верят, что народ, который из недр своих выдвинул Толстого, не может быть народом-притеснителем. И хотя все кругом этому сейчас противоречит, но, тем не менее, этот вывод, вероятно, и есть самый правильный. Порукой этому то, что самый этот вывод, столь противоречащий фактам сегодняшнего дня, идет из глубины вековых переживаний народного сожительства, — тех переживаний, которые оставляют свои следы в самой глубине бессознательного и рождают там веру, которая верит вопреки доводам поверхностного рассудка.

Я думаю, что вывод из всего этого может и должен быть только один: Россия может и должна стремиться к тому, чтобы стать «великим» государством в описанном выше смысле этого слова. Идеал «великой» России, так понимаемый, не есть для России ни химера, ни мечта, ни пустая претензия. Нет, это реальная цель, которую мы должны поставить перед

нашим государственным развитием. Для достижения этой цели у нас есть все данные, нужна только добрая воля работать в эту сторону. «Судьба людей и наций, пока они живы, в их доброй воле», — говорит Владимир Соловьев. И это совершенно верно. Идеал «великой» России мы должны выдвинуть как предмет нашего государственного честолюбия, как предмет нашей твердой государственной воли. И если мы это сделаем, то самыми ревностными нашими сотрудниками в этом деле сделаются все другие народы, вместе с нами живущие...

И если бы наша государственная жизнь действительно направилась в эту сторону, то у нас не стало бы национальных антагонизмов — все силы огромного многонационального государства направились бы к одной цели: развитию и процветанию России как целого. И Россия выросла бы тогда в огромный, могучий, своеобразный мир среди человечества — мир, в котором кипела бы разносторонняя и дружная культурная работа по всем направлениям: использованы были бы ее неисчерпаемые естественные ресурсы, обеспечено было бы благосостояние ее населения и на основе всего этого развернуты были бы ее духовные силы, создана была бы духовная культура, объединяющая Запад с Востоком, осуществляющая взаимное понимание и взаимное уважение между этими двумя великими частями человечества.

В этом наш естественный и законный государственный идеал — другого у нас быть не может. Или мы будем жить изо дня в день без всякой великой идеи в нашей государственности, с мелкими и жалкими целями притеснения других народностей, с постоянными внутренними раздорами на национальной почве — или мы усвоим себе идеал «великой» России, как он описан выше, и тогда перед нами откроются перспективы настоящего мирового величия, — такой огромной роли в мировой истории, с которой можно будет мериться только очень немногим другим народам. Россия займет тогда одно из первых мест в рядах человечества, займет его без протеста против этого со стороны других народов, живущих вне ее, при общем одобрении и содействии народов, живущих внутри ее. И станет она тогда действительно великим мировым фактором, «оправдает» свою величину и свое огромное место на земном шаре действительно «достойным» существованием.

В стремлении к этому должно заключаться наше государственное честолюбие, должен состоять наш государственный и национальный эгоизм. В соответствии с этим нам надо перестроить и наш русский патриотизм. Из мелкого, заполненного домашними дрязгами, не имеющего перед собою другой цели, кроме притеснения других народов, якобы во славу и благоденствие народа державного, — его надо сделать большим, стремящимся действительно к великим государственным целям, одушевленным идеалом, выдвигаемым человеческой жизнью в ее мировом развитии...

Если бы надо было изобразить положение у нас национального вопроса в форме диалога, то я сказал бы так: Национальности, вместе с нами живущие, могли бы нам сказать: мы не просим от вас ни милости, ни жертвы, — мы хотим только своего права, мы требуем справедливости.

А русский народ имеет все основания им на это ответить: с моей стороны возражений против этого нет, я с этим вполне согласен, это как раз мне по пути.

Ведь с государственной точки зрения национальный вопрос есть вовсе не вопрос инородческий, а вопрос, стоящий перед главной, державной народностью. Это вопрос о том, что она хочет сделать со своей государственностью, куда и к каким целям хочет ее направить. И в этом смысле — это не вопрос чувств или сентиментальности, а именно вопрос политического разума, политического понимания — я даже готов сказать: политического честолюбия и политического эгоизма господствующей в государстве национальности — чего она хочет: исторического величия, великой мировой роли для своего государства — или же его жалкого прозябания в ежедневной мелкой внутренней вражде, в постоянном антагонизме между собою внутренних государственных и культурных сил.

Государственный разум, государственный эгоизм требует того, чтобы господствующий в государстве народ, руководя своей государственной жизнью, направлял ее на удовлетворение интересов всех в нем живущих, ибо без этого государство не может вырастать и крепнуть. Эта истина по отношению к отдельным человеческим личностям уже достаточно сознана: современное государство понимает, что оно не может быть внутренне крепким без гражданского равноправия, без прочного обеспечения в нем прав человеческой личности. Но то же самое необходимо и по отношению к правам национальностей: государство, претендующее на мировую роль и мировое развитие, не должно идти в разрезе с ними, оно должно их в себя воспринять и их в себе удовлетворить, иначе в нем будет постоянное противоречие, которое всегда будет источником его ослабления и внутреннего разложения... Но ведь то же самое надо сказать и о государственной жизни. Чтобы получить крупный масштаб, чтобы выйти на мировую арену, она должна правильно удовлетворять интересы всех, кто живет в государстве, иначе государство или будет оставаться малым, или, становясь большим, не будет прочным. Выбора здесь нет, как и в торговле, по отношению к принципу обмана: большая государственность не может держаться на притеснении тех, кто в ней живет. Там обман, здесь притеснение — это внутреннее противоречие, функция государства заключается в согласовании интересов всех в нем живущих, и государство, идущее наперекор этой функции, не может дать всего того развития, какое для него возможно и к которому оно предназначено. К сожалению, далеко не все это в настоящее время понимают, и не только у нас в России, но и на Западе Европы, и тот великий мировой

кризис, который теперь переживается человечеством, тесно связан именно с этим непониманием...

1915–1916 гг.

(Отечество. Пути и достижения национальных литератур России.

Т. 1: Национальный вопрос. Петроград, 1916. С. 82–102)

П. Струве

ПРОБЛЕМА РУССКОГО МОГУЩЕСТВА

1. Государственная сила и национализм

Демократия побеждает по всей линии в культурном мире. Не та демократия, которая погашает чувство личной ответственности и тем понижает личную годность, не та демократия, которая мнит общественные несовершенства устранить чудодейственными механическими средствами, не та демократия, которая завидует всякой силе и косится на нее и которая сама могла бы восторжествовать только старыми способами насилия. Словом, демократия не «урavnительная» и не «захватная». Сильна и побеждает культурная демократия, которая несет с собой общественную солидарность и возможность безграничного разнообразия личного и общественного творчества культуры.

Вот универсальный дух свободы, который окружает со всех сторон русскую реакцию. Она духовно изолирована во всем мире.

А в то же время государство, которым овладела эта реакция, политически изолировано в международном общении, — изолировано своею слабостью. Время, когда на реакционную Россию взирали с почтением, как на большую материальную силу, когда, несмотря на духовную чуждость этой силы, с нею искали союза, — миновало. Современная русская реакция, как международная величина, не есть самодовлеющая и импонирующая вовне сила, каковою она была в эпоху Николая I и даже в царствование Александра III. Она есть воплощение государственной слабости — и понимание этого разлито во всем мире.

Эта отчужденность от универсального духа свободы и демократии внешне ослабленной и расслабленной государственной реакции, официально управляющей судьбами России, есть, конечно, залог неминуемого падения реакции. Однако к сознанию этого неминуемого падения реакции, — сознанию, которое само по себе могло бы быть только радостным и даже возвышающим, ибо чувство справедливости требует, чтобы злу было уготовано падение, — примешивается горькое и скорбное чувство, что в свое падение реакция может и — при некоторых условиях — неизбежно должна вовлечь и самое государство...

Вот почему русскими умами так неотступно владеет патриотическая тревога, — тревога, подобной которой — я глубоко в этом убежден — не переживало ни одно русское поколение. В памятные дни японской войны и ей предшествовавшие не было и не могло

быть еще этого чувства. Мы ощущали тогда утраченное нами теперь сознание внешнеполитической мощи России...

Теперь мы видим ослепление бессилия, которое не может почитать себя силой и другими не может быть почитаемо за таковую.

Ослепленное государственное бессилие, лишенное всякой даже субъективной правдивости, — таков образ господствующей реакции. И этот образ не может не внушать величайшей патриотической тревоги.

Всего ярче ослепление реакции обнаруживается в ее отношении к Финляндии. Можно иметь разные взгляды на русско-финляндские отношения с точки зрения государственно-правовой, но ясно, что методы воздействия русской реакции на Финляндию непрерываемо свидетельствуют об одном, о внутреннем бессилии.

В свое время на меня сильнейшее впечатление произвело заявление одного русского государственного деятеля, что Россия — говоривший, очевидно, имел в виду правящую официальную Россию — недостаточно сильна для того, чтобы дать вольности польскому населению, обитающему на территории царства Польского. Это признание гораздо искреннее и гораздо ближе подходит к истине, чем попытки представить борьбу с самоопределением окраин, имеющих свою историческую индивидуальность, свое культурно-политическое лицо, как проявление политической мудрости и государственной силы правительства.

Сила умеренна. Сила не раздражается и не раздражает. Ей чуждо стремление согнуть в бараний рог и придавить своей пятой кого бы то ни было. Для того чтобы понимать, как действует подлинная государственная сила, каковы ее психологические приемы, следует обратиться к истории английских колоний после отпадения Северо-Американских Штатов. Тут английская правительственная власть явила поразительные примеры мудрой умеренности и создала памятники несравненной государственной мысли.

Англичане отнюдь не космополиты, и чувство национальной государственности присуще им в высочайшей степени. Но — после отложения Северной Америки — они поняли, что утверждение такой государственности не есть механическая задача, осуществляемая голым приказом и во всяких условиях одинаковыми средствами, в одинаковых пределах.

Для утверждения национальной государственности должны быть налицо известные объективные и моральные условия.

Финляндия и царство Польское неразрывно связаны с Российской империей; в то же время эти области никогда не могут стать русскими. Не могут стать русскими потому, что в них невозможно вселение русского элемента и что по своим историческим судьбам каждая

из этих областей создала своеобразную, богатую традициями культуру, независимую от русской и ей не уступающую...

Не ради Финляндии, заботу об интересах которой мы смело можем предоставить ей самой, а ради государственной мощи национального ядра империи со стороны России необходима прежде всего мудрая и доброжелательная умеренность в устроении русско-финляндских отношений. Внешне более сильная сторона — а таковой в данной комбинации является Россия с ее вооруженной силой — обязана воздерживаться от всяких приемов устрашения и раздражения. Она обязана так вести себя — именно во имя подлинного общегосударственного интереса внешнеполитической мощи, ради полной сплоченности всех частей государства по отношению ко всему внешнему миру.

Та русская политика, которая в настоящее время афиширует себя национальной, действует с полным пренебрежением к мудрой идее, классически выраженной в достопамятной инструкции лорда Джона Ресселя канадскому генерал-губернатору Томсону 14 октября 1839 г.: «Ее величество не желает поддерживать в Северной Америке никакой политической системы, осуждаемой общественным мнением. Она рассматривает любовь своих подданных как лучшее обеспечение своего господства».

Такую максиму преподавало английское правительство своему генерал-губернатору в провинции, которая за два года перед тем пережила открытое возмущение, подавленное вооруженной силой!

И эта максима осуществлялась в стране, внутри которой английское правительство могло с легкостью опереться на английский национализм. Но роли высшего имперского идеала английская власть не только не пошла в союз с националистическим ослеплением, наоборот, взрыву английского общественного шовинизма она противопоставила мудрую выдержку сознающей свою силу и правоту государственности. Английские шовинисты разогнали неугодный им канадский парламент и сожгли самое его.

Русский официальный национализм вынужден действовать искусственными, а не естественными способами. И это прежде всего сказывается в учреждении для земского представительства так называемых «национальных курий». Национальные курии суть везде требования меньшинства, желающего охранить себя от подавления большинством. А у нас дело обстоит иначе; у нас официальный национализм ради привилегированного класса искусственно пересаженных чиновников-помещиков, искусственно превращая русскую крестьянскую массу из большинства в меньшинство, приходит к учреждению национальных курий с целью охранения русского национального большинства Западного края от польского «засилия».

Нам скажут: не все ли это равно, раз цель охраны русской национальности будет этим достигнута? Но существенно именно то, что способ охраны национальности вовсе не безразличен для достижения самой цели.

Было бы наивно думать, что национальное соперничество между русским и польским элементом в Западном крае есть лишь официальная выдумка. Это, конечно, не так. Но именно потому, что это не так, возможна и необходима критика официального национализма с точки зрения им же самим выдвигаемой националистической задачи. Эта чисто политическая критика возможна и необходима совершенно независимо от моральной критики национализма, действующего мерами принудительного ограничения своих соперников. Такая критика, оставляя в стороне вопрос о моральной правомерности насильнического национализма, ставит вопрос об его целесообразности, или действительности.

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательный. Насильнический национализм отмечен тем глубочайшим противоречием, что он увеличивает, а не уменьшает силы своих противников. Он создает и выращивает силы сопротивления самому себе. Насильнический национализм является либо творцом, либо пестуном национальных сознаний и притязаний угнетаемых народностей.

Это противоречие принудительного национализма обнаруживается в том, что он сам очень быстро начинает сомневаться и отчаиваться в своей собственной силе. На нашем официальном и официозном национализме это сказывается с полной ясностью. Этот национализм хочет непроходимой стеной отделиться от всего нерусского и проводит взгляд на нерусские элементы как на нечто чужеродное, от чего необходимо отмежеваться, с чем страшно соприкасаться. Этот национализм отчаяния в высокой степени характерен для всей проповеди г. Меньшикова.

Следует понять и категорически высказать, что есть два национализма с диаметрально противоположным отношением к окружающей его, враждебной или индифферентной, «среде». Один — национализм свободный, творческий и потому открытый и в подлинном лучшем смысле завоевательный. Другой — национализм скованный, пассивный и потому вынужденный бояться других и обособляться от них. Это национализм — закрытый, или замкнутый и оборонительный. Классическими историческими носителями первого, завоевательного национализма являются англосаксы с тех пор, что они отделились от своей религиозной, протестантской исключительности. Они ничего не боятся и все покоряют. Только такой национализм может создать настоящее «Imperium». Те же черты носила и мекая государственность в эпоху ее наивысшей мощи и наибольшего расширения.

Классическими историческими носителями второго, оборонительного национализма были в свое время евреи. Отделившись от остального мира и обратившись против

христианства, которое было в среде еврейства и для еврейства национальным предательством и ренегатством, евреи спасли свою национальность. Этот закрытый, оборонительный национализм был естественен и даже неизбежен для маленького тесного народа, которому приходилось выбирать либо растворение в христианизирующемся эллино-римском мире, либо самосохранение путем национально-религиозного обособления...

Но здесь я не занимаюсь историческим анализом еврейского вопроса. Ссылка на евреев эпохи их критической, отчаянной борьбы за самосохранение была мне нужна для того, чтобы ею иллюстрировать историческое явление замкнутого и оборонительного национализма в отличие от национализма открытого и завоевательного.

Теперь можно совершенно точно формулировать проблемы национальной политики русского народа. Она гласит:

Какой национализм должен проводить русский народ и русское государство? Национализм нового англосаксонского или старого еврейского типа.

Первый национализм открыт для всех, не боится соперничества, сознательно задается прозелитизмом, потому что он верит в то, что он не растворится в море чужеродных элементов, а претворит их в себя и, во всяком случае, рядом с ними окажется более крепким и стойким.

Не может быть никакого сомнения: свободный, открытый, завоевательный национализм есть свидетельство силы и здоровья большой нации.

Но не есть ли он также условие и гарантия этой силы и этого здоровья? Вот основной и роковой вопрос русского политического развития.

По моему глубокому убеждению, это есть вопрос о том, быть или не быть Великой России. И тут открывается еще одно противоречие русского официального национализма. Этот национализм — не только творец и пестун национальных сознаний и притязаний угнетаемых национальностей. Официальный национализм усыпляет и расслабляет национализм народный. Свободное соперничество и состязание национальностей есть требование национальной гигиены.

В самом деле, русский народ не в том положении, чтобы его приходилось поддерживать такими средствами, к каким поневоле прибегают национальности, которым угрожает или угрожала опасность раствориться в более могущественной национальной и культурной стихии. Наш официальный национализм — парадоксальное, извращенное явление потому, что — во имя чуждых и враждебных народу интересов — он большой силе, которая призвана свободно шириться, навязывает способы и приемы не сильного, а слабого, не нападения, а обороны.

Отгораживаясь от других национальностей и охраняя себя от них государственным щитом, русская национальность не укрепляет, а ослабляет себя. Она не обогащается, а скудеет. Нет положения более бесспорного, чем то, что все великие национальности — весьма сложного этнического состава. Такова же и русская национальность, ассимилировавшая со славянским ядром целое множество других расовых элементов. То же продолжается до сих пор, и, в общем и целом, только таким путем может расти, шириться и крепнуть русская национальность. Не только национальная плоть, но и национальная душа, культура у великих национальностей всегда многосоставная, плод сложного и длительного ассимиляционного процесса. Дух и политика торжествующего теперь замкнутого национализма стремятся пресечь и затруднить этот процесс ассимиляционного роста, которым создавалась и до сих пор еще создается русская национальность, так же как американская, еще творится, она, как говорят о себе американцы, еще *in the making*.

Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая свободная и органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи. Об атом, конечно, не может быть речи ни в Финляндии, ни в царстве Польском, частях Империи, имеющих особую судьбу, при которой немыслима никакая ассимиляция. Но этот идеал — правда, с большим, чем в Америке, сохранением местных, в известных пределах тоже национальных особенностей — осуществим для всей остальной империи, ибо на всем пространстве Российской империи, кроме Финляндии и Польши, приобщение к русской культуре означает подъем на высшую ступень (особое положение занимала бы немецкая культура в Прибалтийском крае, если бы она не была там культурой тонкого верхнего слоя населения, с которым массы народные находятся в историческом антагонизме).

Насильнический национализм отрезывает путь к этому идеалу свободной и органической гегемонии русской национальности и русской культуры. Правда, известное государственное единство возможно без органической гегемонии той или иной национальности, но вне такой гегемонии Россия как национальное государство прочно существовать не может.

Вот почему — как это ни звучит парадоксально — торжествующий ныне официальный национализм прокладывает путь не национально-государственному объединению, а национальному автономизму и федерализму. Он не собирает, а дробит государство. Можно этому радоваться или об этом скорбеть, но такова внутренняя логика той политики, которая столь настойчиво проводится теперь нашими официальными националистами. Это — национализм поверхностный, заботящийся лишь о сегодняшнем дне

и не заглядывающий в будущее. Об его «национальных куриях» можно сказать: *sic vos pop vobis!*

И это не случайно. Наш официальный национализм вовсе не имеет самодовлеющего характера. В нем национальная идея есть психологический козырь в руках дворянско-бюрократической реакции. Она есть средство, а не цель.

Наш воинствующий национализм чрезвычайно слаб именно потому, что он не только не народен, но и прямо противонароден. Национализм может быть подлинной силой только там, где он опирается на самостоятельность широких народных масс. Это верно по отношению к угнетенным национальностям и еще более верно по отношению к такой национальности, которая, как русская, создала самое государство и играет в нем первенствующую роль. Поляки в Познани стали непобедимой для германизма силой лишь тогда, когда их национализм с узкой шляхетской был передвинут на широкую крестьянскую основу и когда соответственно этому польская самооборона из чисто политической стала культурно-хозяйственной, столпом которой является кредитное товарищество. Не политический эмигрант, аристократ или мечтательный интеллигент, не помещик-депутат, а деловитый кооператор, работающий в массах, организовал в Познани польскую народную силу. До тех пор, пока главным деятелем русской культуры в Западном крае, задающим ей тон, будет помещик-чиновник, — русская культура, как бы ее ни охраняли, будет страдать внутренней слабостью. Охранять и ширить национальную культуру в современных условиях экономической и политической жизни может только народ. Это не политическая фраза, а социологическая теорема, лучшим опытным доказательством которой является история национальной самообороны польского народа в прусском государстве.

Итак, наш официальный национализм в основе своей порочен, ибо поражен глубочайшими внутренними противоречиями. Великому народу, создавшему могущественное государство, не только нравственно приличествует, но и интересам его здоровья отвечает лишь открытый, мужественный, завоевательный национализм, провозглашающий и осуществляющий свободное состязание национальностей. Не ради гуманности, не из соображений справедливости русский народ должен держаться такой политики, а из чувства национального самосохранения и самоутверждения, из здорового национального эгоизма.

Другим пороком торжествующего теперь национализма является его противонародный характер, лишаящий его живных питательных соков, которые может давать лишь широкая демократическая среда. Этой среды чиновничье-помещичий национализм не может призвать к историческому деланию, ибо ее он боится.

Неудивительно поэтому, что он вечно трепещет внешней опасности. Он бессилён связать поляков с государством так, как это сделала Австрия, нашедшая в них твердую опору своего государственного бытия. И потому он боится в их лице Австрии.

И в самом деле, наш официальный национализм — и в этом его третий порок — не только не укрепляет великодержавного положения России, а, наоборот, ослабляет его. Это тем более существенно, что, в то время как официальная Россия переживает бурный пароксизм национализма, руководящее государство Германии, Пруссия, — по-видимому, близка к тому, чтобы из своего политического опыта извлечь наконец надлежащий урок и переставить свою польскую политику на новые рельсы. Скоро, быть может, наступит время, когда одна только Россия будет практиковать политику принудительного национализма. Ибо и в парламентарной Венгрии эта политика переживает глубочайший кризис и находится накануне великих поражений...

2. Идеал Великой России

Что такое Великая Россия? Каково содержание и смысл этой идеи?

Великая Россия есть государственная формула России как национального государства-империи. Россия есть государство национальное. Она создана развитием в единую нацию русских племен, слившихся с собой, претворивших в себя множество иноплеменных элементов. Ход развития и сложения России есть весьма характерный случай тесной связи между государственным и национальным развитием. В государстве складывалась и крепла нация, и нацией скреплялось и расширялось государство. Не всегда в истории дело происходило так. Греческая национальность сложилась и окрепла во множестве государств; то же было с национальностью немецкой. Русские племена были отчасти внутренним сцеплением, отчасти внешним давлением сдвинуты в единое государство и в некоем спаялись в единую нацию. Это национальное государство-ядро, поставленное в определенную географическую среду, росло путем расширения, а не уплотнения; именно расширяясь, оно захватывало в сферу своего воздействия иноплеменные элементы. Связь этих элементов с русским государственно-национальным ядром различная: в одних случаях чисто или по преимуществу государственная, в других случаях государственно-культурная, доходящая в окончательном своем развитии до полного уподобления, обрусения «инородцев». Между этими двумя видами связи в их чистом виде (назовем их: государственная инкорпорация и национальное претворение) существует ряд переходных ступеней, или форм.

Таким образом, географически расширяя свое национальное ядро, русское государство превратилось в государство, которое, будучи многонародным, в то же время обладает национальным единством.

Такого рода государственное образование мы называем империей, когда этим словом выражаем особое понятие, имеющее свое собственное содержание. Могут быть многонародные государства, лишённые национального ядра, их скрепляющего. Но такие многонародные государства, каковы бы ни были их размеры и какое бы государственное устройство они ни имели, не суть империи. Многонародная Швейцария не есть империя; не является империей, несмотря на свой официальный титул, несмотря на исторические традиции могущества, Австро-Венгрия. Ибо ни в дуалистическом целом, ни в обоих его частях нет национального ядра. Наоборот, подлинными империями являются Англия, Северо-Американские Соединенные Штаты, Россия.

Наличность национального ядра в многонародном целом обуславливает одну характерную для подлинных империй черту: их способность к волю к расширению. Многонародные государства, лишённые национального ядра, не могут и не хотят расширяться. А если в их политике и обнаруживается воля к расширению, то такая воля оказывается ложной в своей основе и потому пагубной для самого бытия этих государств. Лучшим примером может служить опять-таки та же Австро-Венгрия. В стремлении Австро-Венгрии к балканскому расширению заключалось внутреннее противоречие. Расширяясь на Балканах, Австро-Венгрия не могла этим усиливать своего национального ядра, ибо такого вообще нет. Она могла расширяться на юго-восток только на счет Сербии, но введение в Австро-Венгрию сербского элемента означало бы усиление ее многонародности в целом и дальнейшее национальное разложение Венгрии. Австро-Венгрия желала, но не могла быть империей.

Расширение национального государстве в империю может носить разный характер, в зависимости от исторического прошлого такого государства и тех реальных условий, в которые оно поставлено. Имперское расширение может быть экстенсивным и внешним, сводясь к присоединению новых областей; оно может быть интенсивным и внутренним, сводясь к претворению уже присоединенных областей. Наконец, эти два вида расширения могут сочетаться.

Великая Россия есть государственная формула России, как империя. Она выражает силу России, но силу не только внешнюю «ли материальную, даже — не только государственную.

Вообще, нельзя в применении к государству говорить лишь о материальной или внешней силе. Всякая подлинная сила, действующая через государство, в истории ее

творящая, есть сила культурная и тем самым духовная. Государство-империя опирается на нацию, а нация есть духовное понятие и духовная сила. Вообще, в исторических судьбах народов и государств сила и правда суть моменты, действительное соотношение которых отнюдь не может быть мыслимо просто как раздельность или противоположение. Длительное торжество так называемой «грубой силы» в истории невозможно.

Вопрос о силе и правде есть труднейшая метафизическая проблема и роковая загадка истории для лиц и народов. Одно можно сказать, что то воззрение, которое заранее подозревает и осуждает силу (так относился к силе Лев Толстой), тем и грешит, что не улавливает необходимой связи между силой и правдой. Во всякой подлинной силе не может не быть элемента духовности, и всегда правда стремится воплотиться в силу. Сила всегда хочет оправдать себя, а правда — возобладать. Это прекрасно понимали великие мыслители англосаксонского мира Карлейль и Рёскин.

Великая Россия есть факт, но не только факт. Это идея и идеал, нечто не только осуществившееся, но и осуществляющееся...

Но Великая Россия есть не только идея и идеал внешнего расширения Российской империи. Это есть идеал правовой, тесно связанный с духовно-религиозной идеей.

Великая Россия для того, чтобы быть живой силой и органическим единством, должна действительно осуществить те начала правового порядка и представительного строя, которые были возвещены 17 октября 1905 г.

В такой политике внутреннего устройства Великой России на началах утверждения права и осуществления прав уже намечается связь с другим фактом и с другой идеей русского духовного бытия.

Мы знаем и любим не только Великую Россию. Мы знаем и любим еще больше другое лицо, которое являет перед нами наш народ и наша страна.

Кроме Великой России есть Святая Русь.

Если в Великой России для нас выражается факт и идея русской силы, то в Святой Руси мы выражаем факт и идею русской правды.

Государство и государственная мощь не есть ни единственная, ни конечная ценность для человеческого сознания. Мы надеемся, мы верим, мы хотим, чтобы самое государственное наше бытие было подчинено не механически и не доктринально, а органически, в живом народном делании высшей религиозной идее. Словом, мы верим в союз Великой России и Святой Руси.

И эту веру мы обретаем в том, как переживается национальным сознанием великая европейская война, в том подлинном лике, с которым нам предстает русская армия.

Я много слышал рассказов лиц, соприкоснувшихся с нашей армией там, где она совершает свой великий жертвенный подвиг, на передовых позициях, в окопах. Там русская армия выступает перед всем миром как огромный поток организованной вооруженной силы. Но в рассказах разных наблюдателей, русских и иностранцев, я уловил еще нечто другое: эта же грозная армия воплощает в себе не только великую мощь Великой России, но и духовную силу Святой Руси, силу подвига, силу страдания и смирения.

Так там на полях брани и смерти, в бесконечном подвиге бесчисленных и безымянных героев серой крестьянской армии осуществляется религиозное чудо слияния силы и правды, разрешается величайшая загадка истории...

Одну из своих речей в Государственной думе, а именно программную речь по аграрному вопросу П.А. Столыпин закончил следующими словами: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».

Мы не знаем, оценивал ли г. Столыпин все то значение, которое заключено в этой формуле: «Великая Россия». Для нас эта формула звучит не как призыв к старому, а, наоборот, как лозунг новой русской государственности, государственности, опирающейся на «историческое прошлое» нашей страны и на живые «культурные традиции» и в то же время творческой и, как все творческое, в лучшем смысле революционной.

Обычная, я бы сказал — банальная точка зрения благонамеренного, корректного радикализма рассматривает внешнюю политику и внешнюю мощь государства как досадные осложнения, вносимые расовыми, национальными или даже иными историческими моментами в подлинное содержание государственной жизни, в политику внутреннюю, преследующую истинное существо государства, его «внутреннее» благополучие.

С этой точки зрения всемирная история есть сплошной ряд недоразумений довольно скверного свойства.

Замечательно, что с банальным радикализмом в этом отношении совершенно сходится банальный консерватизм. Когда радикал указанного типа рассуждает: внешняя мощь государства есть фантом реакции, идеал эксплуататорских классов, когда он, исходя из такого понимания, во имя внутренней политики отрицает политику внешнюю, — он, в сущности, рассуждает совершенно так же, как рассуждал В.К. фон Плеве. Как известно, фон Плеве был один из тех людей, которые толкали Россию на войну с Японией, толкали во имя сохранения и упрочения самодержавно-бюрократической системы.

Государство есть «организм» — я нарочно беру это слово в кавычки, потому что вовсе не желаю его употреблять в доктринальном смысле так называемой «органической» теории — совершенно особого свойства.

Можно как угодно разлагать государство на атомы и собирать его из атомов, можно объявить его «отношением» или системой «отношений». Это не уничтожает того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которой есть свой верховный закон бытия.

Для государства этот верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, т.е. не только юридически «самодержавное» или «суверенное», но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным — значит обладать непременно «внешней» мощью. Ибо из стремления государств к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборством интересов государств сильных, является в возможности (потенциально) и в действительности (de facto) добычей для государства сильного.

Отсюда явствует, на мой взгляд, как превратна та точка зрения, на которой банальный радикализм объединяется с банальным консерватизмом или, скорее, с реакционерством и которая сводится к подчинению вопроса о внешней мощи государства вопросу о так или иначе понимаемом его «внутреннем благополучии».

Русско-японская война и русская революция, можно сказать, до конца оправдали это понимание. Карой за подчинение внешней политики соображениям политики внутренней был полный разгром старой правительственной системы в той сфере, в которой она считалась наиболее сильной, в сфере внешнего могущества. А с другой стороны, революция потерпела поражение именно потому, что она была направлена на подрыв государственной мощи ради известных целей внутренней политики. Я говорю: «потому что», но, быть может, правильнее было бы сказать: «постольку, поскольку».

Таким образом, и в этой области параллелизм между революцией и старым порядком обнаруживается прямо поразительный!

Рассуждение банального радикализма следует поставить вверх ногами.

Отсюда получается тезис, который для обычного русского интеллигентского слуха может показаться до крайности парадоксальным:

Оселком и мерилom всей так называемой «внутренней» политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует так называемому внешнему могуществу государства?

Это не значит, что «внешним могуществом» исчерпывается весь смысл существования государства; из этого не следует даже, что внешнее могущество есть

верховная ценность с государственной точки зрения; может быть, это так, но это вовсе не нужно для того, чтобы наш тезис был верен. Если, однако, верно, что всякое здоровое и держащееся самим собой государство желает обладать внешней мощью, то в этой внешней мощи заключается безошибочное мерило для оценки всех жизненных отправлений и сил государства, и в том числе и его «внутренней политики».

Относительно современной России не может быть ни малейшего сомнения в том, что ее внешняя мощь подорвана. Весьма характерно, что руководитель нашей самой видной «националистической» газеты в новогоднем «маленьком письме» утешается тем, что нас никто в предстоящем году не обидит войной, так как мы «будем вести себя смиренно». Трудно найти лозунг менее государственный и менее национальный, чем это: «Будем вести себя смиренно». Можно собирать и копить силы, но великий народ не может — под угрозой упадка и вырождения — сидеть смиренно среди движущегося вперед, растущего в непрерывной борьбе мира. Давая такой пароль, наша реакционная мысль показывает, как она изумительно беспомощна перед проблемой возрождения внешней мощи России.

Для того чтобы решить эту проблему, — нужно ее поставить правильно, то есть с полной ясностью и в полном объеме.

Хотя мое воззрение обвиняет русскую внешнюю политику, политику «дипломатическую» и «военно-морскую» в том, что мы были не подготовлены к войне с Японией. Мне неоднократно, во время самой войны на страницах Освобождения и позже, приходилось указывать, что ошибка нашей дальневосточной политики была гораздо глубже, что она заключалась не только в методах, но — что гораздо существеннее — в самых целях этой политики. У нас до сих пор не понимают, что наша дальневосточная политика была логическим венцом всей внешней политики царствования Александра III, когда реакционная Россия, по недостатку истинного государственного смысла, отвернулась от Востока Ближнего.

В перенесении центра тяжести нашей политики в область, недоступную реальному влиянию русской культуры, заключалась первая ложь нашей внешней политики, приведшей к Цусиме и Портсмуту. В трудностях ведения войны это сказалось с полной ясностью. Японская война была войной, которая велась на огромном расстоянии и исход которой решался на далеком от седалища нашей национальной мощи море. Этими двумя обстоятельствами, вытекшими из ошибочного направления всей приведшей к войне политики, определилось наше поражение.

Те же самые обстоятельства, которые в милитарном отношении обусловили конечный итог войны, определили полную бессмысленность нашей дальневосточной политики и в экономическом отношении. Осуществлять пресловутый выход России к Тихому океану с

самого начала значило, в смысле экономическом, — Travailler pour L'empereur de Japan. Успех в промышленном соперничестве на каком-нибудь рынке при прочих равных условиях определяется условиями транспорта. Совершенно ясно, что, производя товары в Москве (подразумевая под Москвой весь московско-владимирский промышленный район), в Петербурге, в Лодзи (подразумевая под Лодзью весь польский район), нельзя за тысячи верст железнодорожного пути конкурировать не только с японцами, но даже с немцами, англичанами и американцами. В своем заграничном органе я категорически восставал против дискредитирования нашей армии на основании тех неудач, которые она терпела, и указывал на то, что политика задала армии как своему орудию задачу, по существу невыполнимую...

Отношение должно быть совершенно иное. Наш юг должен излучать по всей России богатство и трудовую энергию. Из черноморского побережья мы должны экономически завоевать и наши собственные тихоокеанские владения.

Основой русской внешней политики должно быть экономическое господство России в бассейне Черного моря. Из такого господства само собой вытечет политическое и культурное преобладание России на всем так называемом Ближнем Востоке. Такое преобладание именно на почве экономического господства осуществимо совершенно мирным путем. Раз мы укрепимся экономически и культурно на этой естественной базе нашего могущества, нам не будут страшны никакие внешние осложнения, могущие возникнуть помимо нас. В этой области мы будем иметь великолепную защиту в союзе с Францией и в соглашении с Англией, которое в случае надобности может быть соответствующим образом расширено и углублено. Историческое значение соглашения с Англией, состоявшегося в новейшее время и связанного с именем А.П. Извольского, в том и заключается, что оно, несмотря на свои кажущуюся новизну, по существу является началом возвращения нашей внешней политики домой, в область, указываемую ей и русской природой, и русской историей. С традициями, которые потеряли жизненные корни, необходимо рвать смело, не останавливаясь ни перед чем. Но традиции, которые держатся сильными, здоровыми корнями, следует поддерживать. К таким живым традициям относится вековое стремление русского племени и русского государства к Черному морю и омываемым им областям...

Из такого понимания проблемы русского могущества вытекают важные выводы, имеющие огромное значение для освещения некоторых основных вопросов текущей русской политики. Это относится как к вопросам внутреннеполитическим, в том числе так называемым «национальным», а в сущности «племенным», так и к вопросам внешнеполитическим с вытекающими из них проблемами военно-морскими. Вся область

этих вопросов освещается совершенно новым светом, если ее рассматривать под углом зрения Великой России. Этот угол зрения позволяет видеть лучше и дальше, чем обычные позиции враждующих направлений и партий.

Сперва — о политике общества, а потом о политике власти.

Политика общества определяется тем духом, который общество вносит в свое отношение к государству. В другом месте я покажу, как в связи с разными влияниями в русском обществе развивался и разливался враждебный государству дух. Дело тут вовсе не в революции и «революционности» в полицейском смысле. Может быть революция во имя государства и в его духе; таким революционером-государственником был Оливер Кромвель, самый мощный творец английского государственного могущества. Враждебный государству дух сказывается в непонимании того, что государство есть «организм», который во имя культуры подчиняет народную жизнь началу дисциплины, основному условию государственной мощи. Дух государственной дисциплины был чужд русской революции. Как носители власти до сих пор смешивают у нас себя с государством, — так большинство тех, кто боролся и борется с ними, смешивали и смешивают государство с носителями власти. С двух сторон, из двух, по-видимому, противоположных исходных точек пришли к одному и тому же противогосударственному выводу...

Политика общества и должна начать с того, чтобы на всех пунктах национальной жизни противогосударственному духу, не признающему государственной мощи и с нею не считающемуся, и противокультурному духу, отрицающему дисциплину труда, противопоставить новое политическое и культурное сознание. Идеал государственной мощи и идея дисциплины народного труда — вместе с идеей права и прав — должны образовать железный инвентарь этого нового политического и культурного сознания русского человека.

Характеризуемая таким образом правильная политика общества есть проблема не тактическая, а идейная и воспитательная, на чем я уже настаивал в своей статье «Тактика или идеи?». Великая Россия для своего создания требует от всего народа, и прежде всего от его образованных классов, признания идеала государственной мощи и начала дисциплины труда. Ибо созидать Великую Россию — значит созидать государственное могущество на основе мощи хозяйственной.

Политика власти начертана ясно идеалом Великой России. То состояние, в котором находится в настоящее время Россия, есть — приходится это признать с величайшей горечью — состояние открытой вражды между властью и наиболее культурными элементами общества. До событий революции власть могла ссылаться — хотя и фактивно — на сочувствие к ней молчаливика-народа. После всего, что произошло, после Первой и Второй Думы, подобная ссылка невозможна. Разрыв власти с наиболее культурными элементами

общества есть в то же время разрыв с народом. Такое положение вещей в стране глубоко ненормально; в сущности, оно есть тот червь, который всего сильнее подтачивает нашу государственную мощь. Неудивительно, что политика, которая упорно закрывает глаза на эту основную язву нашей государственности, вынуждена давать лозунг: «Будем вести себя смиренно». Государство, которое разъедаемо такой болезнью, может сказать еще больше: «Будем умирать». Но государство сильного, растущего, хотя бы больного народа не может умереть. Оно должно долго жить.

Положение осложняется еще разноплеменностью населения, составляющего наше государство. С одной стороны, если бы население России было одноплеменным, чисто русским, существование власти, находящейся в открытом разрыве с народом, вряд ли было бы возможно. С другой стороны, наших «инородцев» принято упрекать в том, что они заводчики революции. Объективно психологически следует признать, наоборот, что вся наша реакция держится на существовании в России «инородцев» и им питается. «Инородцы» — последний психологический ресурс реакции...

Великой России на настоящем уровне нашего экономического развития необходимы сильная армия и такой флот, который давал бы нам возможность десанта на любом пункте Черного моря и в то же время абсолютно обеспечивал бы нас от вражеского десанта в этой области. Другими словами, мы должны быть господами на Черном море. Совершенно ясно, что это осуществимо только при том условии, если мы из числа крупных морских держав будем иметь своим противником там в худшем случае одну Германию, против которой у нас будет всегда «покрытие» в лице Англии и Франции. Против Англии мы и там бороться никогда не сможем. Но ведь вообще реальная политика утверждения русского могущества на Черном море неразрывно связана с прочным англо-русским соглашением, которое для нас не менее важно, чем франко-русский союз. Вообще, это соглашение и этот союз безусловно необходимые внешние гарантии создания Великой России.

Внутреннее содержание этой проблемы может быть дано только сочетанием правильной внешней политики с разумным разрешением наших внутренних вопросов.

Интеллигенция страны должна пропитаться тем духом государственности, без господства которого в образованном классе не может быть мощного и свободного государства.

«Правящие круги» должны понять, что если из великих потрясений должна выйти Великая Россия, то для этого нужен свободный, творческий подвиг всего народа. В народе, пришедшем в движение, в народе, конституция которого родилась вовсе не из навеянного извне радикализма, а из потрясенного тяжкими государственными уронами патриотического духа, — в этом народе нельзя уже ничего достигнуть простым приказом власти. Из

скорбного исторического опыта последних лет народ наш вынес понимание того, что государство есть личность «соборная» и стоит выше всякой личной воли. Это огромное неопределимое и неистребимое приобретение и оправдание пережитых нами «великих потрясений».

Теперь задача истинных сторонников государственности заключается в том, чтобы понять и расценить все условия, создающие мощь государства. Только государство и его мощь могут быть для настоящих патриотов истинной путеводной звездой. Остальное — «блуждающие огни».

Государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи. Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически срастись.

В новейшей европейской истории есть замечательный и поучительный пример такого сращения...

У Бисмарка, когда он ковал германскую империю, вовсе не было готового, до подробностей выработанного плана. Творец событий, он в то же время был влечом ими. Но он по крайней мере в каждый данный момент выполнял свою волю и осуществлял дорогую ему идею. О Вильгельме I нельзя сказать даже этого. Прусский король, если бы дела совершались по его воле, никогда не был бы германским императором. Но он должен был стать им. Самая незаметная и в то же время самая трудная и почетная борьба, которую вел Бисмарк во имя государства, велась им не против оппозиции парламента, не против внешнего врага и его дипломатии, а против главы государства. И он, а с ним вместе германская государственность оказались победителями в этой борьбе.

Такова сила национальной идеи, нашедшей себе орудие в государстве, которое стремится увеличить свою мощь. Или, наоборот, такова сила государства, поставившего себе на службу национальную идею. Это — две силы, которые, для того чтобы перевернуть судьбы народов, должны найти одна другую и действовать в полном союзе.

Часто смотрят на эти события с «отвлеченной» точки зрения. Революционеры видят в объединении Германии не торжество национальной идеи, а лишь возвышение консервативной прусской державы — так понимали события многие старые немецкие радикалы 40-х годов; так оценивают их до сих пор некоторые социал-демократы. Легитимисты видят в этом объединении, поглотившем несколько легитимных тронов и в современной Германии утопившем патриархально-консервативную Пруссию с ее старыми государственными традициями, не столько торжество государственности, сколько победу странного, противоречивого союза военно-монархической мощи с революционной идеей —

так смотрели на события не только ганноверские легитимисты; так чувствовали и представители старого прусского духа вроде генерала Роона и даже самого Вильгельма I.

Первые заблуждаются в том, что не видят связи национальной идеи с государственной мощью. Вторые фантазируют о возможности поставить государственной мощи, окрыленной национальной идеей, «легитимные» и «традиционные» границы.

Государство должно быть революционно, когда и поскольку «того требует его могущество. Государство не может быть революционно, когда и поскольку это подрывает его могущество.

Это «закон», который властвует одинаково и над династиями, и над демократиями. Он низвергает монархов и правительства; и он же убивает революции.

Понять это — значит понять государство в его истинном существе, заглянуть ему в лицо, которое, как лик Петра Великого, по слову величайшего русского поэта, «прекрасно» и «ужасно».

Только если русский народ будет охвачен духом истинной государственности и будет отстаивать ее смело в борьбе со всеми ее противниками, где бы они ни укрывались, — только тогда, на основе живых традиций прошлого и драгоценных приобретений живущих и грядущих поколений, будет создана Великая Россия.

3. Война и народное хозяйство

Вопрос о соотношении между экономическим строем страны и ее военными «возможностями» представляет значительные трудности. Эти трудности всегда возникают, когда какое-нибудь явление есть порождение сложных и многообразных причин. Боевая готовность, в момент военного столкновения превращающаяся в превосходство над противником на театре войны, слагается из целого ряда условий, связь между которыми если и не отсутствует, то, во всяком случае, не может не быть признана весьма отдаленной. Лишь достаточно тонкий и острый анализ всех условий может тут привести к выводам, выдерживающим критическую проверку. И все-таки такие выводы в применении к конкретным отношениям — к определенной стране в определенный промежуток времени — будут носить всегда условный характер.

Правда, трудности вопроса чрезвычайно велики. Прежде всего, война есть явление, хотя и связанное с экономикой, имеющее, если угодно, свою экономику, но несводимое просто и начисто к хозяйственным моментам. Далее, дело обстоит бы довольно просто, если бы значение экономического фактора можно было даже мысленно изолировать от

моментов чисто милитарных. Но, например, развитие техники путей сообщений есть факт экономический, а между тем оно, очевидно, имеет и первостепенное милитарное значение. развитие техники вообще, в известной мере определяя собой экономический строй государства, в то же время имеет значение и для его военной силы. Это вытекает просто из того, что общий технический уровень страны в общем и целом определяет ее уровень милитарно-технический. Но в военном деле огромное значение имеют духовные силы, и притом такие, которых значение в хозяйственной жизни даже сомнительно. Так, если в хозяйстве существенна и необходима предприимчивость, способность к риску, то все те же свойства в военном деле носят, если можно так выразиться, совсем другой облик, чем в хозяйственной деятельности. Нельзя поэтому сказать просто и прямо, что человеческий тип, наиболее приспособленный к наилучшему хозяйствованию, есть в то же время и тип наилучшего воина.

Тем не менее я решусь сказать, что между военным могуществом и военной дееспособностью страны, с одной стороны, и ее экономическим положением, с другой, существует все-таки некоторая простая и прозрачная связь. Эту связь можно формулировать в положении: чем выше экономическое развитие страны, тем — при прочих равных условиях — выше ее боевая готовность и тем значительнее та сила, которую данная страна может развить в военном столкновении. Показателем же экономического развития мы считаем не «народное благосостояние», понятие туманное, в весьма значительной степени зависящее от субъективных мерил, а «национальное богатство», т.е. величину национального капитала и национального дохода, величину, которую на практике трудно подсчитать, но которая принципиально весьма легко измерима — в деньгах.

Как ни кажется само собой ясным и почти тривиальным выставленное нами положение, есть целые построения, которые его отрицают. Часто утверждалось и до сих пор утверждается, что развитие и усложнение хозяйственной жизни, выражающееся в капиталистическом преобразовании общества, ослабляет военную силу страны тем, что делает ее хозяйственный организм особенно чувствительным ко всякого рода потрясениям. При натурально-хозяйственной организации общества, при слабом накоплении капиталов экономика страны, так сказать, менее ощущает те удары и толчки, которые испытывают хозяйственные отношения, когда страна от мира переходит к войне. Отсюда делались и делаются выводы относительно того, какова окажется в случае войны степень выносливости или сила сопротивления того или другого государственного целого...

Характер страны — с точки зрения производства пищевых средств для ведения войны в современных условиях не только решающего, но и вообще никакого значения иметь не может, тем более что насколько страны, имеющие избыток хлеба, могут выигрывать в случае

обусловленного войной кризиса как потребители, настолько они проигрывают как производители, для которых сужается рынок сбыта. Все рассуждения на эту тему, например, о выгодном положении России как воюющей державы, прямо-таки вводят в заблуждение. Вообще же, следует заметить, что влияние войны на народное хозяйство, влияние, размеры, характер и формы которого в каждом конкретном случае весьма трудно поддаются предварительному учету, в новейшее время скорее преувеличивается, чем уменьшается. Между тем влияние войны на народное хозяйство гораздо меньше, чем влияние того или иного положения народного хозяйства на войну, точнее на те ресурсы (военные и финансовые), с которыми государство вступает в войну, и тем самым на шансы войны. Характерно, что в то время как весьма осведомленные и осторожные экономисты не склонны на основании опыта и общих соображений придавать хозяйственным потрясениям, вызываемым войной, чрезмерного значения, дилетанты пацифизма вроде покойного русско-польского еврей-банкира Ивана Блюха создают чисто фантастические картины ужасных экономических бедствий, которые будут неизбежно связаны с войной, и, к сожалению, в этих фантазмагориях встречают иногда поддержку и со стороны военных писателей. Однако не только с точки зрения здравого понимания военного дела, но даже и с точки зрения продуманного пацифизма подобные преувеличения нежелательны и прямо опасны, ибо после вздорных преувеличений станут меньше верить и серьезным указаниям на возможные экономические опасности войны. Повторится известная басня о пастухе и волке.

Военные успехи связаны со множеством факторов неэкономического свойства — этого не может не подчеркивать именно экономист. Но при прочих равных условиях неэкономического свойства или стоящих в косвенной связи с «экономикой» (техническое оборудование армии, т.е. качество вооружения в широком смысле, качество «солдата», подготовка руководителей, «дух» армии, цельность национально-морального сознания всего народа) практически важным для войны экономическим моментом является только богатство страны, т.е. степень накопления в ней капитала в вещной и денежной форме.

Чем богаче капиталом страна, тем при прочих равных условиях она может больше затрачивать средств на свою боевую готовность и тем выше — уже в силу этого — будет такая готовность.

Если армия данного государства побеждает, экономическое и тем самым финансовое превосходство над противником ведет к сокращению продолжительности войны.

Если военные действия богатой страны не увенчиваются успехом, она имеет все-таки возможность затянуть войну и, восстановив свои ослабленные силы, быть может, изменить ход войны в свою пользу.

Если такая страна окончательно терпит поражение, — все-таки ее экономические и финансовые ресурсы могут делать ее позицию в вопросе о заключении мира относительно благоприятной, гораздо более благоприятной, чем если бы это положение определялось исключительно ходом дел на театре войны.

С развиваемой нами точки зрения любопытно хотя бы вкратце рассмотреть несколько конкретных примеров.

Не случайно вовсе, а стоит, наоборот, в теснейшей связи с экономической крепостью Англии то, что она в многолетней вооруженной борьбе с Наполеоном I восторжествовала над своим противником. Сколько раз Англию выставляли как ослабленное социальной рознью государство, ведущее искусственное существование, и пророчили ей упадок и крушение. Между тем из всех государств в XIX веке только одна капиталистическая Англия никогда не выходила побежденной из войны, и теперь Франция, борьба которой с Англией заполняет целые столетия новейшей истории, крепка именно солидарностью своих интересов с интересами еще более сильной Англии.

Война между Францией и соединенными германскими государствами в 1870–1871 гг. была в военном отношении бесповоротно решена в течение месяца, но в этом мировом событии с экономической точки зрения самое замечательное то, с какой легкостью богатая капиталами Франция залечила те раны, которые ей нанесла неудачная, в военном отношении чисто катастрофическая война. А между тем война 1870–1871 гг., стоившая Франции приблизительно 2 миллиарда франков издержек, обрушила на нее, кроме того, еще тяжесть пятимиллиардной контрибуции, нечто до того неслыханное в мировой истории. Уже к концу 70-х гг. эти раны были залечены, а в 80-х гг. было уже создано то колониальное могущество Франции, все значение которого для мировой политики обнаружилось только теперь в развернувшемся на наших глазах франко-германским конфликте по поводу Марокко. Если бы Германия в экономическом отношении после 1870 г. не развивалась быстрее Франции и не опередила ее именно в развитии своих производительных сил, — конечно, «реванш» давно стал бы совершившимся фактом. Только совершенно исключительный экономический подъем Германии, ее поразительный капиталистический расцвет после окончательного политического объединения снял с исторической очереди самый вопрос о реванше за разгром 1870 г. На основе этого капиталистического расцвета Германии создалось то положение, осмысливая которое один немецкий экономист высказался, что теперь для немецкого народа стало жизненным вопросом «большую, чем прежде, часть своей материальной силы превращать в боевую мощь» (А. фон Венкштерн).

Если мы обратимся к России, то увидим, как по мере экономического развития тяжесть войны все легче и легче несет народным и государственным хозяйством. Не надо

забывать, что война есть испытание государственного хозяйства, а силы последнего всецело определяются состоянием хозяйства народного. Крымско-кавказская кампания 1854–1856 гг. на десятилетия дезорганизовала наше государственное хозяйство, с конца 50-х гг. к тому же разом вдвинутое в совершенно новые условия, экономические и политические. Это, помимо ошибок финансового управления, которым мы не можем приписывать решающего значения, следует отнести прежде всего на счет того, что самое народное хозяйство было на низкой ступени развития и страна была бедна и абсолютно, и относительно (в сравнении с другими, более развитыми странами). Разрушительное действие Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было уже гораздо менее длительным. Японская война 1904–1905 гг. застала уже русское государственное хозяйство готовым к такой войне. Но эта финансовая готовность к войне окраинной или с значительно более слабым противником была плодом всего предшествующего экономического развития России. И ею определился самый результат войны — заключение мира без уплаты контрибуции. Экономически и финансово гораздо более слабая Япония не могла продолжать войны, а для России после уничтожения флота и падения Порт-Артура война стала беспредметной, потеряла всякий смысл. Ибо как ни слаба была Япония, Россия не была достаточно сильна для того, чтобы в самом процессе войны восстановить флот и отвоевать Порт-Артур.

Самая трудность войны между великими державами, вернее, между комбинациями великих держав в настоящее время определяется не только равенством их военных сил, в поддержании которого, как это ни звучит парадоксально, заключается пацифистская миссия современного милитаризма. Эта трудность определяется и равенством их экономических сил и финансовых возможностей. Без сильнейших мотивов, повелительно действующих, равновесие мира между великими державами не может быть нарушено именно потому, что тут противостоят равные не только военные, но в экономические и финансовые силы. Раз война не может быть решена одним или немногими ударами и должна оказаться длительным противоборством сил — экономический и финансовый момент получают особое значение.

Многие (и в том числе военные авторитеты) предполагают, что и европейские войны между сильными противниками будут отличаться длительностью. Я лично думаю, что это предположение менее вероятно, чем противоположное. Но методологически полезно при оценке значения экономики и финансов для войны исходить именно из предположения о затяжном характере будущих больших войн.

Как легко возникают войны между неравносильными (в экономическом и военном отношении) противниками, показывают примеры американо-испанской и, еще более разительно, итальяно-турецкой войны.

Войны франко-германская и Русско-японская для тех, кто сознательно шел к войне и готовился к ней (т.е. для правительства Пруссии и правительства Японии), заключали все-таки огромный элемент риска. Эти войны интересны тем, что и тут и там одержала верх экономически слабейшая сторона. Но и в том и другом случае относительная экономическая слабость компенсировалась значительным превосходством военной и политической организации. А достигнутые в процессе войны военные успехи всегда получают экономическую (=финансовую) оценку: они так или иначе учитываются денежным рынком.

Следует сказать прямо: слабость России при сопоставлении ее с нашими реально возможными противниками, с Германией и Австрией, заключается в недостаточной экономической мощи России, в ее хозяйственной неразвитости и вытекающей отсюда финансовой зависимости от других стран. В современных условиях военного столкновения все мнимые преимущества русского натурального или полунатурального хозяйства обратятся в источники нашей военной слабости. Россия сильна как военная держава абсолютной численностью своего населения и соответствующими этой численности абсолютно громадными финансовыми ресурсами. Но если бы этим абсолютным размерам народного и государственного организма отвечала другая экономическая структура, например структура Соединенных Штатов с их развитием промышленности и накопления капиталов или структура Франции, — военное могущество России было бы во много раз больше. С точки зрения военной готовности России нет более настоятельной общей задачи, чем укрепление ее экономического состояния или, иначе, чем политика, направленная на накопление капиталов в стране. Ибо нельзя достаточно подчеркнуть, что слабое место России в сравнении с ее противниками заключается в ее экономической слабости, которая может быть преодолена лишь упорной и многолетней работой над поднятием страны на высшую экономическую ступень. Нет теоретически более превратной и практически более опасной мысли, чем мысль, что в экономической отсталости России могут заключаться какие-либо преимущества в военном отношении.

Вернемся опять к примеру Русско-японской войны. В нашем обществе и в нашей военной среде недостаточно распространено сознание того, какое положительное значение в этой войне при всем ее неудачном исходе имело все-таки экономическое и финансовое превосходство России над Японией. В этой войне наши военные силы не выдержали испытания — морская война закончилась даже одной из самых ужасных в истории катастроф, нанеших незаживимую рану национальному сознанию. Но наши финансовые силы эта война застала в полной готовности, и они превосходно выдержали трудное испытание.

Однако японская война не указ той европейской войне, в которую так или иначе может быть вовлечена Россия. Европейская война стоила бы нам, без всяких преувеличений, в соответствующий промежуток времени раза в 4–5 дороже японской. Еще важнее, быть может, то, что в этой войне мы должны были бы неизбежно опираться в финансовом отношении на свои наличные хозяйственные силы: внешний кредит был бы для нас отрезан или почти отрезан. Тут сказалась бы неизбежно наша экономическая слабость сравнительно с объединенными Германией–Австрией. Следует этому положению вещей смотреть прямо в лицо. Если немецкие финансисты–практики имеют, к своему счастью, основание утверждать, что войну, которая продолжалась бы год и стоила бы 7 миллиардов марок, Германия может вести, не прибегая ни к приостановке размена, ни к принудительным займам, то о России, на наше несчастье, мы этого сказать не можем. До тех пор, пока мы не будем экономически настолько крепки, чтобы иметь возможности вести по крайней мере в течение года войну, не прибегая к разрушительным и незаконным средствам, т.е. пока наш внутренний денежный рынок не будет способен нормально удовлетворить финансовую потребность государства, втрое или вчетверо превышающую ту кредитную потребность, которую обнаружила Россия по случаю столкновения с Японией, — до тех пор наши шансы в вооруженном столкновении с той европейской коалицией, которая реально противостоит нам, будут значительно слабее шансов наших противников.

Такова экономическая проблема «Великой России». Способы ее разрешения многообразны; самое разрешение этой проблемы может быть лишь результатом параллельного и дружного действия частной инициативы и государственной политики. Но тот дух, которым нация должна проникнуться для того, чтобы в области хозяйственной создать «Великую Россию», ясен. Это — дух национального европеизма, дух творческого, уверенного в себе национального строительства на общечеловеческих началах. Такое строительство будет созидать здание «Великой России», освобождая Россию от черных пятен зараженного прошлого и дисциплинируя свободных людей. Старое русское Imperium создалось «крепостными» средствами; новое может быть построено только свободными людьми на освобожденной почве, в здоровом состязании всех живых сил, переросших опеку вне общества и народа стоящей власти.

1907–1911, 1914 гг.

(Струве П. Патриотика. СПб., 1911. С. 78–106; 278–303; Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 176–180; Экономическая проблема «Великой России» // Великая Россия: Сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн. 2. М., 1912. С. 145–154)

ЧТО НУЖНО РОССИИ?

Три решения

I

Никогда на памяти живых людей вопросы общественной этики не становились перед нами с такой силой и яркостью, с какой они стали ныне, во времена смуты и анархии. В эпоху, когда государственная машина совершенно расстроилась, когда отдельные ее части стали действовать независимо, когда кругом крупные и мелкие агенты власти открыто и на глазах всего мира творят величайшие преступления — убийства, грабежи, поджоги и насилия, когда восстанавливается пытка — в эту эпоху анархии перед каждым отдельным гражданином вопросы общественного долга и общественной нравственности встают во всем своем величии, настойчиво и властно требуют ясного ответа, требуют действий. Никто не в силах и не может спокойно и холодно закрыть глаза, пройти мимо. Всякий чувствует себя частью целого. Не холодным рассудком и не привычкой подражания создается и поддерживается в эту эпоху гражданское чувство общности. Оно охватывает человека на всяком шагу, оно рождается в крови, в пожарах и страданиях, оно подымается в народном движении.

Перед общим благом и общим будущим отступают и бледнеют мелкие вопросы личной, будничной жизни. Сотни тысяч, миллионы людей с мучением и тоской ищут выхода, живут жизнью целого. В эту грозную и великую минуту вопросы общественной этики требуют от всех определенного, быстрого, ясного решения.

Нередко неуловимое, глубокое и великое коллективное создание вековой жизни человечества, — общественная этика только в такие минуты не требует обоснования, не требует рассудочных доказательств и построений. Только в такие эпохи бесспорно и безусловно признается всеми существование норм и принципов для всех одинаковой, обязательной общественной этики. Верховною властью охватывает она все проявления человеческой жизни, и не страшны ей отрицания и возражения. Они уходят в глубокие тайники человеческой души, они вернутся, когда пройдет исторический подъем народной жизни. Нормы общественной этики охватили теперь всех, она живет кругом нас со своими велениями.

В разные эпохи исторической жизни ее веления выражаются разное, она сама получает неодинаковые названия, облекается в различные формы. И даже теперь для отдельных людей — для разных темпераментов, характеров, умственных укладов — одно и то же гражданское

чувство получает иное название и выражение. Для одних оно является в форме гражданского или государственного патриотизма. Для других оно истекает из альтруистической идеи общего блага, обстоятельств, вызванных любовью к ближнему, любовью к человечеству, к обездоленным, страдающим и униженным, к Великому Целому — к Богу. Оно коренится для других в понятиях права и справедливости, неразрывно связано с ростом и углублением единичного сознания свободной, мыслящей личности, и в таком случае, в конце концов, исходит из самых глубоких основ всего их умственного существования. Но у всех мыслящих человеческих личностей на основе ли сознательной практической деятельности, религиозного чувства и настроения, философского созерцания или научного мышления в разных оболочках и в разных проявлениях — поднялось и доминирует одно и то же живое чувство и сознание гражданской обязанности, общественного долга, обязательности общественного служения. Все ясно сознают существование в жизни обязательных норм социального поведения. Все сознают нравственное право и признают гражданской обязанностью требовать исполнения этих норм не только от себя самих или от своих единомышленников, но и от всех и каждого, каких бы взглядов они ни держались, какую бы веру они ни исповедовали.

Еще недавно такая мерка поведения личности могла считаться донкихотством, противоречила практической морали здравого смысла. Теперь она вошла в оценку отдельных конкретных случаев, регулирует личное поведение. Теперь переоценивается и шатается давно уже установившаяся рутинная привычка поведения, созданная здравым смыслом русского человека, выработанная мелкой и серой русской обыденностью.

Что делать? Как быть? Как найти применение поднявшемуся чувству гражданственности? Как вывести страну из тяжелого кризиса? Что делать для этого отдельной личности? Вот те вопросы, ответа на которые жизнь требует на каждом шагу, забыть которые она никому не дает, от решения которых она никого не освобождает.

И для всех один вопрос стоит с мучительной остротой, ибо он должен быть решен, но не может быть решен с точки зрения привычной нам личной этики, — что делать отдельной личности для того, чтобы вывести страну из тяжелого кризиса, из бедствия? Именно он — этот проклятый вопрос — настойчиво и страстно выдвигает в жизни нормы общественной этики.

Тот или иной ответ на него всецело зависит от практических политических идеалов. Когда наступит прекращение кризиса? Когда жизнь страны и народа войдет в нормальное русло? Когда кругом нас улягутся страсти, возьмет верх обыденная жизнь, огромное большинство населения вернется к текущим жизненным заботам? Когда творческая работа русского общества пойдет вперед без скачков и перерывов?

II

Для одних выход из кризиса заключается в идеализации прошлого. Страна вернется к спокойствию, жизнь пойдет нормальным развитием, когда уляжется революционная буря, когда нарушенная ею прежняя государственная жизнь восстановится, в общем, во всей целостности и неизменности или с некоторыми поправками. Прежние цели и задачи государственного бытия должны сохранить свое неизменное значение: внешнее могущество, сильная армия и сильный флот, рост государственной территории, рост средств, находящихся в руках правительства. Дальнейшее территориальное расширение и неуклонное претворение в единое целое захваченных племен и народов должны давать работу государственной машине. Государство, отождествляемое с правительством, должно быть признано тем благом, которому приносится все в жертву, перед которым стираются интересы отдельных личностей, исчезает личная инициатива. Вековая работа создания сильного единообразного государственного целого должна и впредь неуклонно идти по тому же самому пути, по которому так долго совершалось развитие Российской империи. Перед этой целью все остальные интересы, как бы жизненны они ни казались отдельным лицам или группам населения, имеют значение лишь побочных, вторичных государственных задач; они могут иметь значение лишь постольку, поскольку они не мешают выполнению основной цели государственного бытия. Интересы народа и человеческой личности растворяются в интересах государства и правительства. Сами по себе они не имеют значения с точки зрения общественной этики. Для возвращения страны в ее нормальное русло должны быть направлены все силы, употреблены все испытанные орудия государственного строительства, хотя бы они были связаны с народным мучением. Благо государства — великая идея целого — должна дать им оправдание, вызвать и определить народное терпение. В эпоху кризиса эти орудия должны быть усилены, каждый мыслящий гражданин должен им содействовать всеми мерами. Эти старые испытанные силы: силы войска, полиции, цензуры, бюрократии, силы государственной церкви. Рамки для деятельности сторонников старого режима готовы: надо войти в них, идти по указанным путям, и нет для них нерешенного вопроса, как быть, как выйти стране из тяжелого кризиса. Есть лишь один вопрос, будящий у них гражданское чувство. Достаточны ли эти средства в их обычном развитии? Могут ли они побороть народное волнение, грозящее разрушить вековые устои общественной, государственной деятельности? И если они недостаточны и не в силах побороть поднявшееся волнение, то что же делать людям, идеалы которых тесно связаны с развитием и продолжением прошлого, старого строя русского государства? Путь их ясен и требует только дерзания. В эпоху

кризиса *salus republica, suprema lex*. Все средства дозволены, когда надо спасти погибающее великое целое. Нужна лишь последовательность в проведении мер, неуклонность и решительность. Наряду со старой организацией бюрократического государства должна в помощь ей стать подвижная патриотическая организация граждан, защитников старого.

И мы видим, как неуклонно и фатально идет развитие в этом направлении. Расходы на полицию и на войска для подавления внутреннего брожения растут с колоссальной быстротой и совершенно не соотносятся ни с какими финансовыми расчетами. Создаются черные сотни. Они проводят проскрипции, убийства, грабежи своих политических противников и их семей. Власть вступила на путь террора, и количество жертв, павших в эти последние месяцы, во много превысило печальную работу до сих пор памятных революционных трибуналов Франции конца XVIII столетия. Мы пережили и переживаем казни более жестокие или по крайней мере равные тем, какие пережиты были современниками Террора. Расстрелы и убийства, совершенные Мином, Риманом, Ренненкампом, Орловым, Меллер-Закомельским и др. героями Остзейского края, Закавказья, Сибири, Москвы, Тамбовской губ., ежедневно происходящие в разных углах нашего отечества, соперничают с самыми кровавыми подвигами революционных фанатиков и убийц далекого прошлого, пережитого французской нацией. И если в этом отношении можно еще пока сравнивать работу современных защитников старого режима, с трудами якобинских террористов, то в области политической полиции они не имеют соперников. Массовые и тысячные аресты и проскрипции, уже совершенные министерством Витте–Дурново и его помощниками, единственны в мировой истории последних ста, полутора столетий. Едва ли где произвол достигал таких размеров, считал столько жертв, вызывал столько подавленного негодования и будил столько стремления к отмщению, как это он делает теперь в России на наших глазах. Мы переживаем в XX столетия явление более страшное а ужасное, чем деятельность французских террористов XVIII века или неаполитанских Бурбонов XIX столетия. И если все же эти удары падают бессильно, не достигают цели, то только потому, что великое народное движение, какое охватило всю Россию и захватило и нас, сильнее их и во много раз могущественнее. Оно явно не может быть остановлено такими примитивными, хотя бы жестокими и ужасными средствами.

Идеологи прошлого — если они хотят его возвращения — не могут действовать иначе. Террор и все ужасы, его сопровождающие, для них неизбежны, логически правильны, Для них одна надежда, надежда на то, что они раздавят движение и затем на чистой обновленной почве будут строить дальнейшее созидание государственного могущества. Могут ли они это сделать? — вот вопрос. Не подорвут ли они в случае успеха все живые силы страны?

К этим мрачным фанатичным сторонникам старого примыкают все те, материальные интересы которых связаны со старым или кажутся им с ним связанными. Они цепляются за шатающиеся формы отживающего режима, поддерживая их своим пассивным содействием. На них, так же как на идейных сторонников старого, должны лечь все последствия жестокого, но неизбежного террора, и неизвестно, не дрогнет ли их сочувствие, долго ли они будут в состоянии основывать свое благополучие на крови, страданиях а насилии?

III

Другая группа лиц ищет практических политических указаний в тех или иных формах мыслимого будущего. Она считает неизбежным для спасения страны и для достижения умиротворения полную реконструкцию общественных отношений. Чем полнее и глубже будет произведена эта перестройка, чем быстрее она совершится, тем больше счастья будет внесено в человеческую жизнь, тем сильнее уменьшатся страдания народных масс. Народные массы впервые за многие столетия почувствовали в себе человека; крайние левые партии открыли перед ними заманчивые картины лучшего мыслимого будущего, они забросили в их среду веру в достижимость справедливого распределения материальных и умственных благ, в возможность полного его осуществления в немногие годы или месяцы. Народные массы заволновались, народная мысль пришла в брожение, и на историческую сцену русского государства выступил народ, как в давние времена государственного строительства. И с неслыханной силой выдвинулись вперед его интересы, его тяготы, его желания — перед ними дрогнула и поблекла громада старого государственного идеала.

Нигде в цивилизованном мире нет таких ужасных, нечеловеческих условий существования, какие царят в России, в каких живет большинство русских граждан. В сложной конструкции русской общественной жизни соединились вместе все самые тяжелые стороны как современного капиталистического строя, так и старинного государственного устройства, где народные массы несут лишь служилое тягло, где они являются рабской безличной основой государственного благополучия. На русский народ выпала фатальным ходом истории доля двойной тяготы: бесправие, полная подчиненность государству, самые элементарные нарушения прав личности, отнятие в пользу государства, на чуждые цели внешнего могущества главной части народного труда — соединились с захватом в пользу меньшинства источников народного богатства, с эксплуатацией его труда, тесно связанной с основными условиями современного строя. В тяжелую минуту кризиса надо было сбрасывать двойные цепи, и многим кажется и казалось, что в эту эпоху одним ударом можно снести основы старого строя и заменить их новыми, которые дали бы человеческое

существование порабощенным классам и слоям русского государства. Опыт государственной жизни более современных организаций человечества, вековая работа теоретиков и программы социалистических партий Запада дали готовые формулы, дали идеи и указания, применение которых кажется этим защитникам интересов народных масс легко и просто осуществимым.

Новый государственный идеал поставил задачей государственной политики благополучие массы населения, теперь обездоленной и приниженной, отдельных классов, ее составляющих. Для того чтобы провести этот идеал в жизнь, необходим, по мнению русских «социалистических» партий, захват власти и, как практически неизбежный переход к будущему идеальному строю, временная диктатура тех классов населения, в интересах которых должен быть перестроен государственный и общественный строй, диктатура пролетариата или крестьянства. Достигнуть этого, как всякой диктатуры, можно только силой, путем вооруженного восстания или террора. Введение элементов насилия с этой точки зрения неизбежно. Ибо только тогда программа крайних групп русского общества получает практический смысл, перестает быть идеологическим созданием мечтателей. Жизнь требует в настоящее время действий, а не мечтания. В эпоху кризиса выступают вперед практические средства врачевания, а не теоретические диагнозы болезни. Вооруженное восстание и революционный террор выступили вперед; явились попытки их осуществления. Эти попытки столкнулись с военной и полицейской силой, созданной вековой государственной практикой, они столкнулись с жизненными интересами более зажиточных и интеллигентных слоев русского общества, не могущих идти навстречу диктатуре, т.е. порабощению, не желающих менять одного господина на другого. Они столкнулись с неподготовленностью народных масс, с малым распространением и пониманием среди них тех идей, которые должны были быть положены в основу нового строя. И наконец, они разбились об отсутствие государственной мысли, государственного творчества в среде носителей этих идей, ярко выразившемся, например, в отсутствии практически осуществимой и разработанной аграрной программы, основанной на выставленных этими группами русского общества теоретических принципах. Террор и вооруженное восстание кончились полным крушением. Настаивая на немедленном проведении сразу своих программ, фатально и неизбежно эти партии будут идти к повторению подобных попыток. Будут ли эти новые попытки удачны — вопрос. Не осуждены ли они на полную неудачу, ибо наличие условий, приведших к их неудаче, ни в чем не уменьшилась, и наоборот, она даже усилилась, так как нет той веры, которая сопровождала первые проявления движения? Не приведут ли они в конце концов к бесцельной гибели живых сил русского народа, к торжеству темных сил реакции? Не

работают ли они в конце концов pour le roi de Prusse, на пользу идеологов прошлого? Сложны обстоятельства жизни и трудно учесть будущее. Трудно представить себе, как долго будет слепо следовать значительная группа народных масс за вождями, выходящими из этих слоев русского общества, как долго она будет давать кадры для вооруженного восстания. Трудно учесть, как долго будут находиться фанатически настроенные отдельные личности или кружки, способные на самопожертвование для террора. Все зависит от хода истории, т.е. находится в области разнообразных возможностей. Все определится прежде всего тем, приобретут ли в русском народе и обществе силу и значение сторонники третьего ответа на великий вопрос, поставленный нам общественной этикой. Этот третий ответ дается людьми настоящего.

IV

Идеологи прошлого и мечтатели будущего не охватывают всего содержания, какое может вылиться в нормы общественной этики. Ни те ни другие не учитывают сложности жизни, заменяют ее схемами и построениями. Но глубоко тайники жизни, и тщетной утопией было бы искать одного ответа на ее запросы. Нельзя единообразно определить нормы отношения личности к совершающимся событиям; ответов на этот вопрос можно дать много; их должно быть несколько. Только при одновременном существовании и при борьбе различных ответов, даваемых разными политическими программами, выкуется в конце концов правильное решение. Каждая программа включает всегда большую или меньшую долю истины; лишь их борьба и состязание дадут жизненно правдивый ответ. Он неизбежно будет более сложен, чем простая схема или создание мысли отдельной личности или группы. Коллективная жизнь требует коллективного решения. Много позже правильный смысл событий, суд истории может быть уловлен ученым исследователем, но он всегда недоступен современникам.

Каждый человек должен искать ответа своего на запросы жизни. Он сам должен дать его, сам своим усилием ввести его в общую суммарную работу человечества. Долгие годы работа политической мысли политических граждан могла учитываться в русской истории крайне слабо, неполно и отрывочно, проходила без всяких практических результатов. Рамки полицейского военного государства давили личную инициативу, не давали спланироваться единомышленникам. Русская политическая мысль была далека от политической деятельности. Она привыкла не считаться со сложностью жизненных отношений, не проходила через горнило действительности. И если политическая мысль не замерла, а была

лишь изуродована — то политической деятельности в русском обществе не было вовсе. Русское общество привыкло к разброду, в лучшем случае — к кружковщине.

Все изменилось сразу и навсегда с началом государственного кризиса. Он призвал к действию тех русских людей, которые ненавидели прошлое, но не верили в жизненную правду фантазий и схем далекого будущего. Они хотели создавать настоящее, искать реальных выходов в государственной и общественной жизни современности. К ним пристали широкие слои безразличных групп русского народа и общества. Разно понимают они цели, задачи и средства ближайшего будущего. К разным идеалам хотят направлять государственную жизнь. Среди них есть индивидуалисты, социалисты, анархисты, сторонники буржуазного строя и его горячие противники, сторонники равенства и приверженцы классовых или прирожденных различий — вся бесконечная гамма оттенков, отвечающих сложной форме политической мысли данного времени. И все же у всех этих людей есть общее. Оно соединяет их в одну группу, несмотря на взаимное недоверие, вражду и ненависть. Это общее есть форма их деятельности. Она сводится к политической организации народа. В государственной жизни эта форма деятельности, какие бы цели она ни преследовала — получает исключительное значение, ибо она приводит этих разных далеких людей к одной коллективной работе. На большой вопрос общественной этики, что должен делать отдельный человек для того, чтобы помочь стране выйти из бедствия, чем он может помочь общей беде — у всех у них ответ один: он должен войти в политическую партию, он должен участвовать в ее работах, в ее деятельности.

В конечном результате совместной работы всех партий получается политическая организация народа, та сила, которая в конце концов совершенно реорганизует государство, придает ему новую форму, в которой задачи и цели государственной политики определяются волей организованного народа. Эта воля через посредство борьбы политических партий даст решение всем назревшим вопросам государственной жизни, выведет страну из тяжелого кризиса и анархии. И сделать это может она одна. Чем энергичнее будет организация партий, чем шире она охватит русскую жизнь — тем скорее и полнее прекратится анархия.

Таким образом, в настоящую великую и ответственную минуту народной жизни выяснились три ответа на вопрос об обязанностях и нормах поведения отдельного русского гражданина. Один ответ требует от него энергичного и безусловного подавления всего освободительного движения. Другой — налагает на него обязанность участия в вооруженной борьбе с правительственной машиной старого государства. Наконец, третий приводит к энергичной работе над политической организацией народа, к работе в политических партиях. Только этот третий ответ исключает возможность истощения народных сил, т.е.

государственную гибель, которая существует при победе как идеологов прошлого, так и мечтателей будущего.

Иных решений русская жизнь не дала и едва ли может дать. Как ни различны и ни противоположны эти решения, каждое из них с точки зрения общественной этики дает оправдание людям, пошедшим по указанным ими путям, по-своему каждый из них исполняет свой долг, каждый из них вносит сознательность в свое поведение, дает посильный ответ на выдвинутые жизнью вопросы.

Казалось бы, все русское общество — все его сознательные элементы — должны были бы быть захвачены в рамки этих трех различных норм общественного поведения, раз других типов не выработали. А между тем, близко присматриваясь к окружающему, мы видим существование в стране огромных слоев русского общества, которые остались в стороне от этих группировок, находятся между ними, колеблются в поисках верного пути. Как могут оправдать эти люди свое поведение с точки зрения общественной этики?

1906 г.

В. ВЕРНАДСКИЙ

Проблема демократизации государства

Едва ли можно спорить, что именно эта проблема представляет в настоящее время для России величайшую жизненную важность. Вся русская история неразрывно связала у нас дело свободы с демократическими идеями и демократическими настроениями; последним бессознательно служил даже многолетний деспотизм власти, который не давал сословным и классовым организациям принимать более выпуклые и яркие политические очертания. Дворянство, буржуазия — казались почти политическими фикциями при сопоставлении со всемогуществом бюрократии.

С другой стороны, все наши освободительные традиции носили неизменно демократический характер. Самый фанатический защитник всемогущества классовых интересов в истории не решится, вероятно, на них настаивать при объяснении «идеологии» декабристов. Вероятно, и вид крепостного права воспитал эту неизменную ассоциацию свободы и равенства. Классический либерализм старых вигов и Бенжамена Констан остался чужд России; известные аристократические элементы в учении Б.Н. Чичерина отнимали у него возможность того руководства русским общественным мнением, которое, казалось, принадлежало ему по праву. Более того — как это особенно наглядно проявляется в истории нашего народничества — на стремление к свободе без равенства смотрели как на известного рода измену народным интересам, и привилегированной свободе решительно

предпочитали равенство в бесправии. Вот почему теперь, когда на очередь поставлено переустройство государства, для нас демократический принцип стоит вне спора и он является нравственной нормой, но он же вытекает из строения у нас общественных сил; вот почему всеобщее право голоса не есть для нас подражание западной формуле, а выражение наших подлинных потребностей, и противоположные системы представительства сразу изобличают свой искусственный, доктринерский характер.

Итак, мы вступаем в новую жизнь под знаком демократии. Но что есть демократия? Над этим вопросом в настоящее время можно было бы, пожалуй, не задумываться, если бы он представлял лишь теоретический интерес. Но дело в том, что от того или другого ответа зависит целый ряд вполне конкретных последствий. И разве различным партиям и даже различным лицам в одной и той же партии не приходится выслушивать упреки, что их программы не стоят на почве последовательного демократизма? Разве, например, те, кто сомневаются в пользе немедленной ликвидации всего частного культурного землевладения, не получают укоры за недостаток «демократических чувств», хотя их сомнение основывается вовсе не на мысли о выгодах аграриев, а на интересах народного производства. Слишком легко это слово «демократизм» обращается в полемическое оружие, направленное не столько к опровержению противников, сколько к их вящему уничтожению. Итак, переходя к вопросу о государственной реформе, мы, естественно, должны спросить себя: в чем должна заключаться истинная демократизация государства?

Нам хотелось бы вовсе не затрагивать здесь споров о демократической республике как о форме, очевидно лежащей вне реальных возможностей. Но если и допустить на минуту подобное предположение, то ясно, что республика в России, противореча идеям и чувствам огромной массы русского народа, менее всего могла бы быть демократической в истинном смысле слова. Это была бы республика с характером диктатуры, и для сохранения государственного порядка ей, не облеченной никаким наследственным, историческим авторитетом, пришлось бы править, постоянно затрачивая огромную сумму принуждения и насилия. Эта республика неизбежно подготовила бы путь новой монархии, силе и весу которой пошла бы на пользу вся непопулярность, приобретенная республиканским правительством. Произошел бы, во всяком случае, опаснейший эксперимент для всей политической свободы нации.

В линии демократизации мы должны стремиться не к фантастическому и опасному призраку республики, а к действительному господству народного представительства — к демократическому парламентаризму. Установление в России прусского режима полной безответственности исполнительной власти, неизбежного, быть может, как переходная стадия, далеко не даст народному представительству достаточного влияния на всю глубину

национальной жизни. Наша бюрократия была долгое время слишком всемогуща, ее безответственность и самовластие, злоупотребление своей силой стали ее второй природой, и в то же время у нее совсем нет тех высоких достоинств, которые, несомненно, присущи прусскому правящему классу; и вести конституционные принципы не только в законодательство, но и в управление является именно в России задачей величайшей важности; ведь едва ли есть какое-нибудь более прочно укоренившееся чувство среди русских демократических масс, чем острая неприязнь к чиновничьему управлению. Вне установления действительной связи правительства и представительства, осуществляемой при парламентаризме, мы имели бы или постоянную, ожесточенную борьбу народных представителей с правительством, или бессилие первых исправить существеннейшие недостатки в ходе русской государственной жизни. Когда Б.Н. Чичерин писал свою «Россию накануне XX столетия», ему казалось, что о парламентаризме в России не может быть и речи. Такой пессимистический прогноз нам кажется вовсе недоказанным. Конечно, было бы наивно ожидать «парламентаризма» от нашей Думы, собранной при существующих условиях и при существующем избирательном законе, но ведь мы говорим об условиях правильного, постоянного представительства.

Важно только, чтобы с самого начала прогрессивным партиям было присуще сознание необходимости стремиться к парламентскому строю...

Итак, оговоримся: говорить об установлении парламентаризма не значит требовать его немедленно, не значит и закреплять в конституционном тексте то, что может являться лишь результатом конституционной практики. Попытки этого рода — как, например, требование, введенное в конституцию, брать министров лишь из среды парламента — или созданы в условиях, слишком отличных от наших (как в конституции австралийской федерации), или не имели особого практического значения (как в Болгарии). Несомненно, бывают случаи, когда весьма желательно ввести в ряды правительства лиц, не имевших успеха на выборах и вообще не входящих в парламент. Это особенно очевидно относительно таких специальных министерств, как военное, морское, даже министерство финансов. Парламентаризм должен служить директивой для руководителей политической жизни; творцам русской конституции следует лишь заботиться о том, чтобы удалить препятствия с его пути. Но если парламентарный характер управления является одним из существеннейших моментов в общей программе государственной демократизации, то возможность его тесно связана именно с характером самой демократизации. Если, как многие мыслят, эта демократизация сведется к созданию всемогущей единой палаты с централизованной властью, то обращение правительства в комитет подобного представительного собрания способно вызвать самые серьезные сомнения. В своей

интересной и характерной статье о демократизме и двух палатах П.Н. Милюков весьма строго судит сомневающихся. Предположения, из которых исходят последние, суть для П.Н. Милюкова «фантомы тирании народовластия, якобинской централизации», «книжные конструкции, которые кажутся невыносимым доктринерством для всякого, имеющего чутье русской действительности». Я думаю, что сомневающиеся смело могли бы вернуть назад упрек и в доктринерстве, и в недостатке чутья русской действительности. Ужели П.Н. Милюков может отрицать, что якобинские настроения и стремления, напротив того, весьма характерны для русской действительности? Да и могло ли быть иначе при столь многолетнем воспитании в духе полного бесправия, гнета и деспотизма при системе беспощадного и мертвящего централизма?

И если в момент борьбы это якобинство иногда оправдывается тактическими соображениями, иногда является даже необходимостью, как необходимо на театре войны военное положение, оно заключает в себе величайшие опасности не только для свободы, но и для самой демократии. Без морального самоограничения, без уважения к праву демократия осуждена на банкротство, быть может временное, но несомненно глубоко пагубное, и все ее ошибки будут использованы деспотизмом ее разрушителей и ее преемников.

Обыкновенно полагают, что всякие противовесы, введенные в систему политической демократии в виде второй палаты, верховного суда и т.п., суть тормозы и на пути удовлетворения социальных потребностей народа. Это несомненно так, если подобные учреждения основаны на антидемократических началах, например, когда рядом с нижней палатой, восходящей ко всеобщему избирательному праву, остается верхняя цензовая. Но не об этих очевидных для всех истинах идет речь, а о том, чтобы в пределах самой демократии создать равновесие ее различных элементов. В теории мы еще не освободились от понимания народного суверенитета, которое существовало в XVIII веке и основывалось на механическом представлении о природе общества. Теперь нас от этого представления отделяет вся социальная наука XIX века, от предпосылок его не осталось камня на камне, и нам уже не приходится мыслить народную волю и народный суверенитет как некую-то единую и нераздельную субстанцию; мы видим в обществе не единообразный покой, а сумму постоянно действующих живых энергий. Если практическим выводом из такого понимания общества является эволюционный демократизм социальной политики, то мы должны искать и наиболее приспособленного для него государственного устройства. Для прочных социальных реформ именно якобинство, основанное не на подлинном представительстве совокупных народных интересов и стремлений, оказывается мало подходящим. Декретами, хотя бы имеющими этикетку «воли народа», социальный быт не пересоздается. И, напротив, там, где государственный механизм рассчитан на обеспечение и

выражение всех этих главных интересов, там может быть осуществляема гораздо более смелая социальная политика без опасности реакции. Нужно только, чтобы при создании данных законодательных норм или при установлении данной системы управления не оставались непредставленными никакие более крупные интересы, из которых складывается «народный суверенитет», — и, говоря это, мы имеем в виду действительные общенародные интересы, а не классовые преимущества. И в интересах установления прочного парламентарно-демократического строя, в интересах предотвращения столь вероятной цезаристской реакции нам следует с великой осторожностью относиться к слишком упрощенным формулам, к слишком прямолинейно-логической последовательности. Такая чрезмерная упрощенность обычно не выдерживает испытания ни «чистого», ни «практического» разума. Вспомним, как самое демократическое учреждение, имеющее несомненно великую будущность, — референдум в настоящем наносит иногда тяжкие удары интересам демократии, отвергает назревшие социальные и культурные реформы. Политическое воспитание, может быть, научит нас обходиться без противовесов, оно создаст, так сказать, автоматическое признание чужого права и чужой свободы, автоматическую государственную мораль, и сообразно с этим ослабеет значение гарантий; но можно ли об этом говорить в настоящее время, когда все мы еще запечатлены проклятием приказного строя, все мы носим в себе его отраву?

Исходя из подобного представления о задачах демократизации государственного строя, мы получаем очертания конкретной политической программы. В центре ее стоит, конечно, властное народное представительство, основанное на всеобщем и прямом избирательном праве. Первым противовесом его власти должна явиться декларация прав человека и гражданина, возведенная в основной закон. Величайшую важность именно для России имеет возможно полная гарантия ее соблюдения, отсюда необходимость сильной и авторитетной судебной защиты. Для России все преимущества лежали бы на стороне английской системы; едва ли при наших бюрократических традициях можно создать удовлетворяющие требованиям правосудия органы административной юстиции. Напротив того, в интересах демократии особенно поднять авторитет и обеспечить независимость судебных органов, ввести в политическую жизнь сильно выраженный мотив легальности.

Как завершение этой системы охраны основных прав не только от произвола администрации, но и от случайных, преходящих настроений законодателя у нас было бы крайне ценным и политически мудрым создание верховного суда наподобие американского, могущего отказывать в применении неконституционным законам. Это, конечно, предполагает известное различие между порядком изменения основных и обычных законов; но едва ли можно серьезно рекомендовать для России конституцию столь же гибкую, как

английская, венгерская, итальянская: это значило бы рисковать слишком важными политическими ценностями. Очевидно, придется установить известный усложненный порядок для пересмотра конституции, и весь вопрос может идти лишь о степени усложнения.

Второй естественный противовес — это самая широкая местная и областная децентрализация, широкая компетенция органов самоуправления, пересозданных на основе всеобщего избирательного права. Нужно ли распространяться, какими опасностями угрожают для России централистические навыки и к чему приводят в этой области приемы аракчеевско-якобинской политики? Нужно ли вспоминать о жизненных интересах национальностей? Поэтому нельзя достаточно подчеркивать политическую важность земской и городской реформы. Если центральное демократическое представительство не будет поддержано в своей работе самым деятельным сотрудничеством органов местных интересов, оно окажется бессильным в разрешении самых жизненных вопросов, каковы аграрный и крестьянский; сама политическая свобода может пройти тогда, так сказать, над русской жизнью и не проникнуть в нее достаточно глубоко, чтобы сделаться национальным институтом, от которого возврата нет.

Отсюда вытекает и необходимость второй палаты, которая перед судом отвлеченно-демократических формул кажется для одних ненужным, для других прямо опасным придатком. Разногласие относительно одной или двух палат принадлежит к числу характернейших, так как, без сомнения, это разногласие касается не только техники осуществления одного и того же принципа, но и различного понимания самого принципа. Не станем повторять аргументов обеих сторон: они слишком хорошо известны — а данный спор будет возобновляться еще много раз по поводу различных сторон в программе обновления России. Для нас вторая палата, представляющая интересы демократической децентрализации, есть тоже символ будущего государственного пути, того более надежного и оправданного опытом Запада пути, идя по которому русская демократия не встретится с тяжкими разочарованиями и опасными потрясениями. Но рядом с доказательствами есть и обвинения, и они, пожалуй, играют большую роль в настроении русского общества. Обвиняют в недоверии ко всеобщему избирательному праву, в неискренности демократических чувств. Едва ли на такие обвинения возможно и даже следует отвечать. Вера во всеобщее избирательное право как самую жизненную и неотложную потребность России, вера, которая, к счастью, по-видимому, объединила все прогрессивные группы русского общества, эта вера не есть идолопоклонство; она не исключает предвидения неизбежных ошибок — но эти ошибки ее не поколеблют. Искренность же познается лишь на деле, и едва ли эти испытания на деле могут быть заменены самыми торжественными демократическими декларациями. И не в славословиях и коленопреклонениях выражаются

наши политические обязанности, а в том, чтобы всей нашей работой, постоянной борьбой с живучими и цепкими традициями бюрократической безответственности, со всякими сословными или классовыми вожделениями содействовать одному, а именно тому, чтобы русское государство стало государством русского народа. В этом и состоит смысл программы демократического парламентаризма.

1906 г.

С. КОТЛЯРЕВСКИЙ

Правовые устои новой жизни

«Свершилось великое. Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы».

Такими словами Манифест Временного правительства от 6 марта 1917 года возвестил рождение новой России. Она родилась, эта новая Россия, в единодушном порыве всенародного воодушевления, мгновенно и беспрекословно всеми признанная как высшее веление истории, как неумолимая Немезида прошлого, как светлое обетование будущего.

Раскрылась новая страница истории; русский народ призывается заполнить ее. И от того, что он на ней напишет, зависит судьба грядущего.

«Свершилось великое!» — это бесспорно. Сломан и разрушен старый строй, сковывавший тяжким гнетом живые силы народа, его свободное творчество. Сокрушены старые разграничения и различия, все объявлены свободными и равными в правах. Из самодержавной монархии Россия превратилась в свободнейшую демократию. Все, кто живет и дышит этим воздухом свободы, знают, какие бесконечные возможности для всех он открывает.

Но все же то, что совершилось, есть лишь первая, отрицательная сторона задачи. Расчищен путь для свободного творчества, все призваны к строительству новой жизни, но самое это строительство едва началось. Мы стоим пред безграничностью перспектив, пред полным простором свободного самоопределения. И в такое время обязанность юриста — неустанно и настойчиво твердить, что только на основе правовых устоев может быть создан прочный уклад новой жизни.

Теперь, когда все элементы общества пришли в движение, все стремятся вперед и вверх, к самоутверждению, к завоеванию новых прав и новых положений, великим соблазном для многих является закрепить для себя лучшую долю захватным путем, явочным порядком. Представляется желательным сделать это как можно скорее, немедленно, сейчас,

и не только в простых, но и в самых сложных вопросах, экономических и политических. Установление нормы рабочего дня и порядка государственного страхования рабочих, решение аграрного вопроса, переустройство местного самоуправления и многое другое хотят решить теперь же, незамедлительно, не теряя времени, на основании многообещающих формул, в духе широких демократических лозунгов. Но все такие частные решения, предъявляемые там и здесь к осуществлению под давлением обстоятельств, в момент первого торжества народной победы, не суть решения права, а требование силы. Когда старое разрушено или дискредитировано, а новое еще не установлено, осуществлять свои притязания захватным путем и явочным порядком — это значит оставаться на почве состязания сил, со всей случайностью их частных и разрозненных проявлений, со всей непрочностью их временных достижений. Это значит не только поднимать знамя мятежа против приобретенных и утвержденных жизнью прав, но, — что гораздо важнее — это значит восставать против самой идеи права и ее законного осуществления. Приобретенные права не вечны и не священны, они уступают место велениям высшей справедливости; но вечна и священна идея единого и равного для всех, общеобязательного права, и резким попранием этой идеи является произвол частных решений и насильственных актов. Еще с большим основанием, чем в 1905 году, мы должны сказать, что новая жизнь сложится не в результате стихийного водоворота событий, а на основе вдумчивой работы просвещенной мысли, совершенной со всей глубиной и искренностью преданного служения общему делу.

Если в 1905 году против нового свободного творчества жизни, против справедливых притязаний отдельных общественных групп стояла старая власть со всем упорством непонимания новых требований, теперь вся сила в руках народа, и от него самого зависит устроить свою жизнь. Для него открыт широкий простор свободных решений, и это именно обязывает всех к сознательному и вдумчивому пересмотру сложившихся отношений и новых задач. Проповедовать явочный порядок и захватное право, пользоваться неопределенностью еще не установившихся положений для самочинного утверждения любых притязаний — это значит вносить семена анархии и произвола в слагающуюся новую жизнь. Эта жизнь может сложиться в прочные отношения не на почве случайных захватов и одолений, а на основе твердых правовых устоев, вытекающих из существа отношений и санкционированных законным выражением народной воли. От того, сумеет ли русская революция установить и провести эти принципы, зависит, будет ли она и для других народов откровением новой жизни или же она только повторит опыт прошлого и введет в России то, чем уже давно пользуются другие народы.

Еще в 1905 году, в минуты высшего подъема революционных надежд казалось, что настал и для России черед привести в движение весь мир и дать ему откровение новой

жизни. В 1917 году такое ожидание представляется более обоснованным и твердым; но окажется ли оно осуществимым, это зависит от того, насколько в стихийном творчестве жизни будут выкованы новые правовые начала, новые выражения идеи справедливости, способные послужить фундаментом для строения новой жизни, как в свое время таким фундаментом были Великая Хартия вольностей и Декларация прав человека и гражданина. Захваты и насилия могут создать новые факты и новые фактические положения, но только идеи и принципы создают новые устои жизни. Факты и фактические положения, созданные случайным перевесом силы, так же быстро меняются и исчезают, как нарождаются и приходят. Лишь общие идеальные начала, лишь отблески непреходящего и вечного дают меняющимся событиям прочные опоры. Можно ли уже теперь в вихре событий русской жизни открыть такие отблески? Можно ли за шумом происходящего разобрать и услышать зарождающиеся начала новой жизни?

В 1905 году я считал возможным формулировать то новое право, которое должно было бы найти место в символе веры современного правосознания, как право на достойное человеческое существование. Я высказал тогда мысль, что пока не будет обеспечено это право, не будет у нас твердого мира, не будет той солидарности, которая спасает одинаково и от деспотизма, и от анархии. Я думаю, что это утверждение с новой силой можно повторить и сейчас, и притом не только в отношении к России, но и ко всему цивилизованному миру. Тот, кто знает мысли и чувства современной Европы, конечно согласится с тем, что за внешним парадом общественного благоустройства и здесь скрывается глубокое внутреннее недовольство. Вырвать с корнем и до конца неудовлетворенность человека и жизнью, и самим собой не под силу никаким революциям и никаким реформам; но все же провозгласить право на достойное человеческое существование как практический устрояющий принцип государства это значит сделать огромный шаг вперед по пути не внешней только, но внутренней демократизации жизни. Не как дар или милость, не как вынужденная уступка или невольный компромисс, а как внутренняя норма жизни, как веление справедливости, как сознательное убеждение, ставшее в то же время государственным законом, вот в каком смысле социальная реформа может иметь характер признания права на достойное человеческое существование. И мы имеем основания думать, что у нас в России ранее, чем где-либо, этому новому виду права суждено получить ясное принципиальное признание.

Но когда теперь мы вдумываемся в те новые начала, которые пробиваются всюду через наиболее единодушные однородные усилия нового творчества, мы видим, что с такой же властной силой в самых различных областях жизни утверждается и еще одно право, для которого я не могу приискать более точного названия, как право на самоопределение. Всюду

сверху донизу самые разнообразные группы и единства, административные, территориальные, национальные, профессиональные, стремятся закрепить за собою это право на самоопределение, предъявляя к власти, над ними стоящей, притязание на участие в определении своей судьбы. В этих не всегда ясных заявлениях и нередко преувеличенных требованиях, если обнять их во всей их совокупности и глубине, скрывается нечто большее, чем новое выражение старой идеи народоправства; здесь проявляется вместе с тем и новое притязание человека и гражданина и в личной, и в государственной жизни, и в частных, и в общественных отношениях быть и оставаться свободным и самоопределяющимся. Это нечто сходное, но вместе с тем и гораздо более широкое, чем стремление к профессиональному федерализму, которое проявляется в синдикалистском движении. Не экономические интересы, а прежде всего нравственное освобождение личности от произвола и несправедливости управляющих и начальствующих, от гнетущего однообразия общих форм жизни — вот что здесь имеется в виду. Не уничтожение иерархии властвования и подчинения, не устранение объединяющих норм права является в данном случае идеальной целью стремлений, а преобразование всех политических отношений на началах децентрализации и самоуправления. Этот порядок должен иметь своим последствием установление нового положения управляющих и управляемых, создание между ними более тесных и прочных связей. Он должен ввести каждого подчиненного и управляемого в сфере дел, непосредственно его касающихся, в живое сотрудничество с тем целым, к которому он принадлежит. Пассивное повиновение должно уступить место активному участию в делах управления; вынужденное однообразие — естественному и законному различию жизненных проявлений. Так должно осуществиться в пределах каждой сферы отношений право на самоопределение, которое есть вместе с тем и право на сознательное и самобытное участие в общей жизни. Естественная иерархия властвования и подчинения, необходимое распределение власти по инстанциям высшим и низшим должны сохранить свою силу и при этом порядке. Не могут и не должны все управлять всем, и дело заключается не в том, чтобы каждая подчиненная инстанция вторгалась в область высшего управления. Право на самоопределение предполагает лишь охрану личности в сфере ее действий и ее интересов, в том специальном кругу отношений, к которому каждый принадлежит. Причем и здесь, в каждой специальной области, должна сохраниться своя естественная иерархия отношений, сообразно неизбежному разделению и обязанностей, и прав власти. Высшей ответственности и активности должны принадлежать и большие права, и наоборот, функции чисто исполнительные и скорее пассивные не требуют для своего осуществления тех же правомочий. Забвение этих элементарных начал политики способно привести только к путанице понятий и к затемнению тех новых притязаний, которые выдвигаются жизнью.

Еще более пагубным смещением понятий было бы внесение в публично-правовые отношения притязаний, вытекающих из профессиональных интересов и основанных на принадлежности к той или иной профессиональной организации. Право на самоопределение, поскольку оно должно проявляться в различных сферах управления, не может проистекать из оснований профессиональных и узкоэкономических; как всякое право свободы, оно должно быть возведено в ранг прав человека и гражданина и поставлено в связь как с основными правами личности, так и с обязанностями ее государственного и общественного служения. Только в таком случае это новое право получит прочный юридический фундамент. Но совершенно очевидно, что для такого прочного юридического обоснования и для действительного утверждения его в государственных отношениях потребуются не только настойчивая работа мысли, но и долговременная практика жизни. И когда последовательный и закономерный процесс истории привел бы к торжеству нового права, это имело бы своим результатом не только расширение прав свободы: при более полном и широком осуществлении права на самоопределение мы пришли бы к преобразованию самой идеи государства, самого существа. Это означало бы осуществление того пророчества, которое несколько лет тому назад французским теоретиком государственного права Дюги было высказано в следующих словах: «Мало-помалу умирает римская, реальная, якобинская, наполеоновская, коллективистская форма государства, которая в различных видах есть постоянно одна и та же государственная форма; но в то же время создается другая, более широкая, эластичная и охранительная форма государства».

Это притязание на самоопределение, преобразующее современную политическую жизнь, тесно связано с тем другим правом, о котором я говорил выше, с правом на достойное человеческое существование. Ведь высшей целью этого творческого стремления является утвердить достоинство человеческой личности, создать триумф индивидуальной независимости. Тут имеется в виду та более глубокая демократизация жизни, которая состоит не в одном формальном признании демократических учреждений, а в укреплении подлинного уважения к человеку — с его верой и убеждениями, с его языком и национальным характером, со всеми особенностями его положения и призвания, поскольку все это не нарушает прав других, не подрывает основы их существования, не уничтожает идеи общего права.

Я наметил сейчас те границы, которые необходимы для того, чтобы придать новым завоеваниям свободы правовой характер. Свобода истинная и положительная всегда носит в самой себе свою границу, свой разумный предел, который превращает ее в право. И, напротив, свобода, не знающая такого предела, утрачивает свой правовой смысл, а вместе с тем и свое положительное, созидательное значение: она превращается в ту безграничную и

безудержную, анархическую свободу, которая есть лишь свобода чистого отрицания и которая, по выражению Гегеля, неизбежно становится «фурией разрушения». Стремление к утверждению новых прав свободы на достойное человеческое существование и право на самоопределение есть великое и многообещающее стремление, но это стремление лишь тогда станет плодотворным и обязательным достижением, когда оно найдет для себя твердые правовые устои. Для того чтобы оно не осталось мимолетным откровением революционной грозы, оно должно сочетаться с уважением к идее права, к началам равенства, взаимности и солидарности, которые составляют существо справедливости. Стремление отдельных групп и лиц к самоутверждению и самоопределению не может привести к устранению единого и общего права, властно возвышающегося над всеми, охраняющего одинаково всех, — слабых и сильных, меньшинство и большинство, одиноких мечтателей и пророков грядущего и господствующую демократию настоящего. В каждой отдельной группе, профессиональной ли или национальной или какой бы то ни было другой, права отдельной личности должны быть уважаемы и охраняемы, как должна быть охраняема также и общая связь всех отдельных групп и лиц, их признанное правовое единство. Я подчеркиваю это слово правовое, ибо у нас в России так боятся начала единства, так настойчиво стремятся к децентрализации, к федерализму. Старый порядок приучил нас видеть в единстве цепи рабства, понимать над объединением суровость владычества и гнет централизации. Но не следует упускать из вида, что единство групп и частей государства имеет также и духовный, нравственный характер, что оно обозначает также взаимодействие в культурных достижениях и единство правового общения. Вот о каком единстве обязаны говорить сейчас представители науки права как о достойном и великом предмете стремлений. Это единство общего права, символизируемое и общей государственной властью, не может быть разложено на простую арифметическую сумму отдельных притязаний, профессиональных, национальных, территориальных и всяких иных. Являясь их общей основой и общим предположением, оно не может быть поглощено ими и оказаться у них в плену, ибо в таком случае оно потеряет все свое значение объединяющего, направляющего и уравнивающего центра, который именно поэтому должен быть самостоятельным и верховным.

И действительно, отбросьте мысленно это верховное направляющее единство общего для всех права из числа руководящих и скрепляющих начал новой жизни, и получится состязание частных сил, определяющих свои отношения не на почве единого общеобязательного для всех права, а на основе частных временных соглашений, не в силу единства общечеловеческих притязаний, а вследствие случайного преобладания в борьбе. Но это значило бы возвратиться к менее совершенным формам жизни, а не утвердить устои новой жизни. В условиях прогрессивного развития мы наблюдаем рост идеи общности и

единства права, мы видим гражданское уравнивание своих и чужих на основе крепнущих и расширяющихся связей международного права. Вот почему и те современные ученые, которые, как Дюги, как Антонелли, приветствуют рост федерализма, все же полагают, что «федералистическое устройство не уничтожит единой центральной власти, а войдет в известную комбинацию с ней, что центральная власть останется по-прежнему живой и деятельной, но имеющей совсем иную природу и действие». «Она утратит свой деспотический и порабоощающий характер и приобретет характер правовой и регулирующей».

Было время на Руси, когда «государство, потеряв свой центр, стало распадаться на составные части, когда, по словам нашего знаменитого историка, «чуть не каждый город действовал особняком, только пересылаясь с другими городами»; когда «государство преображалось в какую-то бесформенную мятущуюся федерацию» (В.О. Ключевский). Это время, столь метко названное Смутным, являло собою лишь зрелище враждующих сил, и в хаосе злобы и вражды оно могло создать лишь новую власть; но не могло родить нового права. Всенародная революция наших дней не должна иметь ничего общего с тяжелой порой Смутного времени. Являя собою с самого начала акт всенародного объединения, представляя собою, по суждению современников, чудесный акт мгновенного переворота, основанного на общем единстве, русская революция должна была бы явить свой глубочайший смысл в создании правовых устоев всеобщего единства, которые преобразят лицо земли русской и закрепят не только для нас, но и для других образ новой жизни. Пусть призыв к освобождению будет также и призывом к объединению, пусть он будет тем кличем любви, который, по вдохновенному слову Лассалья, однажды раздавшись из сердца народа, навеки останется истинным лозунгом его и по своему внутреннему характеру будет даже тогда кличем любви, когда звучит боевым кликом народа. В таком случае твердая своей верой в будущее, поверившая в силу права и отказавшаяся от права силы русская революция будет торжествовать новую и самую светлую свою победу. Тогда из неясных и неопределенных возможностей будущего она создаст новую жизнь, и создаст ее не только для себя: на скрижалях истории незабываемыми словами она напишет новые заветы свободы — право на достойное человеческое существование и право на самоопределение.

1917 г.

П. НОВГОРОДЦЕВ

Иллюзии русских социалистов

Обычная схема, по которой современные русские социалисты мыслят совершающиеся события, сводится к следующему.

В России во время войны восторжествовали, проникнутые идеями и духом социализма, рабочие и солдаты, и воплотившийся в этих народных массах социализм перекинется на Запад, как в союзные, так и во враждебные России страны, и там усилит социализм, быть может, даже приведет его к конечному торжеству.

В основе этой веры лежит ряд грубейших ошибок и плачевнейших иллюзий.

Русская революция по своему объективному смыслу и реальному значению есть не торжество социализма, а его поспание и крушение.

Ибо что такое социализм? Прежде всего, это такое упорядочение производства и вообще всякой экономической жизни, которому должны подчиняться все групповые и личные интересы. В русской же революции, наоборот, под социализмом разумеется полная свобода и самоопределение в преследовании групповых и личных интересов, совершенно независимо от соображения о том, к чему такое преследование приведет.

Вот почему результатом социалистической пропаганды и активности в России на наших глазах является не упорядочение, хотя бы самое суровое, экономической жизни, а ее полное расстройство, т.н. «разруха».

Это особенно очевидно в условиях войны, которая с непререкаемой повелительностью навязывала и продолжает навязывать всем народам, ведущим ее, и всем классам, их составляющим, режим военного социализма. Что бы ни говорили об этом военно-социалистическом режиме, здесь осуществляются, правда, в условиях всеобщего оскудения, принципы государственного регулирования и производства, и распределения в интересах всего общественного целого, так или иначе понимаемого. С другой стороны, на Западе военное регулирование хозяйственной жизни везде сопровождалось повышением производительности труда и общим сокращением потребления. В России же еще до революции мы видели обратные явления. Несмотря на повышение заработной платы или, вернее, благодаря ему, в общем производственная энергия труда понизилась. Исторически это вполне понятно: тут сказалась та психология «низкой заработной платы», которая держалась, например, в Англии до XVIII века и которая коренится в низком уровне потребностей: раз дана эта психология, при повышении заработной платы нет стимула не только к повышению, но даже к поддержанию на прежнем уровне производительности труда.

Революция лишь обострила и обнажила это положение вещей, которое не только не означает социализма, но, наоборот, знаменует в известном смысле даже удаление от него. Нельзя, конечно, отрицать, что за войну в России произошло повышение потребностей широких слоев населения, явление прогрессивное по существу. Но прогрессивный характер повышения потребностей даст знать себя только в совершенно другой экономической и политической обстановке, когда повысившийся уровень потребностей в здоровой атмосфере нормальной жизни, на основе свободы конкуренции вынудит со стороны трудящихся масс более интенсивный и производительный труд. Сейчас же над русской экономической жизнью господствует сочетание условий военной экономии (огромный спрос на труд, заставляющий государство и предпринимателей соглашаться непрерывно повышать заработную плату!) с полурабьей психологией трудящихся, из которой вытекает низкая производительность труда. Эта комбинация условий не только не приближает Россию к социализму, понимаемому как планомерная организация национального производства, но объективно ее затрудняет и психологически удаляет от нее, рождая и питая грубейший групповой и личный эгоизм, разнуздывая в массах самые низменные буржуазные инстинкты и страсти, но в то же время заглушая в них буржуазные добродетели.

И уже теперь для всякого разумного и объективного наблюдателя ясно, что в России та незрелая и отталкивающая форма, в которую облакаются идеи социализма, не может не подготавливать против самой этой идеи глубочайшей реакции чувства и воли. Русские социалисты, живя иллюзией, что они отмеченные перстом истории борцы за социализм, на самом деле компрометируют и губят в своей собственной среде на многие годы социализм как идею.

Но есть еще и другая сторона дела. Это — сторона международная. Герцен когда-то сказал, что Англия с ее крайностями капитализма, совершенно не смягчаемого государственным вмешательством, являет собою «пьяного илота цивилизации», — крайний пример того, до чего может довести угар завоеваниями «либеральной» или «буржуазной» цивилизации. Можно спорить о том, правильно ли оценивал Герцен современную ему Англию в этом отношении. Но когда я размышляю о современном положении и России, и всего мира, мне гвоздят мозг эти слова Герцена, и я думаю: Россия наших дней изображает из себя для всего мира пьяного пилота социализма и классовой борьбы. И я ясно вижу, что в результате русских опытов, политических и экономических, проводимых под знаком социализма, не может не произойти мирового крушения социализма как идеологии.

Ибо, в самом деле, что случится, если в нашей стране восторжествует социализм в реальном образе русских социалистов и тех масс, которые пока следуют их призывам? Для самой России это будет означать полное народно-хозяйственное и государственно-

хозяйственное банкротство. Такое банкротство выведет Россию из строя воюющих держав либо фактически (это уже почти и случилось), либо фактически и формально...

Все, что я говорю сейчас, есть совершенно объективные размышления о том, что совершается на глазах у всех нас. Для меня лично социализм, в который я некогда верил, уже давно является не предметом веры и поклонения, а лишь одной из идей, многозначительной и могущественной, исторического развития народов, в своей отвлеченной сущности не представляющей ровно никакой опасности для нормальной политической и экономической эволюции.

Социализм всегда таков, каким его делают конкретные живые деятели, социалисты. В современной России — и это подготовлено всем ее развитием — самые влиятельные социалистические элементы дискредитируют и губят идею социализма.

Эта идея стала в их руках знаменем для разрушительных, противогосударственных и противокультурных инстинктов, овладевших народными массами. Реакция против плодов, которые несет и принесет с собой такая деятельность социалистов, неотвратима. Как далеко она пойдет, никто не может сейчас сказать. Но есть все основания думать, что в отличие от первой русской революции, которая, несмотря на все ошибки социалистических партий, начавшиеся пресловутым бойкотом Первой Государственной думы, была, поскольку она воплотилась в Первой Государственной думе, все-таки революцией глубоко государственной по духу и потому отразилась в целом ряде других стран усилением демократических течений, влияние второй русской революции на остальной мир будет иным. В общем она окажет устрашающее и отталкивающее действие на более культурные народы. Идея, что Россия, где распространение социалистических идей влечет за собой падение производительности труда и полную утрату народными массами здорового патриотического инстинкта, может вести за собой остальные народы по пути демократии и социализма, есть плод жалкого недомыслия и невежества. Это худший вид, какая-то карикатура национализма, к которой можно с полным правом применить знаменитую формулу, некогда вычеканенную для характеристики отношений между антисемитизмом и социализмом. Это — национализм дураков, практически служащий делу зловреднейшего интернационализма. Это — новая, мнимо демократическая и мнимо социалистическая погудка на старый «истинно русский» лад: «шапками закидаем».

Ни с подлинным национализмом, ни с подлинным социализмом это противоисторическое и противокультурное народничество не имеет ничего общего.

1917 г.

П. СТРУВЕ

России нужно организованное патриотическое движение

Крушение монархии после короткого состояния всеобщей ошеломленности раскрыло чрезвычайную слабость национального сознания в самом ядре Российского государства, в широких массах русского народа. В этом повинна в известном смысле вся русская интеллигенция, но еще больше повинен «старый порядок» с его систематической борьбой против образованных элементов нации, с его официальным национализмом, который, как я указывал еще в 1910 г., «усыпляет и расслабляет национализм народный», а потому «прокладывает путь автономизму и федерализму». Этот национализм «не собирает, а дробит государство».

Как бы то ни было, мы стали перед необходимостью напрячь все усилия для того, чтобы зажечь и организовать угасший в народе патриотизм. Сейчас перед нами не только та задача воспитания национального сознания и строительства национальной культуры, которую должна написать на своем знамени «Лига русской культуры», а также — еще более острая задача спешной и срочной организации и мобилизации патриотического духа. Старый порядок был заклеен пятнами государственной измены, и те, кто, любя политическую свободу, прежде всего и превыше всего любили Россию, верили, что революция исцелит государство от этой язвы. Увы! случилось иначе. Революция сама оказалась глубоко пронизанной элементами государственной измены, тлетворная зараза которой разлилась по всему народному организму.

Началась оргия национально-государственного отступничества, проповедуемого под гордым наименованием революции, но на самом деле являющаяся злейшим врагом того, что есть в совершившемся государственном перевороте подлинно революционного. Одна революция это — та борьба, которая во имя национальных задач и государственного величия России велась против власти царя и безответственной бюрократии как врагов и тормозов национально-государственного развития великой страны. Другая революция — это та, которая во славу объединенной в один лагерь вокруг кайзера Германии парализует Россию как нацию, раздробляет ее на враждебные классы в условиях, в которых классовым чувствам не должно быть места, в момент величайшей внешней опасности провозглашает изменническое расчленение государства, наконец, ведет преступную агитацию против союзников и гражданского мира их стран.

Между этими двумя революциями не может быть никакого соглашения, ибо они прямо исключают одна другую. Одна революция — космополитическая в теории, на практике предательская по отношению к союзникам, классовая и изменническая внутри;

другая, патриотически национальная, верная союзникам, гордо блюдущая честь и доброе имя нации.

Духовное бессилие Временного правительства, и в особенности левого крыла его, сказалось в том, что оно сразу не поняло глубокой розни этих двух движений, которые оба присваивают себе наименование революции, но между которыми, по существу, не может быть никакого примирения. Между тем теперь опыт революции с непрекаемой ясностью раскрыл именно это. Например, как мы сейчас далеки от того момента, когда Керенский и Терещенко под давлением антипатриотических настроений, прикрывавшихся фирмой социализма, вытесняли из министерства Гучкова и Милюкова?

Что дала эта смена лиц?

С патриотической точки зрения она оказалась практически безвредной лишь постольку, поскольку Керенский и Терещенко не только не ослабили основных тенденций политики своих предшественников, но, наоборот, под давлением обстоятельств усилили эти тенденции вопреки той борьбе, которую они в угоду антипатриотическим элементам сами вели с Гучковым и Милюковым.

Но этой ведомственной безвредностью происшедшей смены нисколько не устраняется непримиримая основная рознь между патриотической и антипатриотической стихиями революции.

Эта рознь, наоборот, все время возрастает, ибо все те «отсрочки», которые до сих пор война давала революции, приближаются к концу и, как неумолимый кредитор, она все векселя представит ко взысканию. Трагедия всех левых деятелей нашей революции (в том числе самого крупного из них, А.Ф. Керенского) заключается в том, что, будучи выдвинуты на первое место антипатриотической стихией революции, они не могут оставаться в ее власти, не совершая национального предательства, и в то же время не в силах вступить с нею в смертный бой. Лично я вижу в этом раздвоении подлинную и притом объективную трагедию, т.е. противоречие, для деятелей этого типа, по существу, неразрешимое...

Но какова бы ни была судьба отдельных деятелей, вынесенных на гребне революционной волны, — столкновение между патриотической и антипатриотической стихиями революции неизбежно, и оно разразится раньше или позже в зависимости от хода событий. К этому моменту патриотические элементы должны сознательно готовиться во всех отношениях, должны организоваться по тому единственному признаку, который существен в настоящий момент. Вопрос ставится о бытии и достоинстве державы российской. В России только два устремления: патриотическое и антипатриотическое и соответственно этому только две большие партии. Это наше несчастье, что старый порядок передал по наследству и революционной эпохе только это деление. В нем наше отличие и от

наших союзников, и от наших врагов. И у наших союзников, и у наших врагов не существует этого разделения, ибо и там и здесь антипатриотические тенденции либо совершенно отсутствуют, либо обретаются в меньшинстве и лишены всякого значения. Лишь Россия имеет ту ужасную привилегию, что в ней после революции пышным цветом расцвело национально-государственное отступничество.

С этим великим злом должна быть ведома организованная на широких национальных началах патриотическая борьба. И принципом этой борьбы должны быть не уступки и отступления, а решительное наступление и неотступное преследование врага до его полного поражения.

1917 г.

П. СТРУВЕ

(Вернадский В. Полярная звезда. 1906. № 14. С. 51–77;
Котляревский С. Полярная звезда. 1906. № 13. С. 91–99;
Новгородцев П. Русская свобода. 1917. № 14–15 С. 20–26;
Струве П. Русская свобода. 1917. № 7. С. 3–6;
Струве П. Русская свобода. 1917. № 9. С. 26–29)

М. Меньшиков

ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Трехцветный флаг

В народном знамени русском как бы заключено пророчество о наступающей политической жизни. Трехцветный флаг символизирует власть нации над атмосферой, почвой и земными недрами. Те же цвета говорят и об основных темпераментах народных, о трех главных направлениях духа, о трех коренных партиях, которые составят собор земли. Нижний, красный цвет флага говорит о подземном огне, о постоянно присутствующем в народе начале бунта, пределе упругости, который дает взрыв и крушение общества. Как ни придавлен землею затаенный пламень, от времени до времени он колеблет почву, переворачивает пласты, выдвигает одни материи, а другие погружает в бездну. Кроме легких толчков, обществу угрожают свирепые извержения с самого дна жизни; причем расплавленной грязью заливают иной раз весьма культурные и цветущие уголки. Такова природа и роль революционного элемента. Вулканизм духа человеческого вечен и законен, как вулканизм земли. Это деятельное насилие — в противоположность пассивному насилию консерваторов. Вдумчивые наблюдатели задолго предсказывают опасность, но беспечные граждане до последней минуты обыкновенно «танцуют на вулкане».

Второй цвет русского флага — синий, цвет консерватизма, цвет океана и материка, цвет темных элементов почвы, когда-то пламенных, теперь остывших и покоящихся в блаженной инерции. Консерватизм есть по природе своей нечто центральное, осевшее, установившееся, неподвижное. Это опора жизни, необходимый, но мертвый скелет ее. Красота и сила консерватизма не в нем самом, а в законченности тех жизненных форм, которые он поддерживает. Красота и разум почвы не в ней, а в волшебном одеянии ее полей, лесов, текучих вод и гор, в вечно колеблющемся и трепетном узоре жизни, которую непрерывно лепит Бог-Природа.

Третий цвет русского флага — белый, цвет солнечной атмосферы, ясного дня Божьего. Это истинный цвет свободы. Вместо грубых нижних стихий, вместо лавы, расплавленной и остывшей, здесь, в верхней полосе флага океан легкого, чистого, как кристалл, воздуха, насквозь затканного золотом лучей. Какой простор, какая воля! Либерализм, понимаемый философски, есть самое светлое и верхнее состояние духа, высота его. Как тот Дух, что носился над безднами в первые дни творения, только крылатый ум человеческий обладает творчеством и только он один вносит гармонию в бесформенные

нижние стихии. В самом деле: разве не солнечный луч создает энергию органической жизни? Разве не светом и воздухом произведено все, что прекрасно на земле, — царство флоры и фауны? И разве не те же свободные и нежные агенты — свет и воздух — путем выветривания и орошения придают даже горным хребтам их художественный рельеф? Уберите с земли ее светлую зону — жизнь мгновенно задохнется, земля остынет. В личной человеческой и в народной жизни все живое, творческое, прекрасное принадлежит белой стихии — свободе. Даже в самых мрачных царствах, даже на границе возможного унижения если еще держится жизнь, то благодаря все-таки некоторому присутствию либерализма естественного, неустранимого, как дыхание.

Народ русский теперь накануне своего политического бытия. Как под микроскопом ученого первый момент жизни — сегментация клетки, распадение ее на живые части, из которых сложатся ткани и органы, — так в зачатии политической жизни первый момент — определение главных координат, распадение общества на три большие группы: на революционеров, консерваторов и либералов. Потом эти большие группы продолжают свое дробление. Уже сейчас мы имеем пятнадцать партий, готовящихся войти в Думу, но сколько бы их ни накрошилось, основными останутся три: 1) партия наступательного насилия (революционеры), 2) партия оборонительного насилия (консерваторы) и 3) партия свободы. Каждый гражданин с сознательной совестью должен тщательно взвесить все свои пристрастия, прежде чем выбрать тот или иной цвет флага. Каждый должен быть тем, что он есть, но никто не должен завораживать себя гипнозом формул. Первый долг — действовать искренно, в здравом рассудке и в полной памяти. Революционеры по темпераменту должны отдать себе трезвый отчет, почему в данный момент необходим взрыв кверху. Консерваторы должны сознательно решить, почему всего спасительное давление к низу. Либералы должны твердо быть убеждены, что оба эти давления не нужны, ни к низу, ни кверху, и что Optimum жизни требует не двух взаимно отрицающих сил, а бесконечного множества сдержанных влияний, борющихся по всем направлениям, и только из этой разнообразной работы создается наилучшее из всех — естественное состояние вещей...

Пророчество цветов в том, что революция всегда останется низшим принципом общественности, как это и прилично разрушению. Консерватизм останется чем-то средним, в неподвижности своей таящим смерть. Либерализм же всегда будет верхним и потому верховным началом жизни, преобразующим и созидательным. Совершенно допуская во всех партиях присутствие благородных людей (как и низких), нужно думать, что красные инстинкты привлекут к себе по преимуществу страстных людей, синие — наиболее спокойных и белые — самых деятельных и мудрых (Письма к ближним. 1906. Март. С. 712–716).

Россия — прежде всего

Сегодня открытие Третьей Думы. Хочется сказать собравшимся депутатам: «Если вы истинные представители народа, привет вам! И да выпадет вам счастье заслужить кроме привета и поклон народный, глубокую благодарность родины, сознавшей, что ее доверие оправдано». Доверие пока еще только дано, — остается не обмануть его, — задача трудна! От всего сердца можно пожелать, чтобы Третья Дума явилась первым звеном непрерывной и крепкой цепи представительных собраний, долженствующей стать становой осью новой государственности. Дай-то Бог, чтобы слабые надежды на это сбылись! Все зависит от здравого смысла, от величия духа народного, исправляющего несовершенство учреждений и отсутствие которого самые высокие формы жизни сводит в ничто.

О чем Россия может просить свою Государственную думу? Прежде всего, чтобы она думала о государстве, — о государстве, а не о какой-либо партии или отдельной группе людей. Думать о государстве — значит думать о господстве своего племени, о его хозяйских правах, о державных преимуществах в черте русской земли. Государственная дума недаром носит титул царский. Она должна думать о том же, о чем государь, она должна быть верховным, историческим сознанием страны, органом национально-русского разума и народной совести.

Думайте о государстве! Думайте о господстве России! Я хочу этим наметить ту координату, на которой должно строиться мышление парламента, тот регистр, в котором оно должно звучать. Мышление может быть низким и высоким. В парламентах, как у отдельных лиц, оно бывает мелочным, партийным, узкоэгоистичным, а бывает и величественным, государственно-философским. Необходимо именно в собрании послов народных «с высоты» глядеть на жизнь, чтобы не растеряться в бесчисленных ее мелочах, не запутаться в лабиринте переулков и обходных путей. Как с заоблачной высоты, перед Думой должна лежать неизмеримая Россия и должны выступать все ее истинные очертания, ее вечные, непререкаемые условия. Первое великое сознание с такой объемлющей высоты — это гордое чувство господства:

Это ты, моя Русь державная,
Моя родина православная!

Чувство царственное, подобное непрерывному торжеству. Чувство обладания, чувство собственности исторической и национальной. С политическим одичанием России

этот инстинкт господства как будто заснул в нас. Древнее великорусское начало — начало собирания земли, победы и одоления — заглохло. Столь живое у великороссов свойство великой арийской расы — покорять и господствовать — поникло под наплывом низкой психологии покоренной инородчины. Народ — завоеватель, львиным порывом разбросавший соседей, захвативший громадную территорию, печально ослабел, подчинился совершенно незаметно внутреннему завоеванию, попал в плен плохим государственным учреждениям, взятым с чужа. Вот на какой факт — в бесконечном ряду других — я позволю себе обратить внимание Государственной думы. Мы в плену. Хотя многие этого не чувствуют и почти никто об этом не говорит, — мы в духовном и политическом плену у некоего чужеземного нашествия, которое просочилось в наши государственные ткани и сделало их хрупкими и дряблыми. Мы в плену у чужой нам инородческой психологии, привившей нам робость, растерянность, отсутствие чувства национальной личности и чести. Поляк г. Дмовский во Второй Думе «поражался отсутствием у русских патриотизма». Армяне и татары поражались тем же. Мы до того увязли, что не слышно даже шепота о любви к отечеству, — самое понятие о народной гордости нам представляется дерзким. Почти забыты времена, когда внимание общества занимали героические легенды, сказания о подвигах предков, предания о силе, славе, величии своей родины. Позабыты века, когда в кругу высоких понятий вырастали молодые поколения и мужественно брались за меч и плуг.

Чувство победы и одоления, чувство господства на своей земле годилось вовсе не для кровавых только битв. Отвага нужна для всякого честного труда. Все самое дорогое, что есть в борьбе с природой, все блистательное в науке, искусствах, мудрости и вере народной — все движется именно героизмом сердца. Всякий прогресс, всякое открытие сродни откровению, и всякое совершенство есть победа. Только народ, привыкший к битвам, насыщенный инстинктом торжества над препятствиями, способен на что-нибудь великое. Если нет в народе чувства господства, нет и гения. Падет благородная гордость — и человек становится из повелителя рабом. Вот страшное несчастье, которое должна понять Государственная дума, если она сложится национальной. Мы в плену у рабских, недостойных, морально ничтожных влияний, и именно отсюда наша нищета и непостижимая у богатырского народа слабость.

Как случилось, что народ-победитель перенял психологию побежденных им народностей? А именно так, как это было во все времена начиная с незапамятной древности. Помните заклания Моисея выходцам из Египта: побеждайте, но не смешивайтесь с побежденными, не принимайте в себя их стихии. Уж если покоренный народ не имел силы и чести отстоять себя, стало быть, это народ дрянной и он, будучи побежден, ничего не может внести в общение с вами, кроме дрянности своей, кроме чувства бессилия, трусости, лени,

способности со всем мириться, даже с рабством. Всякое общение с такими народностями вредно. В мужественную расу оно вводит ничтожную кровь и прививает подлую душу. Если вы победители, то считайте же себя избранными народом и берегите раз достигнутое совершенство как зеницу ока. Если совершился в лице вашем исторический отбор, то не портите его примесью плохого сорта. Будьте самим собою, и никем иным. Однажды достигнутое вами совершенное «Я» да будет богом вашим, и да не будут вам иные боги, кроме этого «Я». Таков смысл первой заповеди избранного народа. Смешение с иноплеменниками считалось грехом смертным, в особенности допущение инородческих граждан в свою среду.

То же строгое бережение победоносной породы выразилось в суровых кастовых законах арийцев, что основали первую великую цивилизацию — в Индии. Тот же закон господства выражен в гражданстве греческих республик и Рима в эпоху его величия. Пока строго держалось обособление от инородцев, народы-победители возрастали в славе и цивилизация их развевывалась по всем направлениям так же победоносно, как их военные знамена. Но смешение с побежденными народностями всюду на протяжении всех веков вело к гибели завоевателей. Примесь хананеян погубила евреев, примесь дравидийских и монгольских кровей расслабила индусов, мирное проникновение варваров в эллинскую и римскую среду развратило и обессилило эти богоподобные народы. С нашей родиной совершается та же роковая ошибка.

По великодушию победителей, по славянской простоте, по добродушию наши предки допустили слишком широкое внедрение в нашу государственность покоренных народностей. Случилось великое несчастье в XVI веке: наша национальная аристократия истребила себя в распрах и уже не могла дать отпор инородческому нашествию. По затмению нашего государственного разума татары, поляки, немцы, шведы протерлись в большом количестве в служилый класс, и с каждым поколением последний становился все менее крепким, все менее мужественным, все менее верным своей земле. Не нужно, чтобы русская аристократия совсем была вытеснена инородцами. Достаточно для упадка страны известного процента подмеси. Люди чуждой расы и чуждой нам психологии вносят хуже чем вражду к России — они вносят равнодушие к ней. Постепенно тем сословиям, что стоят на страже народной, начинает казаться, что «все равно». Можно хорошо служить, можно и плохо. И так как плохо служить легче, то на всех ступенях власти постепенно сложилось предательское неделание, безразличие, чиновное «кое-как да как-нибудь». В то время как высшие классы у нас смешивались с выходцами из окраины, простонародье смешивалось с остатками покоренных аборигенов. Я глубоко убежден, что так называемое «русское авось» вовсе не русское: оно привито нам вместе с психологией побежденных народностей. Древние наши предки,

создатели господства нашего племени, не могли бы создать его, если бы боролись «кое-как» и работали бы «на авось».

Государственной думе нашей предстоит обдумать вовсе не бюджет только и не тысячу мелких законопроектов, заготовленных Г. Столыпиным. Все эти ассигновки на прачечную при такой-то тюрьме или на оранжерею при таком-то университете могут поглотить сколько угодно времени без малейшей для России пользы. На самом деле и детальное законодательство, и контроль над властью могли бы быть поручены не парламенту, а специально подготовленным комиссиям из сведущих людей. Роль парламента, мне кажется, гораздо выше, или по крайней мере кроме нее у парламента есть иная, верховная роль, в которой особенно нуждается страна. Россия нуждается в возвращении своего сознания, в пробуждении национализма. Под грозными внешними обвалами, пред опасностью внутреннего разложения русские люди должны очнуться. От чего мы гибнем? Где коренные исторические причины нашего упадка? Г. дума должна это мужественно обдумать и разобрать.

Первая причина тяжелого унижения, в котором застаёт Дума народ, — это плохой состав власти. Говорят: пусть сделаются отдельные люди лучше, и тогда явятся и более совершенные учреждения. *Not institutions, but men.* Я на это отвечаю, что «ждать» России уже некогда. Я не вижу способа, каким плохие люди при дурном общественном устройстве делались бы хорошими. Если есть этот способ, то пусть он и действует, ему собираются не мешать, а лишь помочь. Для людей здравомыслящих ясно, что воскрешающая народ сила не упадет с луны, а должна быть взята из нас самих. Люди честные и трезвые, которые когда-нибудь занимались тяжелым трудом, хорошо знают, какая это сила — честный труд и что можно сделать сосредоточенной энергией. Люди сколько-нибудь талантливые понимают волшебную силу таланта, приложенного к труду. Так вот в чем наше спасение: пусть соберутся к власти люди труда и таланта. Пусть соберутся патриоты, которым жаль нарушения нашей государственности. Пусть они обновят власть, перестроят ее сверху донизу. Невозможно стоять великому государству, если центральный его двигатель состоит из людей инертных, равнодушных, чужого, инородческого склада, людей часто совершенно бездарных и совсем бессильных. Против нашествия этих никуда не годных элементов национальная Дума должна вызвать из народа другое нашествие — старого великорусского духа.

В составе Третьей, к сожалению слишком разношерстной, Думы есть благородные патриоты. Они должны ясно видеть, что Россия близка к гибели, что терять время в бесплодных перекорах с врагами — преступно. Необходимо немедля всем русским людям в парламенте соединиться и дать ядро для притяжения русской силы. Нужно поставить

верховой целью своей работы — государство, т.е. господство народа русского. Это господство не может иначе быть восстановлено, как путем кристаллизации из амфорной народной смеси. Пусть явится достаточно авторитетный центр группировки, и он привлечет к себе все, что еще осталось жизненного и сильного в нашем племени. Третья Дума не заканчивает собой периода реформ, а лишь начинает. Все государство в брожении, все законы в зачатии, — именно теперь время созидательному инстинкту великорусскому проявить себя, внести, еще раз в жизнь могущественные начала, на которых она когда-то строилась. Следует спешить, ибо — как справедливо заявил вождь радикальной партии — каждый день могут наступить крайне важные события. Есть надежда, но ведь нет никакой гарантии, что Третья Дума окажется устойчивее своих предшественников. Наконец, всегда следует делать поправки на неожиданное. Следует бодрствовать и спешить. Не откладывая, нужно вмещать в немногие отпущенные каждому дни все возможное и даже сверхвозможное. Устоит или не устоит Дума, следует именно для устойчивости ее твердо поставить наш национальный великорусский принцип и заложить партию или, вернее, лигу партий, верных нашей народности. Это прежде всего, ибо народ — прежде всего.

Свобода? Поверьте, никогда не будет у нас свободы, пока нет национальной силы. Что ж, вы думаете, инородчина, взявшая засилье, сдаст свои позиции без боя? Вы думаете, она охотно допустит те свободные учреждения, которые нам необходимы? Прежде чем подпустить народ наш на тысячу верст к правильной, закономерной жизни, где порядок ограждает свободу, — внутренние враги наши используют всю меру свободы для расстройства нашего госродства, для крушения государственности, что держится уже как будто не внутренним сцеплением, а лишь давлением массы. Под эту механическую массу ведутся неутомимые подкопы и закладываются по всем направлениям мины. Взрыв тщательно готовится; он более чем возможен. Предотвратить его в силах лишь национальная стража — правительство патриотическое, стойкое, не сдающееся влево, готовое к героической борьбе. Только такое правительство, преданное исторической власти, могло бы спасти страну. Национальная лига, союз патриотических партий, должен взять дело народного спасения из чужих рук в свои (Письма к ближним. 1907. Ноябрь. С. 662–666).

Великорусская партия

Россия не избежала последствий страшной нелепости, введенной ею в свой государственный механизм. Спасшись от татар именно цельностью великорусского племени, ее культурным единством, Россия подготовила себе, по примеру других погибших империй, внутреннюю гибель: она внедрила в себя инородные элементы в гораздо большем

количестве, чем позволяет структура государства. Как ни огромно преобладание великорусской расы, правительство наше сумело не воспользоваться этим преобладанием, а парализовать его. Вместо того чтобы поставить свою культуру, свой быт в пример инородцам и в подражание им, наше правительство в лице Петра I отреклось от своей культуры и начало подражать инородческой. Говорят: московская культура была ниже западной, — но ведь западная была когда-то низкой. Если бы Петр I не был одинок, если бы его окружала древняя и сильная национальным чувством знать, — долгом ее было бы не хватать особенности чужого ума и быта, а развивать свои собственные, развивать до того изящества и величия, в каких расцвела западная цивилизация. Сложись у нас подобный порыв, он увлек бы в водоворот нашей национально-русской культуры и покоренные народности. К глубокому несчастью, сложился противоположный принцип. Завоеватели, мы скромно потеснились назад, а инородцев посадили в красный угол. Покорив их материально, мы объявили, что сами покорены морально. Из нелепой мысли, будто если чужое хорошо, то свое плохо, мы бросили многое прекрасное в своей истории, нуждавшееся только в обеспечении и уходе, и приняли много сомнительного, что исковеркало нашу жизнь. Как из подражания полякам ввели крепостное право, так из подражания монархическому абсолютизму, утвердившемуся тогда в Европе, бросили свои земские соборы, а впоследствии из подражания феодальным обычаям отдали государственную землю помещикам.

Нельзя исчислить все бедственные последствия безоглядного подчинения иностранной культуре. Получилось то самое, как если бы одно животное вы искусственно старались сделать другим. Вышла не только жалкая карикатура, но она стоила оперируемому организму потери множества сил, потери здоровья. Народ русский из всех опытов над ним не сделался иностранным, но его собственное развитие было страшно задержано. Вместо того, чтобы двинуться вперед, он жалко отстал. Он дошел до того состояния, когда поляки отмечают в нас «неслыханное отсутствие патриотизма». Что Россия жизненно нуждалась в реформе 200 лет назад, это конечно вне спора, но реформа нужна была по направлению своей культуры, а не против ее. Решив совершенствовать свои собственные, органические начала, выработанные веками, мы с гораздо меньшими жертвами достигли бы большего могущества и большей просвещенности. Если, судя по писцовым книгам, триста лет назад земледельческая культура в России была выше теперешней, то весьма возможно, что развивайся она дальше без вмешательства извне, русское крестьянство, подобно китайскому, уже выработало бы свои способы чудовищных урожаев и одним лишь хлебным давлением Россия держала бы Европу в своих руках.

Покорить Россию Западу не в силах были ни поляки, ни тевтоны, ни шведы. Все это совершил за них Петр Великий — в области самой важной: в области духа. Он поистине

сделал больше для европейского могущества, чем крестоносцы. Он укрепил свое великое государство, вооружил его — и предоставил владеть им западному авторитету. Вспомните мирное нашествие иноземцев при Петре и после Петра, и как высоко чужая власть утвердилась в России. После битвы под Полтавой Петр пил за здоровье своих учителей. Тост им оказался в руку. Они поздоровели и в гораздо большей степени, чем если бы победа была на их стороне. Проиграй мы Полтавскую битву, очень может быть, что наша история сложилась бы совсем иначе. Вероятно мы не владели бы устьями Невы, но зато инородцы не владели бы Россией. Не перепутались бы основные политические понятия до опасной бессмыслицы. Старинные наследственные враги: шведы, немцы и пр. — считались бы врагами и в качестве таковых сидели бы в своей черте. Победы Петра Великого открыли окно в Европу и вместе — русские двери настежь. Из русских, кто поближе к окну, получили возможность любоваться европейскими пейзажами, тем временем в открытые двери полезли иностранцы и инородцы. В два века они сделали то, что русский народ, единственный из всех, не имеет национальной аристократии, не имеет патриотического среднего класса. Наводненные чужим наплывом, растворенные в нем, русские именитые роды: знать, купечество, духовенство — постепенно потеряли свое древнее родство с народом. Тяготение их к своей земле сменилось тяготением к чужой. Что такое неслыханное отсутствие патриотизма, как не сложившаяся в веках измена отечеству со стороны тех классов, которые каждый народ выдвигает на историческое предводительство и стражу?..

Гибель России в том, что национальное чувство у нас до такой степени угнетено, что утратилось даже представление о национальном складе жизни. Под внушением опутавшей нас со всех сторон инородческой мысли нам кажется, что политическая жизнь есть борьба и вне борьбы будто бы не возможна никакая политика. Но это глубоко вредное заблуждение; оно на руку лишь врагам России, живущим мечтой о ее смерти. Начиная с Маркса, бросившего в христианский мир отравленную идею классовой борьбы, — евреям чрезвычайно выгоден раздор наших сословий, вражда партий, дробление христианского общества на воюющие лагеря. Все это не что иное, как разложение самых тканей христианской общественности, распад самого тыла ее. Но если осталось еще сколько-нибудь жизни в пораженных иудаизмом народах, то энергия их должна очнуться, восстать против скверного наваждения. Рано или поздно Европа должна стряхнуть дьявольский гипноз и должна вспомнить вечные заветы государственности. В центре коренного закона общества стоит не борьба, а согласие, не диссонанс, а гармония, не «захватное право» (право хищников и паразитов), — а сотрудничество и взаимопомощь. Восстановить в растерзанном русском народе этот принцип государственности может не какая-нибудь партия, хотя бы

господствующая, а некая группа людей, стоящая выше партий, группа, представляющая не партийные, а национальные инстинкты.

Мне говорят и пишут, будто я делаю ошибку, выдвигая великорусское начало. Этим я будто бы отталкиваю от русской идеи малороссов и белорусов. Они тоже чувствуют себя русскими, не будучи великороссами. Мне говорят, что правильнее было бы выдвинуть всероссийский принцип, не Великороссию, а Великую Россию, обнимающую собой все отрасли великого русского племени.

Я долго думал, прежде чем остановиться на формуле национальной партии, как я ее понимаю. Называя эту партию великорусской, а не всероссийской, я думаю, что я не делаю ошибки, и вот почему. Идея никакой национальности не может быть основана на том, чего в природе не существует. Не существует реально «всей России», не существует просто «русских» людей. Есть более или менее обширные части России: Великая, Малая, Белая, Червоная Россия, а в последние века вырабатывается еще Восточная Россия, Новороссия, Желтороссия и т.д. Есть великороссы, малороссы, белорусы и множество переходных между ними языков и типов. Не только естественно, но и совершенно неизбежно, что все эти главные и переходные типы постепенно сливаются в один, какой-то средний, который в будущем и составит всероссийский язык, всероссийскую расу. Из теории сложения сил преобладающее племя и господствующий язык внесут в эту будущую национальность все свои преимущества, так что будущие все — русские ближе всего окажутся к теперешним великороссам. У нас уже идет процесс, напоминающий борьбу племен например в Триедином королевстве. В английский тип и язык вошло немало элементов шотландских и ирландских, но бесспорное преобладание остается за британскими формами. Во Франции, в Испании, в Германии, в Италии — всюду, где родственные племена разошлись в стороны, один из языков становится государственным, одно из племен представляет всю родную семью. В России таким племенем силою самой природы является великорусское. Не дело какой-нибудь партии или доктрины, а стихийное дело тысячелетней истории — теперешнее подавляющее преобладание великороссов как в количестве населения, так и в обширности занятой территории. Скажут: количество не всегда решает спор, бывает так, что решает его и качество. Это бывает, — но в данном случае очевидно и качество за великорусским племенем, ибо спор исторический ведь уже целые столетия решен, и именно в нашу пользу. Права первородства, права державного верховенства среди русских племен давно установлены. Великороссам нужно не завоевывать эти права, а лишь утверждать, и в этом направлении им остается действовать сообразно с самой природой. Жребий давно брошен. Национальность всероссийская давно определена как великорусская, и вместо того, чтобы изобретать несуществующую просто русскую государственность, малороссам и

белорусам следует искренно примкнуть к великорусской государственности, давно существующей. Ведь она и для них такая же родная, как и для нас, ибо своей, сколько-нибудь прочной, у них никогда не было. Вся Россия в недалеком будущем должна сделаться Великороссией, и огромное большинство западного и южного простонародья ровно ничего против этого не имеют. Как великорусские мужики, попав куда-нибудь в Полтавщину, не считают изменой родине калякать по-хохлацки, так и хохлы, попав на север. Узнав, что царь, начальство, господа, духовенство, вообще «письменные» люди говорят на несколько другом наречии, чем где-нибудь в Диканьке, что на северном наречии написаны законы и почти все стоящие прочтения книги, малоросс охотно изучает государственный язык. Чувствуя себя законным членом государства, он начинает считать государственный язык своим родным. В самом деле, если родной язык — язык отца, то тем более родным должен считаться язык отечества. Все это прекрасно понимается на Западе в странах пестрой колонизации, как, напр., Америке. Там эмигранты даже не английской расы: немцы, итальянцы, чехи и те же малороссы из Галиции во втором поколении уже становятся американцами. Не более этого естественного права на общий государственный язык я хотел бы для русских племен, населяющих Россию. Слияние их неизбежно, оно уже идет. Если же каким-нибудь малороссам или белорусам не хочется слиться с нами, то никто, конечно, их не неволит. Пускай называют себя украинцами, волынцами, полещуками или как им угодно. Пусть считают себя не русскими, хотя бы рассудку вопреки. Мы, великороссы, должны твердо настаивать на историческом факте и определять свою государственную национальность так, как она действительно сложилась. Мы уже владеем империей, мы ее создали и прав на нее никому не уступим. Поскольку Россия единое государство, постольку в ней должна быть одна нация, и эта нация — великороссы. Кому из русских ничего не говорит наша история десяти веков, для кого чужды престольный Киев, Великий Новгород, Москва, Петербург, для кого не интересен наш богатырский эпос, не интересна тяжелая трагедия татарского ига, эпопея возвышения Москвы, гигантская слава Петра и Екатерины, — для кого ничтожен великий язык Державина, Пушкина, Тургенева, Толстого, Чехова, — ну, такие «русские» действительно не русские вовсе, и с ними может быть короткий разговор: черт с ними, вот и все. Нам, великороссам, останутся одинаково дорогими и Малая, и Белая, и Червонная Русь. Мы ценим и уважаем все прелестное, все сильное, что выработало русское славянство под всеми широтами и долготами. В силу этого мы имеем право считать себя более истинными носителями духа всего нашего исторического племени, чем те выродки, для которых «чужды» более трех четвертей России. Вот почему я настаиваю на великорусской партии как национальной. В ней была бы представлена вся Россия, все наше историческое величие, все

возможности в будущем. Никакая другая русская народность этого взять на себя не может и, может быть, не захочет.

(Письма к ближним. 1907. Июль. С. 379–381; Сентябрь. С. 567–569)

Подъем власти

Быть или не быть сильной власти это то же самое, что быть или не быть России. Вот почему я считаю долгом возвращаться к этому тяжелому вопросу. Речь идет о страшной государственной болезни, которую можно сравнить с перерождением сердца. Болезнь эта появилась у нас давно; может быть, она унаследована в самом зачатии государственности. «Наше государственное тело велико и обильно, но нет соразмерного двигателя внутри. Придите быть нашим сердцем», — говорили новгородцы варягам.

Слабость центрального мускула в своих средних стадиях не смертельна, однако в последнее столетие обнаружили слишком зловещие признаки. Кроме страшной отсталости культурной и ее следствия — нищеты, мы пережили две позорные войны, и последнюю с врагом, физически втрое слабейшим. Мы переживаем постыдные годы бунта, где народные отбросы в союзе с инородцами терроризируют власть, срывают парламент, лишают возможности культурного законоустройства, предают трудовую часть нации разгрому и грабежу. Все это явления, не обещающие ничего доброго. Я не могу скрыть от читателей своей тревоги и не могу не говорить того, что составляет мое глубокое убеждение. Нам нужна не какая-нибудь, а непременно сильная власть. Нам необходимо могучее сердце, иначе мы пропали. Это сердце и теперь, как на заре истории, может быть создано народным организмом. Оно должно быть создано! Если у больных людей есть методы укрепления сердечной мышцы, то несомненно есть способы укрепления государственной власти, и нужно поспешить с ними, нельзя с этим откладывать! Россия гибнет от усталости сердца, — неужели мы, живое поколение русских людей, настолько ничтожны, чтобы не помочь родине в черные ее дни? Неужели мы как племя настолько выродились, что не способны восстановить жизненно необходимый орган?

Множество моих противников ослеплены опасным заблуждением, будто гипертрофия власти означает ее силу. Кричать, что власть у нас чрезмерно сильна, что для спасения России необходимо обуздать эту силу, связать ее общественным противовесом. Под силой власти они понимают произвол, жестокость, бессмысленность, те черты тирании, которые вульгарно приписываются самовластию. А.А. Столыпин, вероятно, сделает мне честь признать за мною иное понимание существа власти. Если бы речь шла о машине мертвой,

напр., о заряженной пушке, то силу ее было бы допустимо определять количеством разрушения, на которое она способна. Но власть — машина живая; как всякое живое тело, она существо отчасти духовное. Сила правительства определяется способностью достигать своих целей, — цели же эти, конечно, не только разрушительные, но и творческие. Даже лютей враг нашей власти не станет отвергать благих ее намерений. Но даже пламенный поклонник власти согласится, что благие намерения не выполнялись. Сама власть не отвергает последнего, иначе она не взяла бы на себя почин переворота. Именно в том-то и суть несчастий наших, что государственная власть потеряла способность осуществлять свои намерения. Разве можно такую власть назвать сильной?

Раз вещь перестала достигать своих целей, она перестала быть сама собой, она превратилась в нечто другое. Достаточно в тысячесильный паровоз попасть горсти песка, чтобы он остановился. Но если он остановился, какой же он паровоз? На все время бездействия он тело мертвое, груз, который сам нуждается в двигателе. Сила власти не в намерении, а в исполнении. Наше правительство — кроме подозрительных господ, втершихся в министры, чтобы при первой беде власти перекинуться в кадеты, вроде г. Федорова, Кутлера и др., — наше правительство искренно желало иметь счастливый народ, — и имеет народ голодный и недовольный. Желало иметь победоносную армию — и довело армию до Мукдена. Желало иметь сильный флот — и довело флот до Цусимы. Желало законности, тишины, порядка — и довело до «позора непрекращающихся убийств». Скажите, можно ли государственную власть назвать сильной, если она достигает как раз обратных целей? А.А. Столыпин, конечно, не менее других русских публицистов осведомленный в намерениях власти, пришел к мысли, что с политическим террором может справиться «только само общество». Но ведь это значит манифестировать бессилие правительства несравненно решительнее, чем мог бы сделать я.

«Сила власти, — заявляет А.А. Столыпин, — должна заключаться в силе права, а не в праве силы». Формула прекрасная, и я безусловно согласен с ней. Я никогда ни одной минуты не ставил физическую силу в политике выше права (понимая под правом справедливость). Желая видеть власть сильной, я добиваюсь торжества вовсе не силы, а именно нравственного права, вложенного в понятие власти...

Я думаю, власть государственная должна быть рассчитана не на столь преходящее условие, как общественное сочувствие или несочувствие. Власть, мне кажется, во всяком случае обязана бороться с преступностью, бороться непрерывно, со всей силою врученного ей историей права. Общественное несочувствие к власти не ослабляет, а скорее усиливает обязанность власти преследовать преступления. Ведь если в обществе растет несочувствие к

власти, то, значит, растет преступность, стало быть, тут-то правительству и приходится напрячь все силы для одоления беды.

«Вся заслуга власти» не только не «в умелом использовании общественного сочувствия», как пишет А.А. Столыпин, а, наоборот — в мужественном презрении к самой мысли подделываться под чьи-то вкусы, в честной решимости идти хотя бы против общественного течения, если оно явно вредно. Разве в самом деле «общественное сочувствие» всегда синоним справедливости? Вспомните Иерусалим, побивавший пророков. Общество — представитель данного момента, данного поколения, тогда как власть должна чувствовать себя представителем всей нации в ее истории. Только на этом основании династия избирается не на данное поколение, а в долготу веков. Она по времени — стовая ось народная, поддерживающая общее единство: вот почему ее право выше общественной популярности. Обрывать власть хотя бы на «умелое использование общественного сочувствия» значит делать власть игрушкой толпы. При этом правительством делается толпа, а управляемой вещью — власть. Не думаю, чтобы такая перемена ролей повела бы к чему-нибудь хорошему.

Я отнюдь не отрицаю «государственного творчества», о котором говорит г. Столыпин. Я только полагаю, что оно, как всякое творчество, должно быть свободным, т.е. прежде всего свободным от власти общественного мнения. Если художник, артист, писатель поставили бы своей «единственной заслугой умелое использование общественного сочувствия», я прямо сказал бы: это бездарности, это шарлатаны. Они могут обмануть толпу и пробиться в идолы, но это будут именно идолы, а не боги. «Художества свободны» — вот первый закон творчества. Все великие искусства, в том числе искусство власти, только тогда велики, когда независимы от мнений общества, когда «умелое использование» случайной моды не входит в их расчет. Я желал бы своему отечеству гениальной власти, которая никогда не слагала бы на общество своего творчества, которая не нуждалась бы сочувствия толпы, а которая, подобно правительству Петра Великого, Фридриха II, Наполеона, Бисмарка, в самой себе находила бы импульсы и великие цели. Как показывает история, творческая власть часто шла вместе с обществом, но нередко наперекор ему, причем в последних случаях ошибалась не власть, а общество.

Отрицая пагубную мысль, будто бороться с террором может «только само общество», утверждая, что если бы нынешняя власть нас покинула в этой борьбе, то мы принуждены были бы организовать новую власть и только через нее могли бы бороться с преступностью, я этим вовсе не отрицаю ни самостоятельности общества, ни его свободы. Совершенно напрасно А.А. Столыпин приписывает мне мысль, не только не разделяемую мной, но такую, против которой я давно сражаюсь по мере сил. Общество, бесспорно, имеет свои

политические права, но и власть имеет свои. Будемте держаться конституции, если хотим иметь ее. В Основных законах наших я не вижу, чтобы обществу было предоставлено право борьбы с преступностью и чтобы правительство было освобождено от обязанности этой борьбы. Напротив. В перечислении свобод в Основных законах я не вижу свободы следствия и суда над своими согражданами, свободы наказания их тюрьмой и казнью, свободы ограничения преступных организаций и т.п. «Право силы» в нашей конституции предоставлено всецело «силе права», т.е. закономерной власти, общему органу общества. Но те же Основные законы предоставляют обществу широкое поле самодеятельности и очень определенное право вмешательства в государственные дела — через представительство в парламенте. Вот этой самодеятельности и этому вмешательству (в виде контроля над властью) я сочувствую, ибо считаю, что жизнь тела столь же необходима для жизни сердца, как и обратно.

И от власти, и от общества я не требую чего-нибудь чрезвычайного. Я хотел бы только, чтобы власть была властью, а не подделкой ее под «общественное сочувствие» и чтобы общество было обществом. Не будемте путать функций. В самом деле, ведь опасно заставлять кишки работать за сердце и наоборот. Я страстно желал бы общество видеть самодеятельным, но в каком смысле? А вот в каком. Будемте хорошими работниками, каждый по своей части. Хорошая работа есть ежедневная дань государству, ежедневный вклад в общество, непрерывное накопление богатства умственного и материального. Накопление, согласитесь, лучше растраты. Чтобы быть хорошими работниками, будемте свободными художниками своего труда, т.е. людьми мужественными, независимыми от вкусов толпы, от изменчивого общественного сочувствия. Будемте, наконец, достойными гражданами, т.е. людьми, в самих себе подавляющими всякую преступность, — и тут наша «самодеятельность» безгранична. Если конституция не дает права хватать за шиворот своих ближних и подвергать их нашему самосуду, то все конституции допускают собственный самосуд. Например, если вы газетный клеветник и лжец и фальшивомонетчик слова, то никакая власть вам не перечит осудить свои скверные занятия и наказать себя, до способа, если угодно, унтер-офицерской вдовы включительно. Никакая власть не перечит вам любить родину и выслать в парламент людей любящих ее, разумных и стойких, лишь бы не преступных. Вплоть до преступлений конституция признает самодеятельность общества. Признаю и я ее в тех же пределах.

А.А. Столыпин просит, чтобы ему «указали реально, в чем должно проявиться усиление власти, в каких поступках (с точным их перечислением), в каких мероприятиях». Если угодно, я в следующей статье отвечу. Но должен заметить раньше, что «усиление власти» проявляется не в тех или иных поступках и мероприятиях, а в силе всяких

поступков, всяких мероприятий. Если поступки власти достигают цели, я считаю власть сильной. Если цели эти умны, я считаю власть умной. Если в итоге устанавливается «на земли мир и в человецех благоволение», я первый присоединяюсь к мнению херувимов и говорю: «Слава Богу!»

...Первый и неотложный долг власти, желающей быть сильной, — это соорганизоваться на своем собственном посту. Необходимо, чтобы во главе министерства стал человек большого ума и большой воли. Если этим человеком окажется А.А. Столыпин, я буду искренно ему аплодировать. Всякое творчество единолично; не говоря о художественной статуе, — попробуйте вы слепить горшок в компании с десятью человеками. Помощники правителю нужны, премьер-министру нужна коллегия министров, как для регента нужен хор. Спрашивается, похоже ли наше теперешнее министерство на спевшийся хор? Увы, нет. В общей работе министров и их исполнительных органов не чувствуется гармонии. Возьмите факты, лишь всем известные. Разве г. Столыпин знал о предприятиях г. Гурко, ближайшего своего товарища? Разве то, что делается в ведомстве просвещения, отвечает собственной программе премьер-министра? В министерстве представлены по меньшей мере три партии, причем ведомство, важнейшее в смысле борьбы со смутой, отдано кадетам. Мне кажется, элементарное соображение требует политического единства в составе власти. Нужно, чтобы не только все министры без исключения, но и все директора департаментов, все генерал-губернаторы, губернаторы, директора высших и средних школ и т.п. принадлежали к одной партии. Необходимо, чтобы в составе власти было установлено государственное credo и чтобы оно соединяло лишь искренно верующих в него. Различие основных мнений естественно в парламенте, но оно является верхом нелепости в правящем кругу. В парламенте сходятся для выработки закона, — правительству же приходится осуществлять закон. Разногласия тут является бредовым сознанием, которое во все поступки вносит судорожное бессилие. Мнения граждан, в том числе и министров, конечно, свободны, но в министры и правящий слой вообще должны подбираться люди, свободно пришедшие к единству взглядов. Нельзя держаться сразу всех политических программ. Как странно было бы сословное дворянство; ибо это отрицало бы самую природу сословий, так нельзя в корпорацию правительства допускать представителей разных партий, разных политических идеалов. Терпимость — вещь прекрасная во многих случаях, — превращается в глупость там, где по самой натуре, требуется нетерпимость, именно в области решений. Вследствие глубокого государственного упадка у нас от священников перестали требовать веры, от офицеров — храбрости;

кончилось тем, что от правительства не требуют единства воли. Не нужно, мол, определенной государственной программы, а если человек несколько смекает по своему ведомству, то и достаточно. Мне кажется, из разброда мысли на верхах власти идет пагубная вялость действий, безотчетная обструкция «сфер» друг другу, отсрочка, затяжка, обход сколько-нибудь решительных мер. Для побеждаемого зла постоянно оставляются лазейки и выходы. Как будто, лелея бунт, нарочно стараются кое-что сберечь на семена.

Сорганизовав подбор согласных людей с общею политической верой, правительство не будет нуждаться в указаниях, что ему делать, чтобы подавить бунт. Оно предпримет не какие-нибудь иные, а те же поступки и те же меры, но лишь с решимостью их выполнить, а не только выложить на бумагу. Сильное правительство поймет прежде всего, что с бунтом нужно спешить, как с пожаром или чумой. Нестрашные в своем начале, все серьезные бедствия в конце уже неодолимы. Поэтому откладывать решения на завтра, если они целесообразны сегодня, — политика самая плохая. Именно потому, что в составе власти есть люди нетвердых мнений, — замирение России идет черепашьям ходом. Именно по этой причине министры колеблются, вступают в спор с лидерами оппозиции, думая заговорить их или переспорить. Именно отсюда возникает странная мысль, что правительство не может подавить террор, а может это сделать «только само общество». Но ведь эта мысль в сущности, не далека от объявления забастовки власти. Мотивы ее не далеки от тех, которыми объясняет свою забастовку неучащаяся молодежь: «пока общество неспокойно, мы работать не можем». Мне кажется, первым делом преобразованного кабинета был бы твердо поставленный лозунг — «не ждать лучших времен», а немедленно принимать меры, притом исчерпывающие вопрос. Громадное большинство решений только тем и плохи, что они нерешительны...

Если А.А. Столыпин непременно требует инвентарного перечисления мер, необходимых для усиления власти, то я мог бы повторить то, о чем говорил не раз.

а) Нужно, чтобы прокуроры и судьи наши были действительно прокурорами и судьями, а не казенной организацией, служащей кое-где для защиты преступников от закона. Кажется, сам же А.А. Столыпин сообщал в печати о председателе суда, торжественно вручившем оправданному бунтарю револьвер, снятый со стола вещественных доказательств.

б) Нужно, чтобы тюрьмы были тюрьмами, а не разохшимися бочками, из которых утекает содержимое. По сегодняшним, например, известиям из Вятской губернии, в Слободском уезде за шесть дней бежало 12 человек, в Малмыжском — двое, в Орловском — 21 человек., в Глазновском за три недели убежал 61 ссыльный. «В некоторые дни бегут по 7–8 человек».

в) Нужно, чтобы ссылки были действительно ссылками, т.е. местами изоляции преступного элемента от мирных граждан, а не местами заразы последних, не очагами распространения смуты.

г) Нужно, чтобы надзор над революционной печатью был не мнимым, а действительным надзором, причем преследование преступности должно быть пресечением ее, а не рекламой для дальнейшего распространения.

д) Нужно, чтобы инспекция и полиция всех видов были приведены в соответствие не с тем состоянием, в каком Россия находилась полстолетия назад, а с современным ее состоянием. Если один инспектор приходится на полсотни книжных магазинов и на десятки типографий, если на громадные скопления народа в десятки тысяч приходится пара городских, вооруженных археологическими пистолетами, из которых они не умеют стрелять, — то такая опереточная обстановка, естественно, не погашает бунта, а плодит его.

е) Нужно, чтобы во главе казенно-революционных заведений, каковы средние и высшие школы, были поставлены люди, не сочувствующие революции. Учительский персонал должен быть тщательно проверен и «товарищам», носящим вицмундиры, должна быть открыта дверь. Автономия, превратившаяся в право заводить на казенный счет республики и составлять революционные армии, должна быть отменена. Академический союз профессоров, руководящий учебной обструкцией, должен быть распущен. При сколько-нибудь серьезном сопротивлении бунтующие школы должны быть закрыты с лишением государственного жалования преподавателей и профессоров.

ж) Так как войну с правительством ведут инородцы при деятельной поддержке свихнувшейся части интеллигенции и народа, то нужно поставить и инородцев, и служебную интеллигенцию, и воюющий народ в условия, при которых война была бы для них затруднительной. Как это сделать — вопрос политического искусства, именно того творчества, о котором говорит А.А. Столыпин. Во всяком случае, едва ли к усилению власти служит такой творческий акт, как передача целых ведомств в руки поляков и евреев, или содержание на службе, с наградой чинами и орденами, десятков тысяч кадетов и эксдеков.

Подавляя бунт рукой железной, правительство одновременно обязано вырывать корни бунта, а эти корни — в самом правительстве. Они в системе старого хозяйства, где ленивые и праздные люди кормились на счет трудовых классов. Никакие тюрьмы, никакие виселицы не спасут государство от народного мятежа, если не будет восстановлен разум в самих основах власти, если поруганная справедливость не будет поставлена как первый принцип. И народу, и обществу не только должны быть обещаны политические права, но должны быть и даны. Парламент должен не только созываться, но правильная работа его должна быть обеспечена, притом одинаково — от вмешательства бюрократии и от вторжения буйных

элементов как слева, так и справа. Следует признать, что только тот парламент есть парламент, который усиливает способность власти достигать ее целей. Таким парламентом явилось бы правительство от трудовых корпораций. Только такое деловое представительство могло бы внести строгий контроль над администрацией и национальный разум в законодательство... Чтобы обеспечить работу делового представительства, следует оберегать его от проникновения элементов, портящих его: от инородцев, от революционеров и от невежественной черни. Сверх всего перечисленного и многого другого власть, желающая быть сильной, обязана всемерно поднять военные силы страны, собрать «дружину храбрых», без которых государственная сила — звук пустой.

Вот беглый перечень практических мер, которые могли бы существенно поднять значение власти. Вместе с силой к ней вернулось бы достоинство, вернулось бы мужество и тот драгоценный секрет порядка, что сейчас как будто затерян: доверие народа к власти.

(Письма к ближним. 1907. Август. С. 514–522)

Задачи будущего

Помянув с благодарностью все великое, что было в прошлом, невольно обращаешься к будущему, ибо сердце будущим живет. За истекшие триста лет Россия многого достигла, но далеко не всего. Общее впечатление такое, что и теперь, как триста лет назад, мы находимся на переломе истории, на пороге громадных, еще не осуществленных возможностей, которые могут или низвести Россию в пучину бедствий, или, наоборот — придать ей новое, несравнимое с прошлым, величие. Много сделано, но что еще осталось сделать, дабы потомство наше встретило новые государственные юбилеи с более удовлетворительным и гордым чувством?

Со стороны и внешнего, и внутреннего благополучия нынешняя Россия — правда, в более огромном масштабе, напоминает Московскую Русь, вышедшую из великой Смуты. Внешний враг отражен, крамола подавлена, но все еще чувствуется напряженное давление и внутреннего революционного духа, и нынешней жадности. Как и в начале XVII столетия, ближайшие западные и восточные соседи наши, видимо, очень желали использовать нашу временную слабость. Роль польско-литовского государства как бы перешла теперь к австро-венгерской монархии. Роль Швеции — к Германии. Роль крымского хана и непокорных

азиатских орд перешла к Японии и Китаю. Если Россия сильно выросла за триста лет, то в чудовищной степени выросли и соперничающие с нами стихии.

При всем миролюбии нашем нельзя забывать, что жребий войны и мира в руках Промысла, и совершенно невероятно, чтобы в следующие триста лет мы не были вынуждены воевать. Напротив, элементарный здравый смысл повелительно убеждает, что войны как были, так и будут, и если в конец расстроенное нашествиями и мятежами царство Михаила Федоровича не обошлось без войн, то, наверное, придется воевать и нам, и может быть, в ближайшем будущем. Странно было бы, если бы столь великое существование, как империи Российской, ровно ничего не стоило народу и не требовало бы от него ни малейших жертв. Мы присутствуем при новых титанических вооружениях ближайших соседей, не скрывающих, что эти вооружения направлены чуть не главным образом против нас.

Худо ли, хорошо ли, Московская Русь, оправившись от смуты, разбила всех своих соседей. За триста лет Россией многократными победами сокрушены три великие державы XVI века: Швеция, Польша и Турция. Да сверх того одержаны были блестящие победы над Пруссией Фридриха Великого, над Францией Наполеона I, завоевано Крымское царство и необъятные владения в Азии. Если бы история повторялась, то в предстоящие триста лет нам пришлось бы то же самое сделать с немецкими и монгольскими империями, что мы сделали с заслонявшими их народами. Кто знает, — может быть, это и совершится. Желая своей родине счастья и славы, я вовсе не хотел бы новых несчастных войн, — я только желаю, чтобы все неизбежные войны являлись победоносными для нас. Войны подобны болезням: всего лучше не болеть, но раз вы заболели, непременно нужно одолеть болезнь, и к такому сокрушению всех болезней следует заранее готовиться с величайшим старанием. После иных болезней, если они преодолены, хворавший организм расцветает с еще большей силой, ибо, истребляя одного явного врага, природа наша тем же крайним напряжением губит немало тайных, зачаточных врагов, незаметно подгрызавших корни здоровья. При всем миролюбии народа русского я не думаю, чтобы нам удалось избежать войны с Австрией и с Китаем. Как первым царям Романовым нужно было от Польши возвратить «отторженную» Белую и Малую Россию, так и нашему потомству предстоит вернуть от Австрии до сих пор плененную вотчину св. Владимира — Червонную Русь. Можно не спешить с великими историческими задачами, но забывать их вовсе не следует. Нынешним ли летом грянет война с Австрией, или в 1915 году, или в 1925-м, — мы должны готовиться к великому поединку с вполне определенной задачей — остаться победителями.

Я лично не разделяю мечты славянофилов о создании великой славянской империи («Славии», как неудачно называют ее славянофильствующие чехи). Следовало бы сделать все нетрудное, чтобы такая империя осуществилась, но добиваться во что бы то ни стало ее,

рискуя своим существованием, России нет оснований. Германская империя потому сложилась, что она уже существовала свыше тысячи лет, хотя и в крайне своеобразном, близком к анархии виде. Сложиться нетрудно тому, что заложено в потенции и чему не достает лишь толчка для соединения. Славянской империи, к сожалению, никогда не было. Отдельные славянские народы не обнаруживали никакого химического сродства. Они не тянули друг к другу, а скорее были заряжены силою отталкивания и расхождения. Если бы маленькие славянские народы, высвободившиеся из-под гнета Турции, помогли таким же маленьким славянским народам высвободиться из-под власти Австрии, то в благодарность за нашу помощь при этом, может быть, явилась бы мысль о славянской федерации. Противиться такой мысли в будущем, конечно, не следует, но и ставить ее серьезной целью нет причин. Собственно, мы, русские, ничего не ищем в славянстве, кроме одной лишь подъяремной Руси. Только русское племя должно быть воссоединено с Россией, — остальные же славянские племена, как достаточно показывает пример Польши, не составляют выгодного для нас приобретения, и едва ли они сами желают вечного с нами союза. С внешней стороны Россия могла бы быть совершенно удовлетворена, если бы через триста лет граница наша с Западом опиралась на Неман, и на Карпаты, и на свободный выход из Черного моря. Подвинуться к западу еще столько же, сколько мы подвинулись за истекшие триста лет, и невозможно, и не нужно. Трудно допустить также слишком большое расширение нашей державы и в Азии, хотя самый ход вещей может быть вынудить нас дойти к югу до Персидского залива, а в центре Азии — до Великой Китайской стены и Гималаев. Если на Западе мы соседим с густо населенными и твердо сложившимися национальностями, то на юге и востоке до сих пор наша граница не имеет прочного упора, колеблясь в пустынных или полупустынных, охваченных всегдашней анархией пространствах. Важнейшею задачей будущего является разделение белой и желтой расы, и вероятно, в Азии нам предстоит еще немало войн. Пожелаем, чтобы мудрая государственная власть обеспечила обиженному природой народу русскому побольше места под южным солнцем. Если мы навеки лишены незамерзающих океанов (воздухоплавание сгладит этот недостаток), — так пусть по крайней мере будет упрочено за нами побольше тепла и света на материке. Раздел земного шара начался еще до Романовых, — он продолжается и теперь, и вероятно, XXI век увидит человечество окончательно размежевавшимся. Нашему поколению и ближайшему потомству следует напрочь все усилия, чтобы не лишиться приобретений предков, а умножить их. Если для нас прошли века завоеваний, то еще не прошло время, когда ближайшие слабые народы сами стремятся под наше покровительство. Подобно Хиве и Бухаре, под крыло России жмутся Монголия, Маньчжурия, Тибет, Персия, Турецкая

Армения. Тяготение это нужно использовать более искусно, чем мы использовали в свое время тяготение к нам балканских славян.

Обратимся к внутренним задачам. Чего следует страстно желать и чего добиваться в ближайшее столетие?

Первейшею из великих задач я считаю организацию труда народного. Так как труд есть единственный источник средств, то прежде всего следует расчистить этот источник и дать полный выход народной энергии. Надо поставить основной целью то, чтобы сто миллионов рабочих рук ежедневно работали в России до утомления. Пусть треть населения империи — дети, слабые женщины, старики, будут свободны от тяжелого труда, но остальные две трети нации должны вставать рано утром для того, чтобы по крайней мере половину дня работать с кипучим одушевлением. Труд не только дает богатство, которое страхует жизнь от бедствий нищеты, — труд дисциплинирует душу, труд просвещает, труд дает благородный облик, уподобляя человека Творцу. Только трудящийся человек нечто создает, — праздный всегда истребляет, и сумма праздных граждан в период их рабочей способности всегда напоминает армию Тамерлана, рассеянную по стране. Они поедают, подобно саранче, то, что не сеяли. Перерождая людей в паразитов, праздность развращает высшие слои общества до злодейского типа прожигателей жизни вроде Долматовых и Гейсмаров и развращает низшие классы до дикого хулиганства. Расстройство труда народного, раскрепощенного 50 лет тому назад, составляет опаснейшую язву народной жизни. Борьба с этой язвой, к счастью, ведется, но недостаточно энергически, ибо преступность — дочь праздности — все растет и растет. Только в нынешнее царствование предпринята великая реформа землеустройства. Она составит самую светлую страницу нашей истории, но она уже сейчас обессилена отсутствием необходимых законов — вотчинных, полицейских, судебных. Недавно же приступлено к государственному страхованию рабочего труда, к организации мелкого кредита и народных сбережений. Хотя уже чувствуются бесспорно благие результаты этих начинаний, но последние тормозятся общей бюрократической обструкцией нашей жизни. Раскрепощение крестьянства из губительных условий общины необходимо, но столь же необходима немедленная забота о том, чтобы хуторское хозяйство обеспечено было от разбойничества деревенской черни, от ростовщического кредита, от крайнего дробления переделов, от инерции слишком низкой хозяйственной культуры и от многого другого, что разрушает здоровую ткань народную. Нужно ли прибавлять, например, что, оставляя ужасающее народное пьянство в теперешнем виде, правительство обрекает все, даже величайшие, реформы свои верной гибели?

Борьба с пьянством народным должна составить одну из благороднейших задач власти, и эту борьбу нельзя откладывать на дальнейшие века. Необходимо, как при пожаре,

действовать немедленно и не жалея сил. Собственно, и великая московская Смута, юбилей победы над которой мы празднуем, — возникла в значительной степени на почве пьянства. Хотя спирт проник в Россию одним лишь столетием раньше Смуты, но при легкости и дешевизне выработки он в одно столетие привел к развитию пьянства прямо чудовищному. И русские бытописатели, и проповедники, и иностранцы отмечают безобразные формы пьянства того времени: не только простолюдины, но даже священники валялись пьяными по улицам. Рабочие люди пропивали все и поступали в кабалу, знатные люди опивались до смерти. Возможно, что именно этот разлив пьянства способствовал упадку благочестия и государственной дисциплины, что облегчало для авантюристов того времени способы бунтовать городскую чернь, казачество и крестьянские массы разными соблазнами самозванщины. Несомненно, что и нынешнее развитие в народе разбойного и мятежного духа стоит в теснейшей связи с алкогольным вырождением, отмечаемым учеными психиатрами. Пока правительство не возымеет мужества сознать пагубность теперешней питейной политики, все остальные заботы о народных массах будут оставаться призрачными.

Величайшею задачей государственности в либеральных кругах считается борьба с невежеством, выражающаяся в постройке бесчисленных школ и в обязательном обучении детей. Я думаю, что ходячие взгляды в этом деле ошибочны. Школы, как они у нас поставлены, не дают образования, и грамотные крестьяне часто более невежественны, чем безграмотные. Безграмотные крестьяне путем непосредственной передачи народной мудрости и морали узнавали от старших поколений многое, что возвышало ум и душу, что просвещало совесть и облагораживало поведение. А необходимость трудиться с лет младенческих обогащала множеством сведений и практических искусств. Нынешняя школа, где грамота сближает детей с дурною литературой, дает множество пустых и ненужных знаний, а многих необходимых народу не дает. Учителя народные, сами обученные на плохих книжках, передают бессодержательность своего мнимого образования и крестьянским детям, и в результате грамотный крестьянин вступает в жизнь часто менее религиозным, менее нравственным, менее приспособленным к труду, чем неграмотный. Не лишено значения и то, что деревенская школа, подобно средней и высшей, делается часто орудием противогосударственной и противорелигиозной пропаганды. Озверевший до преступности деревенский и городской пролетариат отличается повышенной грамотностью. Босяки, герои Горького, «бывшие люди» — все грамотные и развитые. Все это говорит за то, что великая задача просвещения народного в наступающий четвертый век царствующей династии должна быть обдумана более строго: как бы вместо добра из нашего просвещения не вышло худа. Мне кажется, народ нуждается прежде всего в семейном и религиозном

воспитании, затем в постепенном втягивании молодых поколений в практический труд, грамота же является благом лишь при условии, когда народу предлагается священное слово, а не поганое и действительно полезное знание, а не шарлатанская чепуха. Отрезвлением народным и организацией народного труда можно поднять нравы вообще и семейный быт в частности. Строгим законодательством и полицейскою охраной можно подавить анархию. Раскрепощением веры можно поднять религиозный дух в народе. Чьи бы нравственные проповеди ни звучали в народе — православные, инославные, раскольничьи, сектантские, даже языческие, — если они нравственны, они облагораживают народ и просвещают его. Если наше очинившееся и либеральное духовенство уронило св. Церковь до того, что она бессильна бороться с развращением народным и с ростом преступности, — то разрешите еще нетронутой совести народной те способы самозащиты, какие диктует инстинкт самосохранения. В России необходима великая религиозная реформа, и дай Бог, чтобы падающий до хулиганства народ вернулся к благочестию своих прадедов...

Трехсотлетний юбилей дома Романовых мы отпраздновали при зачатии нового народного представительства и при тяжком раздумье о возрождении Церкви через патриаршество. Нельзя сделать предсказаний, слишком решительных, ни для восстановленного в новых формах «земского собора», ни для все еще ожидаемого канонического уклада Церкви. Ведь все великие учреждения черпают свое величие не из декрета, а из общественного духа, которым они определяются. Будь наше племя не столь перемешано инородчиной, а более породистым и национальным, оно было бы, может быть, талантливее и сильнее характером. Будучи талантливее и тверже духом, оно создало бы более зрелую общественность, а не столь стихийную, как теперь. И государство, и общественная культура давно бы выработались в более определенных и более художественных формах. Достаточно сильный политический инстинкт создал бы потребность в народном представительстве более напряженную, и мы вместо зачаточного парламента давно имели бы вполне созревший. Достаточно сильный религиозный инстинкт создал бы неодолимую никакими канцеляриями потребность в более торжественном культе, и мы давно имели бы и патриарха, и собор епископов. С грустью нужно сознаться, что наша всяческая отсталость от Запада, — религиозная, политическая и культурная, — имеет глубокое и темное основание в самой природе нашего племени, еще не вполне сложившегося как раса. Да будут последующие столетия благоприятнее истекших. Да пошлет нам Господь правящий класс, одушевленный национальным разумом и государственным патриотизмом. Состояние России чрезвычайно запутанное, но нет таких запутанных состояний, с которыми не справился бы человеческий гений. На переломе веков, владея державной мощью, народ русский должен проклясть свое малодушие, праздность, пьянство, невежество, цинизм,

влекущий к преступности. Все падающее пусть падает и проваливается в вечное забвение, — все же способное восстать из мертвых пусть призовет имя Божье и память благородных предков и пусть деятельно выступит за лучшее будущее. Лучшим же будущим следует считать такое, когда народ будет неустанно трудолюбив, свободен, трезв, просвещен религией и любовью к родине, заслуживающей этой любви. Еще триста лет тому назад мировые условия вынудили нас вступить в состязание с культурными народами. Из века в век это состязание делается более трудным и сложным, захватывая все свойства племени, физические и интеллектуальные. Будем так жить, чтобы через три века никому на свете не завидовать, а возбуждать лишь зависть и общее уважение народов.

(Письма к ближним. 1913. Февраль. С. 130–134)

П. Бердяев
СВОБОДНАЯ РОССИЯ

Личное благо и сверхлические ценности

Два взгляда на общественную и историческую жизнь противостоят друг другу, и борьба их есть избрание разных ценностей, есть служение разным богам. Для одного, позитивистически-гуманистического взгляда высшая, цель — в благе каждой отдельной личности, выше которого уже нет ничего. Пафос этого взгляда — в равенстве всех человеческих личностей. Не свобода и не творческие порывы личности вдохновляют тех людей, которые приняли этот взгляд на жизнь. Свобода личности подчинена равенству личностей. Главная цель полагается не в том, чтобы были достигнуты высшие качества личности, высшая ее свобода, высшее ее цветение, чтобы в ней раскрылись творческие ценности, а в том, чтобы все личности достигли одного уровня, чтобы ни одна не была повышена или понижена на счет других, чтобы горы были уравнены с долинами, чтобы ни одна личность не была жертвой чего-либо высшего, чем человек, чтобы каждая личность признавалась равноценной другой личности, независимо от ее качества и достижений. В этой теории личности никакой роли не играет само содержание личности, ее большая или меньшая ценность, ее качественная сила, ее особенность и неповторимость. Личности должно быть отведено место в жизни не в меру ее духовной энергии и качественных ее достижений. Равное место для каждой личности определяется механически. Пафос такого персоналистического взгляда не творческий а распределительный. Идея творческой личности совершенно чужда этому сознанию. Всякое творческое возвышение признается опасным для уравнительной и распределительной справедливости. Теория личности в русском народничестве была не творческой, а распределительной теорией, направленной прежде всего и более всего против разделения труда и против дифференцированности общества. Такую теорию личности и борьбы за индивидуальность блестяще развил Н.К. Михайловский. Он, в сущности, боролся за безличную личность, за личность всякую и всех, за равенство личностей, за индивидуальность, лишённую всякой индивидуальности. Во имя такой личности общество должно сделаться серым, однородным, бескрасочным, должны быть обесценены все сверхлические ценности.

Такого рода торжество личности было бы отцветанием общества, наций, государств, отрицанием исторических задач с их великой далью. По терминологии Ницше, окончательно восторжествовала бы мораль любви к ближнему над моралью любви к дальнему. Эта

персоналистическая мораль отвергает жертвы, которыми покупаются движение истории, создание государств, творчество культур. Самым крайним выражением такого рода морали является толстовство. Л. Толстой — крайний индивидуалист в отношении ко всему историческому, и индивидуализм его действует разлагающе, агонизирующее. Во имя частного, индивидуального человеческого блага Толстой отвергает всемирную историю с ее жертвами, страданиями, с ее далекими целями. Разделение труда, дифференцированность общества, исторический иерархизм для Л. Толстого, как и для Н. Михайловского, — главный источник зла. Есть два типа индивидуализма — индивидуализм Толстого и индивидуализм Ницше — их отношение к поставленной мною теме прямо противоположно. Учение Толстого очень озабочено благом каждой личности, но оно в высшей степени неблагоприятно для яркого, творческого проявления личного начала. Ницше совершенно не интересуется благом личности, всякой личности, но весь он есть призыв к яркому, творческому проявлению личного начала, устремляет личность к дальнему, к сверхличным целям. В этом скрыта некая антиномия. Учение, которое базируется на благом личности и во имя его отвергает сверхличные ценности, оказывается неблагоприятным для личного творчества, для личного цветения. Учение же, которое прежде всего обращено к сверхличным ценностям, к сверхчеловеческому, к дальнему, к горному, очень благоприятно для личного творчества, для личного цветения. Все творческие личности в истории по пафосу своему ближе к Ницше, чем к Толстому. Творческое личное начало неизбежно предполагает возвышение, восхождение, неравенство. Дух уравнивания убивает личность, подрезывая крылья. Индивидуализм Толстого, в сущности, крайне враждебен личности, не знает лика. Также имперсонализм Михайловского — кажущийся призрачный. Живой, творческой личности, действующей в живой, творимой истории, нет ни у Толстого, ни у Михайловского. Творческая личность не может не быть обращена к сверхличным ценностям как к дальнему. За утверждением величия государства может стоять сильная творческая личность. За позитивистически-гуманистическим отрицанием государства во имя личного блага, во имя частного может не оказаться личности, может быть серая, безличная масса. Народничество толстовского типа всегда погружается в коллектив и там ищет критериев истины.

В сущности, социализм основан на такого рода позитивистически-гуманистическом учении о личности, хотя и недостаточно раскрывает это учение. Даже в марксистском социализме можно открыть моралистическое учение о том, что в основе истории, в основе культуры, в основе государства лежит грехопадение неравенства, возвышение одних и понижение других, жертва благам личностей, составляющих народ. Так посылает марксистский социализм проклятие всей предшествующей истории как греховной и

преступной. В этом марксизм неожиданно сходится с толстовством. Настоящая, добрая история, внутренне оправданная, начинается только с социализма. В прошлом было царство злой необходимости, в будущем человечество ждет царство благой свободы. Связь времен разрывается. Нет исторической преемственности в жизни народов, да и самих народов не существует. Народ превращается в агломерат индивидуумов и групп, руководимых интересами. Никаких исторических задач, завещанных предками, полученных от прошлого, марксистский социализм не признает. Он бессилён выйти из истории, он целиком пребывает в ее необходимости, у него нет религиозной силы преодоления истории, но есть претензия начать историю от себя, сначала. Так подписывает марксистский социализм смертный приговор историческим нациям и государствам и повергает человеческую массу в отвлеченный интернационал, превращает ее в отвлеченный международный пролетариат, который и оказывается истинным человечеством. В этом новом, отвлеченном человечестве от личности не потребуется уже никаких жертв во имя сверхличного, благо всякой личности, равной всякой другой личности, будет поставлено во главе угла. Произойдет обобществление личностей, но исключительно во имя их блага. Государство погибает, когда прекращается жертвенность личности и ее подчинение сверхличным святыням. Погибает нация, когда она распадается на отдельные индивидуумы и классы, скрепленные лишь механически, не желающие знать ничего выше себя.

Общество, которое будет основано на такого рода номиналистическом индивидуализме, К. Леонтьев не без основания называл «упростительным смешением», т.е. отцветанием народов и государств, и противопоставлял ему общество периода «сложного цветения», когда были и более яркие, творческие, возвышающиеся над средним уровнем личности...

Настоящий расцвет личности, ее творчества, ее гениальности возможен лишь при признании сверхличных целей и сверхчеловеческих святынь. Без этого личности некуда подыматься, она исчезает в собственной пустоте. Теория личности Михайловского, столь дорогая нашим социалистам-народникам, делает личности серыми и однородными. Яркость личного начала, цветение его связано с возвышением и не терпит задержки во имя уравнения, не терпит оглядки на других, как бы их не обогнать. Духовный демократизм, который есть обратная сторона такого рода персонализма, хочет сделать личность безличной, неоригинальной, угасить в ней волю к гениальности. Позитивистически-гуманистическое учение о личном благе, стоящем превыше всего, угашает человека и угашает общество и государство, понижает качество бытия во имя количеств. Второй тип мирозерцания переносит центр тяжести с количества на качества, для него выше всего не благо и удовлетворение личности, а ценность и святыня, не то, что рассудочно и

рационально признается выгодным и нужным для эмпирической жизни людей, а то, что иррационально и мистически нужно для высших, далеких, таинственных целей жизни. Душа человеческая имеет бесконечную ценность, но эмпирическая, земная жизнь людей не может обладать такой ценностью. Победа второго типа мирозерцания и отношения к жизни повышает творческую оригинальность личности и само общество делает более ярким, красочным, разнообразным, — нации и государства цветут, имеют стиль. Необходимо окончательно разбить тот предрассудок русской народнической социологии, что для того, чтобы личность была дифференцирована, общество должно быть нивелировано, серо и упрощено. Необходим качественный подбор в жизни народов, государств, в их культурах. Когда отцветают народы, государства и культуры, отцветают и личности. Личности не могут вести отвлеченного существования, они живут в великих целостях, в своих национальных культурах. Мы стоим на распутье, два пути раскрываются перед нами, два духа противостоят один другому. Один из путей, один из духов, вдохновляющих на этом пути, есть путь к небытию, есть дух небытия. Это нужно раскрыть и разоблачить. Исключительное господство точки зрения личного блага очень неблагоприятно для раскрытия личности в России, для укрепления личной инициативы, личной ответственности.

Народническое и национальное сознание

Очень своевременно теперь вдуматься в то исконно русское направление и настроение, которое носит наименование «народничества». В нынешний час русской истории происходит острое столкновение сознания «народнического» с сознанием «национальным» и явно преобладает первый тип сознания. В народничестве есть что-то очень русское, очень национальное даже в самом своем отрицании национальности, и оно принимало самые разнообразные формы, от самых религиозных и мистических до самых материалистических, от самых правых до самых левых. Крайности у нас всегда сходятся, наша черная и красная стихия — одна и та же стихия. Преобладание эмоциональной стороны человеческой природы, жизни чувства над стороной волевой и мыслящей, отрицание закона и нормы — одинаково характерно и для нашего правого, и для нашего левого народничества. Народниками были славянофилы и социалисты-революционеры, толстовцы и интеллигенты-революционеры, которые в 70-х годах шли в народ, народником был Достоевский, и народником был Михайловский. И русские социал-демократы, которые начали свое существование с борьбы против народничества, в сущности, психологически и морально остались народниками и сейчас, во время революции, находятся во власти всех народнических иллюзий. «Большевизм» есть, конечно, революционное, анархически-

бунтарское народничество. Народничество всегда имело особенное обаяние для души русского интеллигента, и от него не могли освободиться даже величайшие русские гении, как Толстой и Достоевский. Редкое исключение представлял Вл. Соловьев, который не был народником. В русской общественной мысли за последние десятилетия наиболее решительным противником народничества был всегда П.Б. Струве, и быть может, в этом нужно искать причины враждебного к нему отношения в некоторых интеллигентских кругах.

Русские революционеры, русские социалисты и анархисты, как бы фанатически они ни исповедовали западные учения, всегда были по природе своей восточниками, а не западниками. Русское народничество — анархично и женственно, в нем нет мужественного овладения стихией как начала оформляющего...

Демократизм в России слишком часто может быть отнесен на счет остатков старого, а не рождения нового. Личное начало никогда не было у нас сильно выражено, личность чувствовала себя пребывавшей в первоначальном коллективизме. Классы были мало развиты в России и мало активны, у них не образовалось настоящих культурных традиций. Россия представляла собой темное мужицкое царство с самодержавным царем во главе. Сама идеология самодержавия была у нас народнической. Сильна у нас вера в то, что Россия навеки должна остаться естественным, органическим мужицким царством, которое раскроет из себя высшую правду. Культурный же слой был у нас очень тонок, чувствовал себя потерянным в таинственной необъятности мужицкого царства и из чувства самосохранения искал опоры в этом царстве, идеализировал народную стихийность, пытался подслушать ее понимание правды. Народнические чувства и народническое сознание угашали творческие порывы, нравственно отравляли сами источники творчества духовной культуры, так как в творчестве видели уклонение от исполнения долга перед народом или измену народной правде.

Народничество нашего интеллигентного, культурного слоя определялось не только русской сострадательностью к униженным и оскорбленным, не только совестью, но и недостатком духовного мужества и духовной свободы, слабым развитием личного достоинства и самостоятельности, потребностью найти опору вовне, сложить с себя ответственность, на других переложить активность духа в отыскании и определении правды. Народничество всегда было в России какой-то лжесоборностью, лжецерковностью. Сама христианская церковь, по природе своей вселенская, получила в России резко народнический отпечаток. Церковь определилась как русская мужицкая церковь по преимуществу, в ней женственная народная стихия возобладала над мужественным Логосом. Она попала под власть государства, потому что внутри самой народной церкви русские анархические начала были сильнее начал организующих, начал истинного самоуправления. Высшая духовная

иерархия деспотически правила церковью, как чиновничество, им поставленная государственной властью бюрократия, но никогда не была самоуправлением церкви, никогда не играла руководящей духовной роли. Русское народничество, если взять его глубже, было обратной стороной порабощенности народа, отсутствия самоуправления в народной жизни, вечной зависимости от чужой власти. Порабощенность духа сказалась в народническом сознании. Для этого сознания источником правды и истины является не Логос, не разум и совесть, не Божественное внутри человека и внутри церкви, а эмпирический народ, понимаемый как простонародье, как трудящийся физически, близкий к земле и природе. Не в качестве нужно искать источников правды, а в количестве, в народном большинстве. Одни религиозно, другие материалистически искали правды в народной мудрости, в серой массе уповали открыть истину. Потребность погружения в стихийный коллектив — характерно русская потребность. По слабости сознания она переживается как потребность в религиозной соборности. Народничество переходило у нас в народопоклонство, в поклонение эмпирической данности. Народ брался у нас как эмпирическая данность, т.е. как количество, а не как качество. Этим грешили не только народники-материалисты, но и народники-мистики. У народников второго типа был соблазн увидеть в народе как данности истинную церковь. На этом пути церковь теряла в своей универсальной качественности и подпала под власть количественной эмпирической данности...

Для народнического сознания народ не есть великое целое, в которое входят все классы, все группы, все человеческие личности, не есть соборная личность, существо, живущее тысячелетие своей самобытной жизнью, в котором прошлое и будущее органически связаны и которое не подлежит никаким социологическим определениям; для этого сознания народ есть часть, социальный класс физически трудящихся, крестьяне и рабочие, более всего прежде всего крестьяне, все же остальные выпадают из народа, отщепенцы народной жизни. От этого социально-классового понимания народа не свободны и те народники, которые стоят на религиозной почве. Религиозное народничество славянофилов всегда под словом народ понимало простонародье, верное старым русским устоям и заветам, и очень связывало себя с материальными условиями жизни, с крестьянской общиной, с натуральным хозяйством, с патриархальной демократией. И это есть материализм, прикованность духа к органической материи, это есть натурализм, обращенный назад, к остаткам первобытной жизни. Но в славянофильстве было заложено и другое понимание народа, свободное от социально-классовых определений, от скованности материальными условиями жизни. Русский народ есть прежде всего некое метафизическое единство, некий мистический организм, субъект тысячелетней русской истории, не определяемый никакой социально-классовой структурой, не связанный в своей глубине с

материальными условиями. И самое совершенное свое выражение русский народ, как мистическое целое, находит в русском гении, в Пушкине, Достоевском и Толстом, которые принадлежали к культурному слою, а не к простонародью. Так было у всех народов. Народность не зависит от принадлежности к классу, от материальных условий жизни, народность есть чисто духовная категория. Каждый русский человек должен сказать себе: я сам народ, моя собственная глубина и есть глубина народной жизни. Народность раскрывается внутри, а не вовне, я чувствую себя народом и народным, когда я не на поверхности, а в глубине, где увлекаются все сословные и классовые социальные оболочки, и из этой глубины звучит голос народа. И те, которые находятся в самой большой глубине и преодолевают поверхностные оболочки, те и являются истинными выразителями народа, народной души...

Народническое понимание народа давно уже подверглось социологическому разложению. Народа в социологическом смысле просто не существует, он распадается на классы, подклассы, группы с разнообразными интересами, с разнообразной психикой. И крестьянство не представляет в чисто социальном отношении единства, оно уже значительно дифференцировано. Марксизм нанес непоправимые удары старому народническому сознанию с его верой в органическую цельность народа, с его цеплянием за остатки первоначальной, патриархальной демократии в России. Народ материалистически не может быть воспринят. Подлинно существует лишь народ в метафизическом смысле слова, и только этот народ глубже всех социальных оболочек. Народ есть мистический организм, который был уже тысячу лет тому назад, и пребудет в вечности. В современном французском народе с его буржуазной культурой мы узнаем черты средневекового французского народа с его старинной доблестью, так ярко вспыхнувшей во время войны, с его старой рыцарской культурой. И в современном русском народе мы узнаем черты народа смутной эпохи и даже удельного периода — народа, в котором доброта и смирение перемешаны со склонностями к анархии и раздорам. Существует единый в своей неповторимости индивидуальный народный лик, который может быть искажен, но не может быть уничтожен. Этот народ, не поддающийся никакому социологическому определению к разложению. Есть нация и опознается он в национальном, а не народническом сознании. Выразительницей и носительницей национального сознания должна быть высшая интеллигенция страны, духовная аристократия, состоящая из личностей более высокого качественного уровня. Национальное сознание есть сознание качественное, а не количественное. Народническое же сознание было, в конце концов, преклонением перед количеством, перед простой массой; оно покоится на вере в имманентную правду массового коллектива, правду бессознательной простоты. Народничество есть отказ от всяких сложных

мировых задач, выходящих за пределы видимого горизонта, оно стремится к облегчению через упрощение. Высшее национальное сознание должно хранить сотворенные ценности и творить новые ценности народа как великого исторического целого; оно связывает далекое прошлое с далеким будущим. Ценность великого русского государства, завоеванная русским народом в долгой и мучительной истории, понятна лишь для национального сознания и не понятна для сознания народнического, которое всегда имело анархический уклон. Народническое сознание считает вполне возможным отвергнуть смысл всей русской истории и вернуться к ее истокам, чтобы проделать всю историю сызнова, без неправды государства и неправды культуры. На дне народнического сознания всегда лежит чувство, отвергающее государство и культуру как купленные слишком дорогой ценой. Но если верить в бессознательную правду народа, то неизбежно признать, что народ в своей подсознательной стихии согласился купить дорогой ценой государство и культуру и не остановился перед тысячами жертвами. Лишь крайний рационализм может признать в этом насилие над народом, эксплуатацию народа. Национальное сознание постигает место России в мире и ее великое призвание, для него существует прежде всего целое, а не части, для него не безразлично величие и сила России. Народническое сознание — прежде всего провинциальное и частное и в этих чертах своих сознание мещанское.

Старый, реакционный русский национализм кончился. Необходимо новое, творческое национальное сознание, которое освободило бы от отравляющих воспоминаний и ассоциаций прошлого. Перед национальным сознанием стоит прежде всего великое творческое задание, долженствование, а не данность, которой мы довольны и перед которой идолопоклонствуем. Национальное сознание должно быть свободно от всякого шовинизма, от всякого самохвальства и самодовольства. Народничество в более глубоком смысле не менее реакционно, чем старый национализм; оно приковано к прошлому, оно мешает раскрепощению духа. Сейчас это старое, но по-новому переживаемое народничество раздирает единство русской революции, истребляет самую идею единой нации и мешает переходу к творчеству новой жизни. Народничество дает санкцию той вражде к культуре, к образованным, к людям духа, которая в нынешний день может превратиться в великое национальное бедствие, не меньшее, чем глад, мор и нашествие иноплеменников. Оно враждебно всякой производительности и жаждет раздела. Новое, творческое национальное сознание родится у нас в муках и испытаниях, через раздор и разделение. Лишь меньшинство сознает сейчас единство России, единство русского народа, лишь меньшинство обращено к ценностям великого целого. Но меньшинство может быть правее большинства и может духовно победить. Лишь духовное, религиозное перерождение русской демократии

приведет ее к сознанию великих, сверхклассовых, всенародных ценностей, обратит ее от интересов к правде и истине.

Россия и Западная Европа

До сих пор Россия представлялась Европе угрозой, в ней видели чуждую и таинственную силу, но Европа не принимала России внутрь себя. Западная Европа сообщала России свою цивилизацию, но ничего не хотела и не рассчитывала получить от нее, кроме сырья. На русское государство смотрели как на государство полуазиатское. Существование самобытной русской культуры Западная Европа не принимала всерьез. Душу России на Западе не умели понять. И наша соседка Германия, которая особенно претендовала цивилизовать Россию, менее всех хотела признать существование самостоятельной русской культуры. Германская самоуверенность не допускает мысли о том, что германцы могли бы получить кое-что духовно от России. На Россию смотрели исключительно как на предмет эксплуатации. Но Россия и сама недостаточно сознавала, что она может что-нибудь дать Западной Европе; в ней преобладало или ученическое и мечтательное отношение к Западу, или отталкивание от него и изоляция в восточном самодовольстве. Западническое наше сознание считало нужным лишь учиться у Запада, заимствовать западную культуру и смотрело на русский народ как на народ которой проходит начальную школу. В этом была доля истины, хотя и не творческой. Славянофильское же сознание изолировало Россию от Западной Европы, противопоставало ее ей и утверждало восточную замкнутость России как самодовлеющий высший тип. И в идеологиях русского радикального народничества не чувствовалось мировой шири и всегда была провинциальная замкнутость. Широкие круги левой русской интеллигенции не стояли на высоте европейской культуры, в них преобладали восточные черты.

Ни в западничестве, ни в славянофильстве Россия не приобретала мирового значения. Восток и Запад оставалась разорванным и противоположными. Для одних Россия была исключительно Востоком, хотя и христианским, и они не хотели взять на себя круговой ответственности за судьбу европейской культуры; для других Россия должна сделаться исключительным Западом, и они не берут на себя ответственности за своеобразие России. Но Россия по фактическому своему положению в мире и по своей задаче в мире есть великий Востоко-Запад, она стоит в центре двух миров, двух всемирно-исторических потоков. По всей своей истории, по всему своему складу она принадлежит и Европе и Азии, и Западу и Востоку, она соединяет в себе два противоположных начала. Россия призвана приобщить к европейской культуре совершенно новое начало и этим расширить и углубить ее. В

совмещении двух исторических миров — источник богатства и сложности русской души и всех противоречий русской природы... Россия — очень трудная страна, и трудности ее недостаточно понимают не только иностранцы, но и сами русские. У западных народов есть большая гладкость духа, меньше противоречий. В России, в русской душе всегда происходит противоборство двух стихий, восточной и западной. Но и в самой восточной стихии происходит разделение на более крайний, нехристианский Восток и Восток менее крайний, христианский. В глубине души русского народа живет не только христианский и славянский Восток, но и Восток монгольский, вошедший внутрь России со времени татарского ига.

Россия должна остаться и Востоком, если она не хочет окончательно утратить свою самобытность и оригинальность; и она же должна победить в себе крайний и исключительный Восток, вечно притягивающий ее вниз, в темную стихию, если она не желает окончательно утратить мирового значения и выпасть из мировой культуры. Не напрасно Вл. Соловьев ставил свой вопрос России:

Каким ты хочешь быть Востоком,
Востоком Ксеркса или Христа?

И нужно сказать, что в самом русском христианстве, в русском преломлении православия есть элементы крайнего Востока, и они тянут Россию вниз, мешают ее подъемам, не подпускают ее к активной роли во всемирно-историческом процессе. Крайний же Запад в России всегда был или элементарным ученичеством, или интернациональной бесцветностью. Запад есть у нас лишь обратная сторона крайнего Востока, реакция против крайнего Востока, а не положительное творчество... Россия должна быть сознательно великим Востоко-Западом, соединителем двух миров. Она призвана создать особый тип культуры, синтезирующий противоположные начала, основы такого типа культуры уже явлены. Миссия России — приведение человеческой культуры к единству, ее окончательная универсализация, выведение ее за пределы замкнутой и самодовлеющей Европы. Крайний Восток для Европы чужд, непонятен и неприемлем: Европа ничего не может с ним поделаться. Лишь через Россию Восток и Запад могут приблизиться друг к другу. Не случайно, не напрасно Россия владеет значительной частью Азии. И есть какой-то исторический смысл в том, что на долю России выпало претворить в себе восточную стихию, просветить и очеловечить ее. Если Россия и Восток, то Восток — человеческий, а не бесчеловечный, призванный явить из своих недр образ человека.

Такое понимание положения России и ее задач должно вести к преодолению и славянофильства, и западничества. Распря Востока и Запада в русской мысли и жизни

должна быть прекращена более высоким и творческим типом мысли и жизни. Мы должны преодолеть двойной страх — страх остаться Востоком и страх обратиться к Западу. Россия — европейское государство, и она должна быть во всех отношениях вооружена западной техникой, которая не может быть национальной. Но все народы вступают в семью европейских государств и культур со своеобразным и оригинальным образом. Россия же должна внести еще более резко своеобразный и оригинальный образ. И Запад есть некое единство в многообразии, а не безобразное и безобразное единство. Вл. Соловьев уже пытался выйти из противоположения славянофильства и западничества, но задачу эту он слишком связывал с соединением церквей и, быть может, слишком уклонялся к католичеству. Центр тяжести вопроса лежит не в формальных различиях и сходствах церквей, а в разных типах духовного опыта и разных типах культуры. Достоевский пытался раскрыть русскую всемирность и значение России для Запада и Запада для России. Но у него самого была глубокая тяга в восточную стихию, которой потом очень злоупотребляли. Утверждение России как востоко-западного центра всегда представляло большие трудности, и очень легок был срыв в ту или другую сторону. Но все будущее России и вся роль ее в мировой жизни зависят от того, сумеет ли она преодолеть в себе крайний Восток и соблазны погружения в чисто восточную стихийность и вместе с тем не превратиться в крайний Запад, утратив свою оригинальность. Вера в то, что Россия может сказать миру новое слово и что в ней может раскрыться что-то неведомое и крайнему Западу, и крайнему Востоку, основана лишь на встрече и взаимодействии в душе России и в ее историческом теле двух миров, двух всемирно-исторических начал и культурных типов...

Эта русская сложность, это богатство духа, это знание противоположностей и полярностей раскрывается в величайшем русском гении и гении всемирном — Достоевском. Дух Достоевского и творчество его не могли бы быть порождены ни чистым Западом, ни чистым Востоком. На Востоке нет такой острой постановки проблемы человеческой судьбы, таких откровений о человеческой природе, такого чувства личности, как у Достоевского; на Западе же нет таких опасных полярностей, такого крайнего и радикального духа, такой устремленности к конечному и последнему, такой невозможности удовлетвориться всем средним, всякой устроенностью. Достоевский выражает противоречия и богатства русской души, ее подъема и падения, ее трудности в путях устроения жизни, созидания культуры. Именно Достоевский говорит о том, что Россия может открыть Западной Европе много нового, неведомого ей. Но надежды, связанные с Россией, всегда имеют обратной своей стороной я опасения, ею внушаемые. Поистине русский дух — самый небезопасный дух...

Мировая война ставит перед русским сознанием вопрос о мировом призвании России, о том, что может Россия дать Западной Европе, а не только получить от нее. России

предстоит более тесная совместная жизнь с Западной Европой. Призвание же каждого народа определяется тем, что он может дать, а не тем, что он принужден брать. И вот ясно должно быть создано, что чистое западничество в России ничего не может дать Западу, ибо оно есть лишь ученичество, лишь заимствование у Запада. Для Западной Европы не интересна западническая сторона в русской культуре, ей не интересно свое собственное в отраженном виде. Вряд ли может, например, заинтересовать англичан позитивизм на русской почве, русское отражение Милля или Спенсера. Вряд ли немцев может заинтересовать их собственная неокантианская философия на русской почве. Вряд ли интересен для западных людей русский марксизм. Но людей Запада очень интересуют Толстой и Достоевский, оригинальная русская литература, зачатки самостоятельной русской философии у Вл. Соловьева и др., своеобразная религиозность русского народа, особый склад русской души, непохожий на западный, отразившийся и на всем облике русской интеллигенции... Русский народ входит позже других в семью европейских народов, но должен дать не меньше других, ибо в нем приобщается к европейской культуре целый новый мир, еще не раскрывший своих богатств. Это сознание возлагает на русский народ великую ответственность. Образ России официальной долго закрывал образ России истинной. Русский народ должен окончательно преодолеть в себе тьму крайнего Востока, выйти из состояния замкнутости, должен перестать бояться европеизации внешних форм жизни, должен обратить свой лик к Западной Европе, но не для того, чтобы обезличиться и обесцветиться, а для того, чтобы явить миру свой собственный лик и нести в мир свою правду и красоту, донныне столь искаженную и затемненную.

Психология переживаемого момента

Еще совсем недавно, вчера кажется, собирались самые мудрые русские люди и вели мучительные разговоры о том, как найти выход из того тупика, в который попала Россия. И в каком-то безвыходном отчаянии мудрые люди возлагали все на случай и на судьбу. У некоторых лишь оставалась вера в инстинкт русского народа, который всегда спасал в трудные минуты исторической жизни. И вот русский народ доказал, что он великий народ и достоин великого будущего. На краю гибели, в положении безвыходном, под угрозой страшного врага вдохновенно и гениально совершил он самую короткую, бескровную и безболезненную из революций...

Если много было непредвиденного в совершившемся, то одно было предвидено — центральную роль в перевороте сыграли войска, а иначе быть не могло. Тысячами кровных нитей связана революция с войной, она всем почти обязана войне и должна помнить свои

обязанности по отношению к войне. Это соотношение войны и революции очень у нас противоречиво и парадоксально. Долгое время война, выявившая всю негодность старого режима, мешала революционному перевороту. Многие, искренно стремившиеся к свободной жизни в России, из патриотизма примирялись до окончания войны со старой властью. Но война же страшно облегчила революционный переворот в России: она сделала его быстрым и объединенным. Война превратила всю армию в народную и потому облегчила переход ее на сторону народа. Теперь многие элементы, в глубине души консервативные, примирились с новой властью из патриотизма, из боязни повредить делу войны раздором. Генералитет несомненно санкционировал революционный переворот из патриотических мотивов, для поддержания единства в армии.

И эта особенная связь революции с войной не может быть разорвана, она должна продолжаться. Патриотическое негодование способствовало свержению старой власти, подозрение в измене и предательстве нравственно доконало старую власть; неспособность ее стоять на высоте задач обороны страны сделали объективно невозможным ее дальнейшее существование. Этот патриотически-оборонческий мотив русской революции обязывает ее продолжать войну и напрягать свободные силы народа для войны. В этом оправдание ее национального характера. Не впервые в истории власти, выдвинутой революцией, приходится вести войну. Войну должна была вести французская революция. И нужно сказать, что вопрос о войне сейчас самый тревожный и важный вопрос для свободной России: она должна быть на высоте патриотической задачи. Русский народ должен определить свое свободно-гражданское отношение к войне, должен сознать, что в его собственных руках находится судьба России, ее честь и достоинство. Неудачи на войне опасны для самого дела свободы. Победа Вильгельма легко могла бы превратиться в России в победу контрреволюции. Темные силы подняли бы голову, могли бы произойти попытки реставрации. Побежденная и уничтоженная Россия не могла бы возродиться к новой, свободной жизни, — она была бы отброшена назад...

Не следует преуменьшать опасность контрреволюции и реставрации — в случае революционных эксцессов. Ведь во Франции лишь через 80 лет после Великой французской революции установилась прочно демократическая республика. В стране же, привыкшей к долгому рабству, не сразу и не легко может установиться народная самодисциплина и свободное гражданство. Свободные граждане не создаются в один день. Задача воспитания демократии в России — очень трудная и серьезная задача, и величайшим препятствием на ее пути является демагогия. Если у нас будет разрушение единства общенационального порыва, возрастание розни, если в решении судеб государства будет господствовать принцип классовой борьбы, если будут попытки продолжать революцию в духе социально-классовом,

если в массах будут господствовать социал-демократы «большевики» с их анархически-бунтарской тактикой, то контрреволюционные попытки неизбежны и будут иметь оправдание...

Новой власти, несомненно, предстоит вступить на путь смелых реформ в духе государственного социализма, на путь социализации и регуляции нашей хозяйственной жизни. Это должно, конечно, привести само государство в столкновение с различными интересами промышленников и аграриев, рабочих и крестьян, к ограничению этих интересов и вожделений. Другой путь сейчас невозможен для государства. Должна быть раскрыта широкая возможность организации демократии и защита интересов труда. Но все это может проходить под знаком национально-государственного блага и неизбежности и может не иметь ничего общего со стремлением какого-нибудь класса к господству. Творческий инстинкт всегда должен побеждать инстинкт «дележа»...

Изначальную качественность нужно видеть в людях, в закале личности, в свойствах личности, несоизмеримых с ее классовым положением, в духовной жизни людей, не сводимой ни на какую материальную среду, в культурных традициях. Всякая творческая культурная сила имеет право на особенную роль в общественном строительстве России и не может быть совершенно механически уравнена с силами более низкого культурного уровня. Это было бы в высшем смысле этого слова несправедливо. Неизбежен и справедлив качественный отбор личностей, творческих сил, культурных уровней. Правда демократии только и может заключаться в установлении условий, благоприятных для выявления качеств, для отбора истинной аристократии. Правда социального демократизма требует, чтобы личность определялась и занимала место в жизни по своим личным качествам и дарам, а не по социально-классовому, материальному своему положению. Но эта правда как раз противоположна идее механического уравнивания. Можно даже установить такой парадокс: если бы идеальная социальная демократия была возможна на земле, то правда ее была бы в выявлении качественного неравенства людей. Принадлежность к рабочему классу не гарантирует никаких качеств и не дает никаких специфических прав на социальное строительство, равно как и принадлежность к промышленному классу. Демократия не может быть поставлена на чисто формальную почву. Пустая форма демократии не представляет еще высшего блага. Центр тяжести должен лежать в содержании, а не в форме демократии. А это ставит нас вплотную перед основной задачей — духовного воспитания демократии, создания высшего типа всенародной культуры.

Пагубно было бы связывать духовную проблему ограничения всевластия демократии с отстаиванием каких-либо социальных интересов, противоположных интересам труда. Можно отстаивать самые смелые и радикальные социальные реформы и в то же время с

чисто духовной точки зрения противиться демократическому абсолютизму, который есть не столько политическая форма, сколько ложное направление духа. Мы освободились от власти одного деспотизма не для того, чтобы попасть во власть другого деспотизма. Мы хотим наконец свободы! Всевластью демократии противостоит высокая культура личности, а не корыстные интересы личности и ее социальной группы.

Революция должна создать в России свободу слова, к которой так страстно стремилась русская литература. Но свобода слова, как и всякая свобода, не может быть понятна формально и внешне. Свобода слова есть внутренняя и духовная святость. Слово есть выражение духовной жизни, и свобода его стоит в зависимости от духовной жизни. Свобода слова должна быть духовно завоевана. Формальная отмена цензуры не есть еще завоевание свободы слова: эта отмена лишь раскрывает путь для работы над освобождением слова. Свобода слова не есть распущенность и вакханалия слова. Свобода слова, как и вообще свобода человека, предполагает аскезу, самоограничение и самодисциплину, самоочищение слова. Слово, хотя бы и освобожденное от внешнего цензурного рабства, может начать разлагаться, и тогда свобода для него невозможна, оно может попасть в рабство к самым низменным стихиям. Уже хамский и разнузданный дух ворвался в повседневную прессу, уже раздаются речи такого душевного неблагообразия и безобразия, что это вызывает опасения за душу народную, показавшую себя столь прекрасной в момент переворота. Торжество и разгул массовой стихийности не рождает свободы. Необходимо духовное просвещение этой массовой стихийности, раскрытие в ней начала личности. Нам необходима духовная самодисциплина, борьба качеств против власти количеств. Дух свободы всегда есть дух качества, а не количества. И свобода слова есть высокое качество духа.

Я верю, что в русском народе, в душевном складе его есть особенный качественный демократизм, есть большая любовь к свободе и меньшая буржуазность, чем в душе европейских народов. Но эти высшие свойства русской души могут быть затемнены и загублены. Не угашайте духа, лелейте чистоту слова! — вот призыв, с которым мы должны неустанно обращаться к русскому народу и обществу. Мировая война должна в конце концов поколебать основы старого общественного уклада. Весь мир ждут очень радикальные социальные изменения. Но то, что создается в результате мировой катастрофы, — не будет социализмом в старом смысле слова, будет чем-то непредвиденным и неожиданным. Дух же, который будет животворить новый социальный уклад и новые социальные формы, должен быть уже в нас, должен идти от нашей свободы. Русская революция не может не сказаться и на всей Европе: она всколыхнет народы Европы и заставит их застоявшуюся кровь быстрее циркулировать. Но не дай Бог, чтобы пример, который мы дадим народам Европы, был

пример анархии и стихийного разложения. Примером может быть лишь высокий подъем духа, лишь положительная жажда свободной и более высокой жизни. Мы должны быть очень строги к себе, очень различать в происходящем то, что от Бога, от того, что от лукавого. Мы, русские, менее обременены своим прошлым, чем западные люди, мы можем быть свободнее в своем творчестве новой жизни. Это наше великое преимущество. Но в этом скрывается и опасность разрыва связи времен, в котором могут погибнуть многие ценности. Все ценное в прошлом должно перейти в будущее. Но переход этот мог произойти лишь через огненную, очистительную катастрофу.

Падение священного русского царства

Россия, вопреки всем славянофильским прекраснотушным идеологиям, была классической страной абсолютизма, деспотизма, бюрократического самовластия, — именно в России более чем где-либо власть была оторвана от народа, и вся история нашей государственности не была историей народа, была непрерывным насилием над народом, рабством его у инородных начал. Сейчас выяснилось окончательно то, что и раньше было многим ясно, — русская абсолютная монархия не была народной и не имела твердой опоры в народе. На западе государственная власть всегда была более народной, чем в России. Идея русского священного царства, которая несомненно жила в народе, была лишь проекцией народной пассивности и народной подавленности, недостаточной проявленности в России человеческого начала. Священной представлялась та власть, которая была над народом, высока и недосыгаема. Рабство народа у какой-то инородной ему, трансцендентной власти переживалось как священное царство. В этом было много специфически русского и восточного. Полученная по наследству старая всемирно-историческая идея царизма переломилась в национально-русской и восточной стихии. Священное русское царство было прежде всего по основе своей мужицкое царство. Для мужицкого народного сознания государственное единство могло сознаваться лишь символически, лишь в связи с личностью царя, символизирующей государственную и национальную целость и преемственность. Мужицкое сознание, пленяющее донныне и многих представителей высшей культуры, понимает царство и не понимает государства. Царство же символизируется в царе. В сущности, всякая монархия, даже конституционная и парламентская, не есть чистая форма государства, она всегда есть помесь и переходное состояние, в ней много элементов догосударственного сознания. Государство предполагает способность к более отвлеченной мысли и отвлеченному сознанию, большую свободу духа от власти материальных образов...

Материальные символы нужны лишь до времени. Свободная духовность ведет к реализму в государственной и общественной жизни, избавляет от потребности в символическом освящении материальной жизни. Символ власти (символ царя) перестает быть нужен, когда дух человеческий подымается до реального властвования. Все теократии в истории мира всегда были символичны, божественная власть осуществлялась лишь в символах, лишь в символических ознаменованиях человека. Всякое символическое освящение человека как носителя теократической власти отклоняет от путей осуществления человеческой власти, хотя и делает власть символического лица деспотической и неограниченной. Лишь свободное человеческое властвование освобождает от порабощающих теократических иллюзий. В самом человеческом властвовании, человеческом самоуправлении может действовать реальная божественная энергия, может присутствовать непосредственная духовная реальность. В теократиях же, в священных царствах не действует реально божественная энергия, а лишь символизуется, не даны сами духовные реальности, а лишь знаменуются в материальных образах. И религиозное сознание должно прийти к парадоксальной истине: реально божественна может быть лишь антропократия, теократия же всегда лишь символически божественна. Жертвенный религиозный дух должен отречься от утешений и усад, связанных со священным царством, бесстрашно должен перейти к последним реальностям. Так свершается мистерия человеческого «я».

Русское священное царство покоилось на твердой скрепке русского государства с русской церковью. Русская церковь освящала русское царство. Русское царство укрепляло и поддерживало русскую церковь. Русское государство было христианским, православным государством. Русская церковь была господствующей и государственной церковью. Русский царь был помазан русской церковью для дел государственных. Великий переворот, совершавшийся в русской жизни, тяжело ударил по этой скрепке, и огромные последствия этого удара будут отзываться на всей дальнейшей исторической судьбе России. Кончилось священное русское царство с его порабощающими иллюзиями, с его прельщениями и его ужасами, и мы вступаем в иное измерение бытия, в великую неизведанность и неизвестность. И для тех, которые хранят веру отцов, нужна большая решимость духа и самоотвержение, чтобы окончательно освободиться от старых иллюзий, от дорогих призраков и погрузиться в темный океан неизведанного бытия, в котором ничто не гарантировано и не обеспечено. Конец священного русского царства должен вызывать великое смятение духа у многих религиозных, православных русских людей. Неизбежная секуляризация нашей государственной и общественной жизни должна восприниматься ими как начало духовной смерти, как обездушивание. Многих страшит грядущая механизация и

машинизация жизни, разрушение всякого органического лада. Священное царство было органическое царство, в нем была органическая красота, органическое тепло и уют, душевность, в которую можно было укрыться от ужаса жизни. Идущая на смену священного царства секулярная государственность, грядущая демократия — механична, бездушна, холодна, некрасива, бесстыльна. Для людей высшей духовной жизни, исполненных любви к красоте, трудно принять механизм, холодный и бездушный, хотя бы и справедливый, это — великая жертва, вольная Голгофа. Но лишь эта решимость пройти через пустыню, через голые скалы ведет к высшей жизни, к горней свободе. Мистически-иррациональная основа общественности должна быть осознана не в царе и не в народе, а в «я», в личности.

Конец русского священного царства может повести лишь к возрождению церкви. Она проиграет в количестве, но выиграет в качестве. Лишь свободные сыны церкви останутся в ней, никто уже не будет причислен к ней в силу внешней необходимости, никто не будет принадлежать к ней по соображениям корыстным. Церковное общество подтянется, организуется свободно. Обнаружит свое существование церковный народ. Революция, разрушающая священное царство и создающая царство секулярное, может быть великим проявителем живых духовных сил церкви, испытанием ее жизненности. Я говорю пока формально и извне. Если же внутренне и по существу подходить к церковному вопросу в России, то нужно сказать, что мы стоим перед великим религиозным духовным переворотом, вступаем в эпоху религиозной революции. Пока она еще незрима и нельзя ее измерять той меркой, которой измеряются политические и социальные революции. Но в глубине духовной жизни уже накопился динамит и религиозная революция происходит. Лишь на поверхности в религиозной жизни все казалось слишком спокойным и бездейственным. В ином измерении бытия, в высших качествах бытия совершаются духовные сдвиги, и все, что совершается в количествах, во внешнем плане жизни, есть лишь проекция и замутненное отражение того, что совершается там. История в своей последней реальности творится немногими, она аристократична, и всякая массовая революция, переход к демократизации и т.п. есть лишь отражение внизу того, что совершается наверху, результат жертвенной решимости избранников духа идти в гору, по новым, неведомым путям, жертвенно порвав с прошлым. Горняя духовная решимость пойти на жертву старым органическим ладом, старой скрепкой духа, с органической материей, старой теплой душевностью, задерживающей творческий рост жизни, внизу принимает форму перехода к механизму и машинности. Механизация и машинизация есть лишь отражение в низшем плане раздвоения духа, происходящего в плане религиозной революции в глубине. И остается задача творческой духовной работы, религиозного возрождения человечества в его высшей качественности, не совпадающей с социальной и политической демократизацией общества. Переворот

совершается разом в нескольких планах, и во всех планах должна происходить творческая работа...

Нашему свободному постижению истины не должна мешать эстетическая реакция против демократии, тайная жажда романтической реставрации по мотивам эстетическим. В этом сказались бы несвобода и незрелость нашего духа. Большая смелость и свобода сознания приведет нас к иной, парадоксальной по внешности истине: старая монархия была демократична по своей основе, демократическая же республика — аристократична. Монархия выражает погруженность целого народа в органическую материю и потребность в символическом освящении этой материальной народной жизни. Старая монархия для огромной массы народа сильна была соблазном уюта, теплоты и гарантии прочности. За ней не стоял закал духа и восхождение в духе избранной части человечества. Демократическая же республика может быть духовно принята как согласие избранников человечества пройти через аскетическую пустыню, ничем не украшенную, как жертвенное согласие жить среди голых скал, без влаги, тепла и образов внешней красоты. Это есть героическая решимость броситься в безбрежный океан духа, в последнюю свободу без всяких иллюзий и утешений. Это — последняя суровость людей духа, суровость свободы от всяких утешений и всяких прикрас, суровость жертвы «чарованьями красных умыслов». Свободный дух на веки веков должен отрешиться от соблазнов царства, старого и нового, от гарантий и обеспечений, от роскоши и уюта плоти. Это — завет Заратустры, это завет и Того, с кем говорил Великий инквизитор Достоевского, это — прохождение через вольную Голгофу, без которой невозможна высшая, горняя жизнь. Святая Русь кончилась, и впереди видна лишь Русь пророческая. И падение священного русского царства должно быть благословенно не только для строителей нового демократического царства, далеких от всякого духа, но и для людей духа, для незримой духовной аристократии, которой ничто не страшно, которая мужественно идет к новому, неведомому миру, порвав со всеми старыми утешениями как порабощающими иллюзиями.

Интернационал и единство человечества

Россия есть некая конкретная реальность в мире, некое индивидуальное существо, имеющее свою судьбу, свой удел, свою задачу. Об этой элементарной истине нужно ныне громко кричать. Россия может послужить всечеловечеству лишь через утверждение своего единства и своей особенности, а не через свое раздробление и обезличивание. И если бы Россия перестала быть Россией, а русские перестали быть русскими, то Россия и русские были бы потеряны для всечеловечества, не сказали бы своего всечеловеческого слова, не

сделали бы никакого великого дела в истории. Русский человек лишь через Россию может запечатлеть в игре свой всечеловеческий дух. Без России русские люди превратились бы в бескачественную массу, которая ничем не может обогатить мировую жизнь. Только единая, великая, сильная Россия может сказать миру свою идею, только такая Россия может быть даящей и жертвенной, источающей свой свет. И если Россия начнет свободное существование с самоупряднения, с раздробления, с утраты своего образа среди народов мира, то источник возможного света от нее погаснет, и русские люди превратятся в рассыпающуюся бесцветную массу. Ослабление и падение русского государства будет также ослаблением и падением русской духовной культуры. Русский народ мог бы вступить в период исторического упадка и оказался бы вытесненным на второй план. Никто не ждет уже великих слов и великих дел от испанцев, все их величие в прошлом. Никто не ждет уже ничего от персов. Национальное и государственное падение влечет за собой также и падение творческой личности. Для многих русских людей, для русских интеллигентов и русских рабочих не велика жертва отречься от отечества, отдать Россию; они с легкостью готовы это сделать, интернациональная настроенность является для них естественным состоянием и движением в направлении наименьшего сопротивления. Но всякая жертва ценна лишь тогда, когда она является движением в направлении наибольшего сопротивления. Источником жертвенности бывает лишь сила. Для немцев, французов, англичан преодоление национализма происходит в атмосфере силы, оно трудно и потому жертвенно. Русское же отсутствие патриотизма и русская интернационалистическая настроенность может быть лишь слабостью. Либкнехт и Ленин психологически противоположны. Нужно сначала быть, и быть в силе, тогда лишь возможно самоотречение и жертва. Это верно и относительно отдельного человека. В России прежде всего необходим закал личного характера и закал народного характера.

Идея интернационала — идея отвлеченно пустая, расслабляет русскую душу и подрывает силу России. В русском народе есть великие духовные качества, неведомые западным народам, есть подлинная всечеловечность. Но нужно прямо сказать, что легкость, с которой принимается у нас интернационализм и отвергается национальность, есть проявление слабости характера. В слабоволии, в отсутствии сурового закала личного характера скрыты величайшие опасности для России. У русских есть добродетели, которые опаснее пороков, есть какой-то расслабляющий морализм, есть что-то овечье. Слабость характера и овечьи добродетели — благоприятная почва для всякой демагогии. Нам не хватает более суровых добродетелей. Это связано у нас с недостаточной выраженностью личного человеческого начала, с погруженностью в коллектив. Всегда приходится вспоминать, что в России не было рыцарского начала. И это факт роковой для нашего

морального и общественного развития. Мы слишком легко переходим от старого коллективизма, от старой стихийности к новому коллективизму, к новой стихийности. И минуем дисциплину личности, культуру личности, развитие личности. Но новый свободный коллектив может выковаться лишь через выковывание личности. Идея личности XX века не может быть абстрактной, как в XVIII веке, она может быть лишь конкретной. И нужно признать, что конкретная личность выковывается лишь через национальную дисциплину и в нации. Личность, нация, человечество — реальности. Интернационал же есть отвлеченная и пустая фантазия. Столь же пустой фантазией является и международный пролетариат.

Даже пролетариат внутри каждой страны есть некая абстракция; конкретно существуют лишь разнохарактерные группы рабочих, отличные по своим интересам и по своей психологии. Идея пролетариата есть лжерелигиозная фикция класса-богоносца. В известные мгновения могут быть одержимые этой фиктивной идеей, но в ней нет ничего подлинно реального. Политика реальная, в эмпирическом и метафизическом смысле этого слова, может быть основана лишь на идеях личности и нации, с которыми должны быть согласованы и которым должны быть подчинены все групповые и классовые интересы. Нация есть некая идея, идущая вдаль, класс же есть интерес, по существу непревратимый в идею. Но идея интернационала и есть попытка превратить класс в универсальную идею, всепоглощающую и всепожирающую. Эта противоестественная, лжерелигиозная и антирелигиозная попытка разлагает всю иерархию реальностей, реальность и нации, и человечества, и личности. Все тонет в стихийном опьянении идеей интернационального пролетариата, реальное и призрачное перемешивается. И ныне перед ответственным сознанием и мыслью стоит задача отделить реальности от призраков и фикций. Нельзя допустить смешения чистого экстаза и горения духа с одержимостью и стихийно-пьяным разгулом. Наряду с политическим и социальным строительством должны все время идти у нас духовная и культурная работа и творчество. Мы должны духовно бороться за личность, за нацию, за человечество с разлагающими, стихийно-хаотическими веяниями. И это будет истинным освобождением от рабства.

О политической и социальной революции

Когда происходит великий исторический переворот в жизни народа, то всегда есть в нем некоторая объективная линия, соответствующая общенациональным, общегосударственным историческим задачам, линия истинно творческая, в которой целый народ влечется инстинктом развития и тайным голосом своей судьбы. Истинная политика и есть угадывание этой национальной линии. И все, что срывает в сторону, должно быть

признано нетворческим, разрушительным и реакционным в глубочайшем смысле этого слова, нереальным, призрачным. Многое, представляющееся очень революционным, реально бывает реакционным. Лассаль признавал реакционными крестьянские войны и крайние течения реформационной эпохи; прогрессивной же признавал лишь лютеровскую реформацию, которая была на современном языке «буржуазной», но совершила огромное всемирно-историческое дело. С этой точки зрения он признал бы глубоко реакционными русские большевистские и максималистские социалистические течения и лишил бы их всякого исторического значения. В революционном максимализме всегда отсутствует творческий исторический инстинкт, и никогда гений не влечется в эту сторону. И всякий обладающий творческим историческим инстинктом, постигающий судьбу народов должен признать реакционным срывом все максималистские социалистические течения в нынешний час исторического существования России. Эта истина блестяще подтверждается тем, что при более глубоком взгляде на происходящее у нас не оказывается никакого социального движения и нет никакой социалистической идеи. Социализм есть, во всяком случае, идея регуляции социального целого; он все хочет привести в соответствие с социальным организмом, он противится хозяйственной анархии. Но то стихийное массовое движение, которое именуется у нас социальным, не вдохновляется сейчас идеей социального целого, идеей, регулирующей и организующей всю нашу народную хозяйственную жизнь; в нем явно преобладают интересы личные и групповые в ущерб целому, в нем нет самоограничения, в нем слишком много корыстного и захватного. Этот антисоциальный характер движения есть наследие старого режима, старого рабства, старого отсутствия навыков к свободной общественности, свободного подчинения личности целому. Временное господство этих течений может кончиться такими призраками, как царство Сиона Иоанна Лейденского или Парижская коммуна. Но принудительное водворение «царства Божьего на земле» всегда пахнет кровью, всегда есть злоба и взаимное истребление. В таком максимализме есть глубокая религиозная и моральная ложь, не говоря уже о его социалистической и исторической невозможности.

Политическая революция в России, столь страшно запоздалая, будет, конечно, иметь свою социальную сторону, как это бывает во всяком великом историческом перевороте. Перед Россией стоит задача очень серьезных, смелых социальных реформ, особенно в сфере аграрной. Политическая революция в России совсем не означает торжества старого буржуазного либерализма, который давно уже идейно разложился и не может никого вдохновить. И менее всего такой резко антисоциалистический тип либерализма подходит к русскому душевному складу. Россия вступает на путь политической свободы в поздний час истории, отяжеленная опытом западноевропейской истории, но легкая и свободная от

собственного опыта и собственных связывающих традиций. Вступает она на этот путь в исключительной обстановке мировой войны, потрясающей основы современных обществ. И думается, что в России возможны и даже неизбежны смелые опыты социализации, совершенно внеклассовой. Грядущий день истории сотворит непредвиденное и, вероятно, обманет ожидания и «буржуазные», и «социалистические». Развитие капитализма в России не может уже быть подобно классическому английскому его развитию. Борьба против темных в злых сторон капиталистического развития должна у нас начаться в первоначальных стадиях этого процесса, и организованные рабочие не могут не оказывать воздействия на социальную структуру его. Это ясно должен сознать русский промышленный класс и этим сознанием изготовить себе творческую роль в социальном перерождении России. Идея «социальной революции» по существу нетворческая идея, и она предполагает неизбежность социального катаклизма именно потому, что никакого творческого социального процесса, устраняющего зло, не происходило, а происходило лишь фатальное и неотвратимое нарастание социального зла. Классический марксизм и сложился под влиянием английского типа первоначального развития капитализма, который в чистом виде явил злые стороны этого процесса. Но всякое социальное творчество предотвращает социальную революцию.

У нас необходимо напомнить о той выяснившейся окончательно истине, научной и философской, что социальная революция, в строгом смысле слова, вообще невозможна, ее никогда не бывало и никогда не будет. В этой области слово «революция» можно употреблять только иносказательно, лишь в очень расширенном смысле. Так, например, мы говорим, что в XIX веке великие технические изобретения были великой революцией, перевернувшей всю человеческую жизнь. Но по существу нужно сказать, что возможна лишь социальная эволюция с более или менее ускоренным темпом, возможны лишь социальные реформы, более или менее смелые и радикальные. Изменение социальной ткани обществ есть всегда длительный молекулярный процесс; оно зависит, с одной стороны, от состояния производительных сил, от экономического творчества, промышленного и сельскохозяйственного, с другой — от незримых изменений в человеческой психике. Творческое отношение человека к природе и творческое отношение человека к человеку, то есть творчество экономическое и творчество моральное изменяет социальную ткань. Заговорами, бунтами, восстаниями и диктатурами ничего нельзя изменить в жизни социальной, все это есть лишь накипь. Насильственные эксперименты, производимые явочным порядком, лишь отбрасывают назад в социальном развитии...

Мировая война поставила в исключительные условия хозяйственную жизнь народов и вызывает неотвратимый процесс государственной регуляции и социализации. Но этот военный социализм, этот социализм бедности, внеклассовой и государственной, не дает

никаких жизненных оснований для возрождения идеи социальной революции. На этом горьком пути вырабатываются навыки, которые будут иметь значение для дальнейшего социального процесса, и вряд ли возможен после войны возврат назад, к совершенно нерегулированной хозяйственной жизни капиталистических обществ. Но это будет лишь новый фазис социальной эволюции, который ни к какому «социализму» в доктринерском смысле не приведет. Социализм, как он конструируется в социалистических доктринах, всегда будет или преждевременным, или слишком запоздалым. Когда наступит время для социализма, то он окажется уже ненужным и устаревшим, так как будет уже новая жизнь, не похожая на ту, которая предносилась в социалистических мечтах, скованных отрицательными связями с буржуазно-капиталистическим строем. В социалистической идее нет почти ничего творческого.

Многие из нас, русских критических марксистов второй половины 90-х годов, глубоко пережили крушение идеи социалистического Zusammenbruch'a, идеи социальной революции... Для всякого, давшего себе отчет в словоупотреблении, должно быть ясно, что не только у нас сейчас не происходит социальной революции, но социальной революции вообще никогда не произойдет в пределах этого материального мира. Но легко могут принять за социальную революцию социальную дезорганизацию и социальный хаос, восстание частей против целого. Это антисоциальное движение может показаться его сторонникам и противникам революционным в социалистическом смысле этого слова. И следует всеми силами выяснять, что захватная борьба за власть отдельных личностей, групп и классов не имеет ничего общего с природой социального процесса и социальных задач. В один день может пасть власть и замениться другой, да и то после длительного подготовительного процесса. Но в социальной ткани в один день не может произойти ничего, кроме психических и экономических молекулярных процессов и формулировки социальных реформ, подготовленных в соответствии с этим молекулярным процессом. И классам, настроенным враждебно к социализму, следовало бы освободиться от унижительного страха перед социальной революцией. Страх этот несет отраву в нашу народную жизнь. Классы, экономически господствующие, должны будут пойти на самоограничение и жертвы во имя социального возрождения русского народа. Но упование на революционный социальный катаклизм, который мыслится как прыжок из царства необходимости в царство свободы, есть лишь смутное и бессознательное переживание эсхатологического предчувствия конца этого материального мира. До тех же таинственных времен и сроков может быть лишь социальная эволюция, лишь социальные реформы, регулирующие целое, но всегда оставляющие иррациональный остаток в социальной жизни, но никогда не преодолевающие до конца зла, коренящегося в жизни космической и в

приливающих из ее недр темных энергиях. Перед Россией стоит задача социального устройства, а не социальной революции. Социальная же революция может быть у нас сейчас лишь социальным расстройством, лишь анархизацией народного хозяйства, ухудшающей материальное положение рабочих и крестьян. И перед теми бесконечно трудными и сложными задачами, перед которыми поставила Россию судьба, всякий розовый оптимизм был бы неуместен и даже безнравственен. Силы зла сильнее в этом мире, чем силы добра, и они могут являться под самыми соблазнительными обличьями и самыми возвышенными лозунгами. И русской демократии предстоит прежде всего пройти суровую школу самоограничения, самокритики и самодисциплины. Нас ждет не социальный рай, а тяжелые жизненные испытания. И нужен закал духа, чтобы эти испытания выдержать. Все социальные задачи — также и духовные задачи. Всякий народ призван нести последствия своей истории и духовно ответствен за свою историю. История же наша была исключительно тяжелая и трудная. И безумны те, которые, вместо того чтобы призывать к сознанию суровой ответственности, разжигают инстинкты своекорыстия и злобы и убаюкивают массы сладкими мечтами о невиданном социальном блаженстве, которое будто бы покажет миру наша несчастная, исстрадавшаяся бедная родина.

Положение России в мире

Тех, которые обращают взор свой на Россию как некую реальность, на национальное ее единство, тех волнует и беспокоит вопрос о ее положении в мире, среди других народов. Для людей твердого национального сознания и патриотической настроенности всегда имеют большое значение вопросы международной политики, они не могут быть в этом отношении беззаботны. Честь и достоинство России, ее положение в мировой жизни, ее историческое призвание и сила для его выполнения — все это вопросы очень реальные, очень сложные и ответственные. И к вопросам этим всегда были равнодушны люди интернациональной социалистической настроенности. Им все это казалось очень просто. Всегда ведь кажется просто то, реальность чего не ощущаешь. Для решения проблем международной политики наша социалистически настроенная интеллигенция совершенно не подготовлена, и еще менее подготовлены для этого рабочие массы. В этом направлении никогда не работала мысль, и сердце не билось сильнее от того, могущественна или слаба Россия как целое, обладающее единым ликом перед всем миром, соблюдено ли ее достоинство или она опозорена. Слишком мало думали у нас в широких кругах о всемирно-историческом призвании России и русского народа, о существовании его в мировой шире, о слове, которое она скажет миру, и духе, который запечатлеет на мировой жизни. Всемирность, мировая

ширь всегда представлялась нашему социалистическому и революционному сознанию исключительно как торжество интернационализма, как космополитическое упразднение всякой национальной идеи и даже самого национального существования. Весь сложный цикл проблем, связанных с устройством поверхности земного шара, с борьбой национальностей и империализмов, с малыми и большими историческими телами не только упрощается, но и совершенно отбрасывается. Проблемы эти имеют самобытную природы, они несводимы на проблемы социальные и неразрешимы никакими чисто социальными движениями, никакими изменениями в соотношении классов. Существует всемирно-исторический восточный вопрос, завешанный нашему поколению рядом столетий предшествующей истории. Никакое торжество демократии, никакой социальный переворот не может решить восточного вопроса, в котором сосредоточен целый ряд конкретных исторических вопросов — об отношении Европы к Азии и Африке, о судьбе Турции и балканских народов, о всемирно-исторических воротах, которые ведут с Востока на Запад и с Запада на Восток. Мировая война есть лишь трагически острый момент в мировой проблеме Востока и Запада.

В нынешний исторический час Россия может пасть жертвой глубокого неведения в отношении к этим мировым вопросам и от неведения рожденных упрощающих иллюзий. Русский народ слишком долго содержался в рабстве и терпел это рабье существование, сузившее его горизонты, замыкавшее его в темном незнании. Старая власть, разлагавшаяся и летевшая по наклонной плоскости, бессильна была разрешить мировые проблемы, которые стояли перед Россией; она все время балансировала на краю измены и предания отечества. И она не давала русскому народу возможности просветиться, подготовиться к решению судеб России и взять на себя ответственность. Рабство это коренилось в душевной пассивности русского народа. И сейчас та же пассивность и та же безответственность чувствуется в выпущенных на свободу революционно-максималистских страстях. Возложить ответственность за решение всех острых и болезненных вопросов, поставленных мировой войной, на международный пролетариат, на социалистический интернационал — значит снять с себя всякую ответственность и жить в мечтах и иллюзиях, в которых нет ни грана реальности. Но за эту безответственную мечтательность русскому народу придется слишком жестоко расплачиваться, пробуждение от грез может оказаться слишком ужасным. Безумно возлагать решение конкретных исторических задач на силу, которой не существует и которая предносится в мечтах. Сербия, Бельгия и Польша не могут поставить решение своей судьбы в зависимость от несуществующего интернационала...

Существуют международные отношения, международные задачи и международные обязательства как неустранимая реальность. Эта реальность заставит себя признать и пробудит от сновидений. В России не может установиться социальной республики,

изолированной от мира в своей интернационалистической настроенности. Русских зеленых мальчиков из интеллигенции и народа суровыми мерами излечат от безответственной мечтательности и принудят к сознанию реальностей. Это нанесет страшный удар России как великой державе, повергнет русский народ в унижение и нищету, но от мечты об интернационале излечит надолго. Русский интернационализм, который ныне у нас в такой моде, не соединяет нас с народами Европы, а окончательно нас от них отъединяет. Мы вновь рискуем остаться уединенным Востоком, и на нас по-прежнему народы Запада будут смотреть как на азиатов, не подготовленных к вхождению в культурную жизнь Европы. Интернационализм не соединяет нас с Германией, но отъединяет нас от Франции и Англии. Отношение к России было унижительным при старом режиме, неспособном поддерживать наш престиж. Оно может оказаться еще более унижительным после происшедшего переворота. Если в целом народе нет воли к поддержанию чести, достоинства, величия и силы своей родины, то никакое правительство, никакая кучка людей более высокого сознания не может ничего сделать. Но воля русского народа неизвестна, народ не сказал своего слова. И верю, что оно было бы иным, чем слова тех, которые узурпируют волю народа и себя признают голосом народа, будучи меньшинством. Сейчас происходит такое же насилие над волей русского народа, как и при старом режиме. Воля целого народа есть некое качество, а не механическое количество, и истинная воля народа должна считаться со всей историей народа, с его далеким прошлым и далеким будущим, а не с одними интересами и инстинктами сегодняшнего дня. Воля исторического народа не может быть ясно выражена в разгаре страстей, в борьбе корыстей, в восстании частей против великого целого, уходящего своими корнями в вечность. В такие моменты отдельные личности могут лучше сознавать всенародные цели, всенародную идею, чем массы. Но эти отдельные личности должны иметь поддержку в народной массе. Нельзя принудить свободный народ любить свою родину, защищать ее, думать о далеких целях ее существования на земле. Сам народ должен свободно сознать это и определить свою волю к высшей цели. Но не следует скрывать того, что положение России перед лицом мира ныне поистине трагическое и ужасное, она может быть опозорена духовно и обобрана материально. И к ответу будут призваны социальные мечтатели и сновидцы. Нельзя допустить одиночества России в мире. Она должна иметь союзников в Европе, и такими союзниками могут быть лишь Англия и Франция. Она должна быть верна союзникам и преследовать общие цели. Лишь тогда она реально, не мечтательно войдет во всечеловечество, в мировую культуру, в мировую ширь. Мечтательный же интернационализм оттесняет нас в Азию и уединяет нас. Он обрекает нас на одинокий позор. Да не будет этого, да восстанет против этого русский народ, который спасал Россию в

смутную эпоху и в Отечественную войну! Да проснется в нас дух свободного, рыцарского гражданства!

Власть и ответственность

До революционного переворота у нас был длительный кризис власти. Старая власть перестала быть национальной и государственной, она стала во враждебное отношение ко всей нации и была низвергнута в небытие порывом всей нации. Всенародная революция выдвинула Временное правительство, которое должно выражать максимум национального и государственного единства, должно вести линию исторических задач, соответствующих уровню общественного развития России. Власть имеет объективную природу, она не может быть совершенно субъективной и произвольной, партийной и классовой. Когда она делается такой, власть вырождается и падает. Старая христианская мудрость учила, что всякая власть от Бога. Эту истину неверно было бы истолковывать в том смысле, что божественна и мистична самодержавная монархия или иная какая-нибудь определенная форма государственной власти. Истину эту нужно понимать так, что всякая власть по природе своей божественна и мистична, если она исполняет свое объективное назначение, если она выражает общегосударственную и общенациональную природу, если она хаос превращает в космос, полагает предел торжеству злой воли, организует народную жизнь. В этом смысле власть в демократических республиках так же божественна и мистична, как и всякая другая власть, соответствующая своему назначению. В природе власти и в отношении, которое она к себе вызывает, есть тайна, которая не может быть рационально постигнута. Власть может переродиться в злое начало, в самоутверждение, и тогда она изменяет своим божественным истокам и своему назначению, тогда она перестает быть служением. Такое злое перерождение власти долго, слишком долго происходило при старом режиме. И нужно прямо сказать, что власть Временного правительства, столь неустойчивая и преходящая, более божественна, более согласна с вечной природой власти, чем власть Николая II, опиравшаяся на столь древние устои, чем власть его временных правительств. Власть по природе своей и по назначению своему не есть право, не есть привилегия, не есть интерес. Власть есть обязанность, бремя и служение. В самодовлеющей и самоутверждающейся борьбе за власть есть всегда великая неправда. Ибо всякий берущий на себя бремя власти прежде всего возлагает на себя великую ответственность. Взятый бремя власти не может уже смотреть на все с точки зрения группы, класса, партии, с точки зрения оппозиции частной силы против целого. Он вступает в таинственную, неведомую со стороны, жизнь великого целого, жизнь целого народа и целого государства, вступает не только в данное

мгновение его существования, но в его исторической длительности, в связи времен. Взятый бремя власти обязан думать об огромном целом, организовать его, не допускать распада целого, окончательного восстания частей против этого целого. К этой тайне целого, целого народа и целого государства приобщается лишь тот, кто берет на себя ответственность. Власть неотделима от ответственности, безответственная власть должна пасть, она должна быть низвергнута. Старая власть потому и пала, что она не могла нести ответственности за судьбу России, что она безответственно губила Россию, толкала ее в пропасть.

Можно критиковать наше временное правительство с разных точек зрения, но несомненно, что в нем есть высоко развитое чувство ответственности, оно взяло на себя ответственность за великое целое, именуемое Россией, в самый трудный момент русской истории и готово было нести эту ответственность до конца. Временное правительство выражало линию движения объективно-государственную и объективно-национальную, линию движения великого целого. Оно озабочено судьбой России, осуществлением насущных исторических задач. Временное правительство, выдвинутое русской революцией, имеет оригинальные черты, отличающие его от временных правительств других революций. В нем нет самодовлеющей любви к власти, нет самоутверждения, нет ничего диктаторского. Скорее его можно было бы упрекнуть в слишком большой гуманности в мягкости, почти в толстовском непротавлении. Оно — жертвенно, совершенно бескорыстно и несет власть как бремя и обязанность. Оно ничего не хочет урывать для себя. Оно ответственно за целое, оно поглощено тяжелыми думами об устройении России, о ее защите, о предотвращении анархии. В этом «буржуазном», по безответственной уличной терминологии, правительстве есть что-то характерно русское, русская нелюбовь к властвованию, готовность отказаться от власти, если это нужно для России. Временное правительство держит власть не из чувства права и корысти, а из чувства обязанности и ответственности. В данный исторический момент власть в России есть крест, и неохотно решаются его возложить на себя...

Не только ныне не может властвовать рабочий класс в России, но и никогда не может властвовать никакой класс. Природа власти — сверхклассовая. Классовое господство разлагает власть. Социалист, вошедший в правительство, будет так же защищать гражданские права буржуа, как и всякий другой министр, он должен заботиться о продовольствии всех классов населения, о безопасности и обороне русского государства, об организации полиции, поддерживающей порядок, о суде, обеспечивающем права граждан, к каким бы классам они ни принадлежали. Всякая власть должна быть сильной, — бессильная власть есть бессмыслица, и она ни к чему не нужна. Пример бессильной власти был явлен в последние времена старого режима. И особенно сильной должна быть власть в эпоху такого кризиса, который переживает сейчас Россия. Но сильная власть должна пользоваться

доверием и иметь поддержку в народе. Она должна чувствовать, что выражает ту среднюю линию воли целого народа, которая одна только и может вывести Россию из кризиса. Власть ответственна, когда на нее возложили ответственность за управление страной, когда ей предоставлена свобода действия и не вмешиваются в каждый ее шаг. Мания недоверия, которой сейчас отравлен русский народ, разлагает не только власть, она разлагает Россию, она убивает душу народа. Эта безответственная проповедь недоверия повсюду, это разыскивание «буржуазности» есть величайшее зло наших дней. Принцип демократии понят у нас прежде всего как недоверие и подозрительность ко всякому проявлению личного начала. И это есть наследие старой России, переживание старого рабства. Проповедь недоверия солдат к офицерам и генералам разлагает армию и ставит Россию в положение беззащитное. Проповедь недоверия к «буржуазии» и «буржуазному» правительству разрывает Россию на части, хочет уничтожить всякое воспоминание о народном единстве. И это — рабья проповедь. Выходит даже, что после революционного переворота недоверие сделалось больше, чем при старом режиме. Первые дни русской свободы отравлены. Проповедь недоверия отрицает человека в России, достоинство личности, она отрицает русский народ. И для спасения России и русского человека должно наступить нравственное отрезвление и оздоровление, суровое сознание нравственной ответственности. Нравственная и религиозная аскеза должна положить предел безответственным и распущенным оргиям социальной мечтательности.

Контрреволюция

Чтобы ориентироваться в разгулявшейся стихии революции и произвести оценки, нужна свобода духа, свобода от одержимости этой стихией, нужно черпать свои критерии и оценки из большей глубины, из божественного, а не мирского источника. Преклонение перед земной богиней, именуемой революцией, есть рабство духа и идолопоклонство. Такой богини не существует. Поклоняться и служить можно лишь Единому Господу Богу, Богу живому и сущему. Всякий иной бог есть идол, и поклоняющийся ему — раб мира. Если уж признать революцию существом, персонифицируя ее, то нужно признать ее грешным земным существом, порожденным греховным прошлым человечества. Существо это полно всех слабостей человеческих, всех дурных человеческих страстей. Нельзя из самой стихии революции черпать свои оценки, оценки нужно черпать из высшего божественного источника в себе и налагать их на революцию. И тогда ясно будет, что революция — существо двоящееся, в нем правда перемешана с ложью. На лице существа, именуемого революцией, есть двусмысленная искривленная улыбка, и она с каждым днем делается все

более и более двусмысленной. Русская революция — провиденциальна, в ней есть очистительная гроза и очистительный огонь, в ней сгорает старая ложь. Но в этой же стихии образуется новая ложь и многое старое является в новой лишь форме. Свобода — божественная ценность, высшая цель, мечта многих поколений лучших русских людей. Революция же сама по себе не божественна по натуре, по естеству, она — лишь неизбежна. Революция и свобода совсем не тождественны. Революция освобождает скованные силы, но она же слишком часто являет собой и величайшее надругательство над свободой и истребление свободы. Силы освобожденные, но не преображенные, направляются против свободы, не любят свободы, не дают дышать воздухом свободы. Вечно двоится природа революции в отношении к свободе. Почему это так? Происходит это потому, что всякая истинная свобода имеет духовную основу, революция же выбрасывает массу человеческую на поверхность и достигает свободы в отрыве от духовных корней. Эпоха революции сама по себе не есть эпоха углубления, не есть эпоха творчества. Революция дает огромный опыт народу, но опыт этот углубленно и творчески перерабатывается потом, после выздоровления. Ныне русским людям нужна духовная трезвость в отношении к переживаемой буре, нужна душевная аскетика. Нужно преодолеть всякий ужас и страх, порабащивающий душу, и также нужно преодолеть всякий розовый оптимизм, всякую социальную мечтательность, всякую лесть народной массе, всякую идеализацию темной стихии и потворство силе сегодняшнего дня. Это — требование благородства. Нужно всеми силами протестовать против шантажирования со словом «контрреволюция». Это шантажирование порабащивает мысль и слово, лишает нас свободы. Мы должны бороться за свободу мысли и слова, это есть самое минимальное и самое максимальное требование революции, требование духа, а не плоти. Выкрики о «контрреволюции» должны быть разоблачены в своей истинной природе, в своей нравственной недоброкачественности. Нельзя допустить того порабащивания мысли, которое ныне совершается. Пора раскрыть, где настоящая контрреволюция, в онтологическом смысле этого слова. Она — там, где клеймят контрреволюцией всякую свободную мысль, свободное слово и свободное творчество. Против такой «революции» должна быть сделана «контрреволюция», т.е. истинная революция должна быть сделана против лжереволуции. Мы живем в магической власти слов и жестов, которые порабащивают русский народ, делают его одержимым. Истинное освобождение, освобождение духа русского народа и тела его от истерических судорог и конвульсий еще впереди.

Мобилизация интересов

Революционный переворот вызвал в России мобилизацию интересов, которая все более и более нарастает и грозит превратиться в настоящую оргию. Великий переворот произошел совсем не под знаком тех или иных интересов, в нем не было ничего классового и корыстного. Но то, что называют дальнейшим развитием революции и что, в сущности, есть ее разложение, поставлено исключительно под знак интересов и корысти. В современном «развитии» революции нельзя уже найти никаких идеалистических мотивов. Если сама революция в первые дни являла собой единство России и в ней действовал инстинкт самосохранения и самоосвобождения целого народа, то дальнейший ход революции являет собой разделение России, разрывание ее на части, восстание части на часть. Началось с того, что весь народ, вся нация восстала против старой власти. Это восстание совершилось во имя единой России, во имя свободного самоопределения целого народа. Но в дальнейшем своем ходе, в раскрытии своей разгульной стихии революция превращается в целый ряд частных восстаний, восстаний одной части против другой, одного интереса против другого интереса. К творческой, созидательной работе не может быть перехода без силы национального сцепления и государственной спаянности. Распадается все более и более нравственное единство народа и подвергается опасности само существование единого и великого государства, которое невозможно без минимума такого нравственного единства... Борьба элементарных интересов должна подчиняться высшим и непререкаемым реальностям, реальностям целого, реальности нации, реальности государства, онтологической реальности истины и добра, которые, в конце концов, не могут не заставить себя почувствовать в трагической судьбе людей, групп и народов. Когда народ слишком далеко идет в своей измене реальностям истины и добра, то реальности эти обращаются против народа и ударяют по его судьбе в ряде тяжелых испытаний и несчастий. Разъяренная борьба частных интересов должна раньше или позже встретиться не с прекраснотушным идеализмом, который ей не страшен и вызывает лишь насмешку, а с реальностями более суровыми, чем всякий частный интерес, с реальностями высших ступеней бытия, в конце концов, с реальностью самого Бога, от которой никуда нельзя уйти.

И поскольку идеология частных, классовых интересов не хочет считаться с высшими реальностями, она — наивна и близорука; сторонники ее поражены слепотой и живут в самообманах и иллюзиях, реализм их — призрачный и поверхностный, и им предстоит тяжелое и мучительное столкновение с реализмом подлинной, более глубокой действительности. Не кончился еще суровый труд истории, масса человечества не вышла еще из необходимости жить под законом, и миссия государства не выполнена еще и не

доведена до конца. Первобытный хаос шевелится еще в глубине человеческой природы и не превращен еще в космос, и, когда хаос этот выхолит из-под власти нормирующего закона, человечество отбрасывается назад. Царство благодатной свободы есть царство сверхзаконное, сверхгосударственное, а не противозаконное, не противогосударственное, не возврат к догосударственному, хаотическому существованию. Отменить всякий закон для человеческого общества может высшая, божественная свобода, а не анархия, которая всегда лишь мешает усовершенствованию закона. Объективная реальность государства тяжело ударит по тем, которые отрицают ее во имя частных интересов, во имя состояний, стоящих ниже, а не выше природы государства, и это неотвратимо, как фатум. Поистине в природе государства, независимо от формы правления, есть момент мистический и по внутреннему строю мира не дано возможности несовершеннолетним людям отменить его и упразднить окончательно по своему произволу, во имя своих хаотических инстинктов. У лучших русских людей всегда была глубокая устремленность к царству благодатному, к царству свободы, к царству Божьему. Но пагубно и страшно смешение этого высшего царства с низшими хаотическими царствами, в которые так легко спускаются русские люди. Русскими людьми в массе легко овладевает хаотическая стихия, стоящая ниже, а не выше государства, и заколдовывает их. Личность, поставленная перед разгульной стихией, не обладает у нас духовным закалом и упором, она пленяется «мистической» стихией и тонет в ней.

Полбеда еще, когда отдельные люди и социальные группы преследуют свои частные, корыстные интересы и сознают это как свой грех и слабость или хотя бы как что-то безразличное и нейтральное. Но настоящая беда начинается тогда, когда господство классовых, частных интересов возводится в ранг истины, правды и добра, когда мобилизация интересов сознается как высшая справедливость, как источник всех нравственных оценок. Хорошо известно в религиозной жизни, что дьявол не так страшен, когда видят его в дьявольском образе, но самое страшное, когда он является в обманчивом образе святого или ангела, когда он пленяет, как добро. Антихрист должен пленить людей тем, что его будут смешивать с Христом, что образ его будет двоиться, что в нем будет Христово обличье. В демократии и социализме есть такой же двоящийся образ. Материальные интересы отдельных людей и целых групп имеют относительное право на существование в этом грешном мире, имеет относительное право на существование и борьба за эти интересы и за улучшение своего материального положения. Но увидеть в борьбе за материальные интересы высшую правду и конечную цель, абсолютизировать столь относительную и подчиненную вещь — это уже страшная ложь и большой соблазн. Но это как раз и происходит сейчас в России. В мобилизации интересов увидели осуществление царства Божьего. Дьявол явился в пленительном образе справедливости и добра. Русский народ развращается самой

безобразной лестью, лестью корыстным его интересам, которым приписываются все атрибуты высшей правды и справедливости. В социальной ненависти, к которой ведет мобилизация интересов, хотят увидеть залог скорого осуществления невиданной еще в мире, праведной общественности. Мобилизация интересов дает окончательное торжество самой бессовестной и беззастенчивой демагогии.

Многие события последних лет и последних недель внушают серьезные опасения за душу русского народа, за его нравственное здоровье. Произошло два великих исторических события — война и революция. И вот сначала война мобилизовала интересы в России, потом революция по-новому мобилизовала интересы. И на войне, и на революции слишком многие захотели нажиться. Слишком широкий круг захватила жажда повышения прибылей и заработков. Произошла мобилизация интересов, но не произошло мобилизации ответственности, мобилизации патриотических чувств, мобилизации высших идей, нравственного и религиозного порядка, мобилизации всех сил правды на Руси. Русские легко отдаются мечтам, иллюзиям и самообманам, они легко пленяются возможностью быстрого осуществления на земле окончательного царства справедливости и социального рая, но им не хватает более суровых добродетелей, более мужественных и ответственных добродетелей. Созидательный труд не пленяет русских людей, они все возлагают на катастрофический скачок из царства необходимости в царство свободы. Русские развращены самовластием, искалечены нравственно слишком долгим рабством, слишком долгой привычкой все возлагать на других, на правящих и господствующих, и зловещая тень прошлого ложится на наше настоящее и будущее. В противовес царящей ныне лести нужно прямо сказать, что в русском народе есть роковой недостаток честности, и недостаток этот связан с долгим рабским существованием. Недостаток честности и полное отсутствие чувства ответственности и долга легко у нас покрываются социальными идеологиями, которые пропитаны ядом лести народным массам. Мобилизация интересов вызывает встречное движение лести. Интеллигенция изменяет своему назначению быть независимым и свободным органом высшего сознания и высшей культуры духа. У нас обнаруживается роковой недостаток нравственного мужества, неспособность противиться разгульным стихиям, осудить то, что ныне господствует. Русских так легко пленяет всякая стихия, и в двоящихся образах разгульной стихии они плохо отличают свет от тьмы, правду от лжи. Нет у нас большой любви к правде, к правдивости в общественной жизни, к правдивости во что бы то ни стало. И русскому народу нужны сейчас ветхозаветные пророки, которые обличали бы его из любви к нему и во имя веры в высшее его назначение.

Ничем не ограниченная и ничему не подчиненная мобилизация интересов может повести к нравственному падению русского народа, к атомизированию русского государства,

к распылению русского общества. Государство и общество распадается на дробные части, отменяя тысячелетний процесс. Все хотят захватить себе как можно больше, урвать то, что некрепко лежит, воспользоваться для своих корыстных целей переходным революционным состоянием, — и классы, и национальности, и профессии, и группы, и области, и отдельные люди. Происходит беззастенчивая эксплуатация революции, какое-то вампирическое к ней отношение. Такая мобилизация интересов антисоциальна по своей природе, в ней гибнет не только личность, но и общество, в ней распадаются даже классы как целостности, ибо и классы требуют некоторого самоограничения, жертвы частным во имя целого. Со всех сторон слышны призывы к объединению исключительно во имя своих интересов, к сознанию и определению своих интересов, к приведению своего сознания и своей идеологии в соответствие со своими интересами. И представителей духовного труда и духовного творчества призывают к сознанию своих интересов, к объединению и организации во имя борьбы за эти интересы. Так хотят высшую интеллигенцию страны, высший ее культурный слой лишить ее подлинного призвания быть органом национального сознания и выражать не субъективный интерес, а объективный дух. Зараза охватывает все новые и новые круги и грозит истребить в России всякое бескорыстное движение, всякую объективную идею, всякую правду. Скоро грудные младенцы объединятся во имя своих интересов и предъявят свои требования. Гимназистки второго класса уже призывались на митинг для сознания своих интересов и объединения на почве интересов. В этой оргии распадается душа народа и душа человека. И спасение может быть лишь в возникновении сильного центростремительного движения, централизующего и душу отдельного человека, и душу целого народа.

Но пока не слышно призывов к мобилизации бескорыстия, к мобилизации идей, мобилизации совести и разума. Мобилизация интересов в эпоху великой революции и страшной войны означает идейное убожество и неодухотворенность. И поистине никакие великие идеи не руководят нашим революционным движением, оно предоставлено воле стихийных ветров. Все время чувствуется отрывка старого русского нигилизма. Призывы к таким, казалось бы, высоким целям, как мир и братство народов, тоже ведь не идеалистичны, и они основаны на мобилизации интересов, мобилизации усталости, интересов спокойной и довольной жизни, интересов скорейшего дележа земель и богатств, на боязни всего, что требует героизма и самоотвержения. Требования скорейшего мира во что бы то ни стало обосновано на плохо понятых международных интересах рабочих. Требование скорейшего осуществления социализма целиком обращено к корыстным интересам и демагогической игре на этих интересах. Никто не требует духовного подъема и духовного возрождения. Но я хочу верить, что мобилизация интересов — временная и неглубокая. И если бы она оказалась

глубже, шире и длительнее, то для русского народа наступила бы духовная смерть. Великий народ в самые ответственные дни своей истории не может существовать без великой идеи, без духовного горения, он рискует умереть от духовного голода. Такой идеей не могут быть никакие интересы, хотя бы и самые справедливые интересы трудящихся. И если русская революция должна быть продолжена, то не в сторону революции социалистической, которая невозможна сейчас и в которую не верят сами социалисты, а в сторону революции духовной, духовного возрождения русского народа, освобождения его от той заразной болезни, которая сейчас его терзает. Спасения можно искать лишь в глубине, а не на поверхности. И день спасения придет, но, быть может, после слишком тяжелых и страшных испытаний. В этот день соединяющая любовь победит в народной душе разъединяющую ненависть.

Кто виноват?

Можно считать уже выяснившимся, что если русская революция и была благом, поскольку она в первые дни свои освободила Россию от кошмара разлагавшейся самодержавной власти, то все дальнейшее «развитие» и «углубление» революции пошло по ложному пути и не принесло никаких добрых плодов России и русскому народу. Были сделаны роковые ошибки, последствия которых многие из нас предвидели и предсказывали. Повторился в больших масштабах 1905 г., и можно ждать реакции большого масштаба. В русской революции очень быстро начался процесс разложения и гниения. Нравственный облик ее делается все более и более отталкивающим. Революция не одухотворена никакими творческими и оригинальными идеями. Господствуют отбросы давно уже разложившихся социалистических идей. Эти охлажденные идеи потеряли всякую этическую окраску и разогреты лишь разнузданием и разъярением корыстных интересов и страстей. Привели эти идеи Россию к позору и унижению, ввергли ее в хаос. В самих революционно-социалистических кругах началось отрезвление после разгула «и сознания ошибок, началось обучение элементарным истинам путем наглядных уроков. Но это наглядное обучение слишком дорого стоит, грядущие поколения призовут нас к ответу за слишком большие расходы по обучению русской революционной интеллигенции в элементарной школе. Мы оставим потомкам нашим размотанное и разоренное наследство. Мы получили Россию от старой власти в ужасном виде, больную и истерзанную, и привели ее в еще худшее состояние. После переворота произошло не выздоровление, а развитие болезни, прогрессирующее ухудшение положения России. Не новая жизнь раскрывается и расцветает, а старая жизнь, окончательно распустившаяся, гниет. Если сознание долга всегда было слабо в России, то сейчас оно окончательно исчезло. Где же искать виновника? Почему так дурно

протекает революция, почему разложение в ней возобладало над созиданием, почему таит она в себе семя неотвратимой, быть может безобразной, реакции?

Никогда революции не бывали слишком хороши, всегда было в них отпадение от разума, всегда связаны они с накоплением зла и со старыми грехами, всегда отрицание в них сильнее созидания. Но в русской революции есть много своего особенного, своих русских болезней и соблазнов, есть расплата за свои русские грехи. Причин всех бедствий и всех грехов русской революции нужно искать глубже, чем их обычно ищут. Причины эти не только в ложной тактике, примененной социалистическими партиями, не только в большевиках, не только в экономической отсталости и в страшном давлении на русскую революцию со стороны Германии. Причины эти прежде всего в ложном направлении духа, в ложных идеях, которыми в течение многих десятилетий жила русская революционная интеллигенция и которыми она отравила народные массы. Русская революция оказалась опытом последовательного применения к жизни русского нигилизма, атеизма и материализма, огромным экспериментом, основанным на отрицании всех абсолютных духовных начал в личной и общественной жизни. С философской точки зрения русская революция есть чистый, ничем не ограниченный и ничему не подчиненный психологизм, восстание произвола человеческих масс против всякого онтологизма...

Большевики — последние русские нигилисты, в них нигилизм интеллигентский соединился с нигилизмом народным. Источники всех наших несчастий нужно искать в соединении нигилистических идей интеллигенции с народной тьмой. Самый революционный переворот был делом национальным, он совершен русским народом как великим целым, он не был делом одной революционной интеллигенции или рабочего класса, ему не предшествовало усиления революционно-социалистического движения. Но русская национальная революция присвоена была себе революционными интеллигентскими кружками и массами, которые пошли за их демагогическими лозунгами. И это совпало с религиозным кризисом в народе...

Русский нигилистический социализм одержим жадной равности во что бы то ни стало. Этот соблазн абсолютного равенства ведет к истреблению всех качеств и ценностей, всех возвышений и подъемов, в нем — дух небытия. Бытие зачалось в неравенстве, в возвышении качеств, в индивидуальных различиях. В нем звезда от звезды различествует во славе. «Погашение всех качественных различий» и всех возвышений было бы возвратом к первоначальному небытию, которое есть совершенное равенство, полное смешение. Восстание первоначального хаотического небытия периодически бывает в истории, целые общественные движения могут быть окрашены в его цвет. Было бы ошибочно, конечно, отождествлять всякий социализм и всякое социалистическое движение с духом небытия.

Возможен социализм и совершенно другого духа. Но атеистический социализм, мнящий себя новой религией, есть конечно религия небытия. В земное всеблаженство, в фабричный земной рай поверили потому, что перестали верить во что бы то ни было высшее. Когда померкли религиозные надежды и ослабла духовная жизнь, остается сорвать земной рай, использовать мгновения этой бессмысленной жизни. Овладевает жажда раздела.

Русский нигилизм, который шире течения конца 60-х годов, носящего это наименование, отвергает не только на словах, не только в мыслях все непререкаемые и абсолютные святыни и ценности, он отвергает их и всей совокупностью своего духа, направлением своей воли, отвергает их на деле, в самой жизни. Нигилизм не только перестал мыслить об ином божественном мире, он перестал быть с ним в общении. Имя Христа не случайно забыто в нашем революционном движении и в нашей революции. Его нет в душах, нет в основном направлении духа, избирающего путь. Слова и имена — не случайные и условные знаки, как думают номиналисты, они — реальные энергии духовной жизни. На этом основано значение молитвы. Менее всего я хочу сказать, что русские революционеры-нигилисты — злодеи и люди дурные; среди них всегда было немало прекрасных людей, искренних, самоотверженных и бескорыстно увлеченных. Но люди эти находятся во власти ложного отрицательного духа, природу которого сами не понимают, люди эти нередко находятся в состоянии одержимости. Они выброшены на поверхность, оторваны от духовного ядра жизни, кружатся во внешних оболочках жизни. В русском нигилизме и русском нигилистическом социализме нет свободы духа, нет духовного здоровья, необходимого для творчества, нет никакой внутренней дисциплины, подчиняющей человека стоящим выше его святыням. Революционное интеллигентское созидание отвергло все объективные духовные начала, все сверхчеловеческие ценности и подчинило жизнь человеческую произволу человеческих страстей, интересов и стремлений к благополучию и наслаждению. Торжествуют лишь утилитарные оценки. Все подчиняется благу отдельных людей и механическому количеству людей...

И сверху и снизу перестали видеть в государстве и в национальности объективные и духовные начала и подчинили их произвольным и субъективным целям социального благополучия. Одни сделали себе идола из самодержавного государства и царизма и поклонились ему как Богу, другие — из народа и пролетариата и ему поклонились. Нигилизм революционный, зависимый от нигилизма реакционного, поклонился количеству вместо качества. Все духовные реальности и духовные ценности подверглись атомизированию и распылению. Церковь, отечество, государство, культура — все давно уже подверглось разложению, и за всем стали видеть голый интерес. Марксизм был принят в России как теоретическое оправдание нигилизма, как циническое отрицание самооценности и

самобытности духовной жизни. Русская интеллигенция с нигилистической закваской очень обрадовалась узнать из немецких книжек, что не существует никакой самостоятельной духовной жизни и что все ценности в ней — лишь идеологические прикрытия интересов, лишь рефлексы экономической действительности. Государство представилось организацией классового господства, национальность — созданием интересов буржуазии, добро и правда — отражением экономических отношений. Марксизм рецепировался у нас прежде всего как цинический нигилизм, направленный на разрушение всех онтологических реальностей... Ряд десятилетий отрицалась в народе ценность отечества, ценность национальности и убивалось всякое национальное чувство как безнравственное. Политика старой власти окончательно добивала здоровый национальный инстинкт. Что же удивляться, если революция оказалась антипатриотической и антинациональной?

Россия давно уже тяжело больна духом, ее сводят судороги одержимого, в нее вселились бесы, то реакционные то революционные, то черные то красные. Русский максимализм, бросающий нас из одной крайности в другую, есть болезнь духа, метафизическая истерия, внутреннее рабство. В душе русского народа давно уже начался кризис веры, народная душа в смятении и находится на перепутье. В такие минуты душа делается безоружной против многих соблазнов. Старое с его духовной дисциплиной отмирает в народной душе, новое же оказалось нигилистическим отрицанием. Так вырабатывается в народе тот безобразный душевный уклад, который вчера приводил к погрому евреев и левой интеллигенции, сегодня может привести к погрому «буржуазии» и всего культурного общества, как слишком правого. Над всем царит одна и та же жажда раздела, завистливый взгляд на духовные и материальные богатства соседа. И это сопровождается полным творческим бессилием, неспособностью к созиданию и нелюбовью к нему.

Русскому народу необходимо здоровое и крепкое национальное чувство, но его не было и нет. И нет того национального воодушевления, которое необходимо для спасения родины. Мы расплачиваемся за старые грехи, мы изведены наследственными болезнями. Нам необходимо внутренне очиститься и духовно переродиться, окончательно поборов в себе всякий нигилизм. Без изменения человеческой ткани, составляющей общество, нельзя рассчитывать на более совершенную общественную жизнь. Из плохих человеческих душ нельзя сделать хорошего общества, это будет лишь внешней перестановкой атомов. С этой точки зрения никакие внешние революции ничего существенного не меняют. Необходим духовный закал личности, ее внутреннее перерождение, повышение ее качеств. Личность человеческая не может всего ждать от нового общества, она прежде всего должна как можно больше ему дать. К сожалению, в русском культурном обществе, либеральном и

просвещенном, нет той силы духа и той горячей веры, которые могли бы спасти Россию от беснования. Чисто либеральные идеи — теплопрохладительные идеи, в них нет огня. И нужно правду сказать: если русские революционные круги исповедовали нигилизм, то русские либеральные круги исповедовали довольно поверхностное просветительство и поверхностный позитивизм, которые также разлагают духовную жизнь и подрывают веру в духовные реальности. Бескрылый русский либерализм сделался национально настроенным лишь во время войны, и революция укрепила его в этой настроенности. Но национальная идея не имеет в нем глубоких корней, для русских либералов в массе патриотизм есть вопрос политической тактики. Они патриоты через силу. Духовное национальное движение у нас еще впереди, оно образуется после изжития и осмысления трагического опыта войны и революции. Оно должно привести к оригинальному общественному творчеству. Оно не будет походить на старый национализм. Но не будет походить и на традиционный гуманистический либерализм. Не только старый революционизм, но и старый либерализм должен принять на себя часть вины за происходящее сейчас с Россией. Русская революция есть Божья кара за явный или тайный нигилизм всех слоев, всех классов и всех направлений, от крайних правых до крайних левых. Творческое национальное движение и возрождение предполагает духовный кризис, обращение к глубоким, божественным источникам жизни.

Демократия и иерархия

Нравственное и эстетическое безобразие русской революции не должно мешать нам увидеть ее огромное значение. Ее духовные последствия во всяком случае будут велики... Поистине русская революция имеет какую-то большую миссию, но миссию нетворческую, отрицательную, — она должна изобличить ложь и пустоту какой-то идеи, которой была одержима русская интеллигенция и которой она отравила русский народ. Идея эта заимствована из западных учений, но она своеобразно преломилась в восточной русской стихии и доведена до небывалой крайности. Русская революция есть изобличение лжи демократии как верховного принципа жизни, опытная проверка того, к чему приводит тираническое торжество эгалитарной страсти. Русские одержимы эгалитарной страстью, жаждой механического и материалистического уравнивания. Эта эгалитарная страсть переживается в России с религиозным пафосом и носит характер демонической одержимости, направленной на истребление всех качеств бытия, всех различий, всех возвышений. В русской революции нарушен иерархический принцип в такой степени, как ни в одной из революций мира. Требование равенства будет в ней скоро распространено не только на низшие ступени человеческого мира, но и на низшие ступени мира природного, на

животные, растения и минералы, на атомы материи. Весь космос распадется на атомы, и каждый атом потребует себе равного положения со всеми другими, каждый признает себя суверенным. Ведь выделение человека из природы, его возвышение над низшей природой есть уже аристократизм, есть уже иерархизм, которого не должна терпеть все сметающая со своего пути эгалитарная страсть.

Французская революция была кровавой и страшной, но и в ней не было полного разрушения того иерархического начала, на котором покоится всякий строй государства и общества, всякая цивилизация. Западная Европа и после всех революционных переворотов осталась иерархической, в ней сохранились традиции всякого цивилизованного общественного бытия. Народы Запада признают градации, различия, ступени, признают возвышения, подбор лучших, подбор качеств. Русские революционеры эти западные свойства воспринимали как «буржуазность». Поистине на Западе много «буржуазности», но дурная «буржуазность» всегда есть разрушение иерархизма, всегда есть восстание и возобладание недостойных, неблагородных, худших. И русское восстание против всякого иерархизма ведет к господству худших, недостойных, неблагородных, русское отрицание «буржуазности» — самое безобразное мещанство. В сущности, русский революционный демократизм враждебен иерархическим основам всякого цивилизованного культурного бытия, всякого государственного и общественного бытия. Это есть варварский индивидуализм, своеволие каждого индивида, который с себя хочет начинать историю мира, ничего не почитая выше себя. И это совсем не есть вопрос той или иной политики, это вопрос особой революционной морали, особого чувства жизни, особого направления религиозности. В основе русской революции лежит не столько ложная политика, сколько ложная мораль. Русские нередко делают нигилистами из моральных побуждений, переживая свой нигилизм как моральную и даже религиозную правду. Они отрицают божественные ценности и духовные реальности. Бога, отечество, истину, красоту, низвергают все установившиеся качества во имя правды и справедливости уравнивания и уравненного блага людей. Русский революционный нигилизм отвергает божественный миропорядок, не принимает иерархического строя космоса...

Такое характерное русское явление, как толстовство, проникнуто истребляющей все богатства бытия эгалитарной страстью, в нем действует какой-то демонический морализм. И как характерно толстовство для русских людей, им отравлены и те, которые не сознают себя толстовцами и ничего общего не имеют с толстовским учением. Война и революция обнаружили, как близок русским дух толстовского непротивленства. Традиционное русское народничество всегда было вдохновлено той же эгалитарной страстью и всегда было враждебно иерархизму культуры. Социальный вопрос для русского народничества всегда

был исключительно вопросом раздела и распределения, никогда не творчества и производства. Царство Божье на земле, к которому так стремились русские люди, жившие в угнетении, представлялось прежде всего как царство равенства, как всеобщее уравнивание, как уничтожение всех исторических иерархий, всех качественных возвышений. Лучшие русские люди говорили о всечеловечности и всемирности русского духа. Но несчастье и болезнь русского духа нужно искать в смешении всеединства, которое заключает в себе полноту всех ступеней бытия, всех градаций, всей иерархии индивидуальностей, от отдельных людей до наций, с упрощительным и уравнивательным смешением, в котором тонут и погибают все ступени, все индивидуальные градации и все иерархии. Поэтому русским и представляется единство человечества упразднением наций. С этим связана глубокая антиисторичность русской интеллигенции, ее моралистическое неприятие тех жертв человеческим благом и человеческим равенством, которыми покупается история с ее творчеством культур и государств. Русских людей соблазняет мгновенное погружение в абсолютное единство и абсолютное равенство, без трудного пути истории, без ступеней, без иерархических различий и отбора лучших. Традиционная русская мораль не придает значения личной ответственности, личной заслуге, подбору личных качеств. Русская мораль не любит силы, всякую силу считает дьявольской, а не божественной, и безнравственно для нее всякое возвышение и иерархически более высокое положение, основанное на заслуге, достоинстве и качестве. С горечью нужно признать, что это не арийская мораль. Многие видят в таком моральном сознании христианскую природу русского народа. Но я думаю, что это огромное недоразумение. Христианство не отрицает личной ответственности за свою судьбу, личной заслуги, личных качеств и возвышений. На Западе все эти свойства связаны с христианской культурой личности. Цвет христианской жизни — святость — есть качественный отбор, возвышение, выживание духовно сильнейших. Христианство — иерархично. Жертва — явление силы, а не слабости.

Все мироощущение и мирозерцание русской интеллигенции должно было привести именно к такой революции, какой и оказалась русская революция. В ней возобладал дух небытия, дух уравнивания, погружающий в ничто, в пустоту, дух смешения и истребления всех различий и достижений. Инстинктам народной массы, еще темной, но уже потерявшей веру, эта новая религия всеобщего уравнивания и смешения, всеобщего стирания всех иерархических качеств показалась очень соблазнительной и подходящей. Низы народные, несознательные, некультурные и изменившие вере отцов, поняли демократию как низвержение всякого иерархического соподчинения, всякого качественного подбора, как торжество восставшего механического количества. В нравственном облике нашей революционной демократии восторжествовал хамизм, низвергающий всякое благородное

почитание того, что качественно выше, достойнее, ценнее, духовно сильнее. Каждый самый ничтожный, самый низкий по своей духовной культуре, по своей одаренности, по своему моральному обличку почувствовал себя царем и самодержцем, ощутил себя носителем суверенной власти. Непонимание благородства иерархического соподчинения, благородства признания и почитания высшего свойственно хамам. Рабы видят высшее состояние в бунте против всего, что выше. Солдат считает унижительным для своего достоинства отдавать честь заслуженному генералу. Он видит достоинство в уравнительном смешении, в том, чтобы каждый был сам себе генералом. Такого рода пробуждение достоинства в солдатах привело к позорному бегству и измене, т.е. к полной потере части.

На этой почве нация пришла к самоубийству. На этой почве развалилась не только армия, которая может быть лишь иерархическим организмом, но разваливается государство, разваливается культура, разваливается всякий общественный лад и строй, разваливается личность. Злобная зависть к соседу, в чем-либо возвышающемуся материально или духовно, положена в основание русской революционной демократии. Жалкое и низкое основание, на котором нельзя ничего строить, ни государства, ни культуры, ни жизни хозяйственной, ни жизни духовной! Разрушение всякой иерархии есть уродливое и безобразное смешение, отрицание космических начал общественной жизни. Поистине строй и лад общественный есть лишь неотрывная часть строя и лада космического. Анархия есть разрушение космоса, восстание хаоса и его возобладание над всякой иерархией. Русская страсть к равенству во что бы то ни стало есть также отрицание личного начала, это — страсть к безличности, утопление личности в хаотической стихии, в хаотическом коллективизме, во всеобщем бескачественном смешении. Личное начало неразрывно связано с иерархизмом, с космическим строем вселенной, оно предполагает различия, возвышения, качественные несходства. Личность отцветает и погибает, когда ее держат в принудительном равенстве со всеми другими личностями, когда всякое нарастание ее силы, ее значительности, ее качественного своеобразия задерживается и умеряется уравниванием с соседями. Это — обида для лучших, потворство худшим. В царстве механического равенства, всех и вся смешивающего в количественной массе, возможны лишь безличные личности. Церковь — образец истинного иерархизма, — в ней личное начало, которому придается абсолютное значение, соединяется с иерархической соборностью, с мистической иерархией, но нет уравнительного смешения, нет принуждения личности к равенству со всякой другой личностью. Этот космический иерархизм проникает и всю культуру, которая есть подбор качеств и возвышение более ценного. Этот космический анархизм проникает и всякую государственность, на нем покоится всякая власть, которая, по словам апостола Павла, от Бога, и это верно и по отношению к самым демократическим государствам. Разрушение

всякого иерархизма в государстве, в обществе, в культуре, в жизни религиозной есть возвращение к первоначальному хаотическому состоянию, оно разрушает человека, который есть высший иерархический чин во вселенной, и отдает человека во власть низших хаотических стихий, которые претендуют на равенство с человеком. Да и сам человек есть иерархический организм, в котором все части должны быть соподчинены высшему центру. При нарушении же этого иерархического соподчинения человек разваливается, в нем гибнет образ и подобие Божье.

Демократический принцип понят у нас до ужаса извращенно. То, что есть истинного в демократии, и есть отыскание путей подбора лучших, устранение ложного иерархизма и установление благоприятных условий для истинного иерархизма. Аристократическое начало заключено в пожеланиях представительной демократии. Демократия не непременно исключает высшую иерархию. Свободный, самоопределяющийся и самоуправляющийся народ может признать высшую правду иерархического строя, подбора лучших и соподчинения низшего высшему. Демократия нуждается в воспитании в истинно иерархическом духе, без этого она разлагается и духовно падает. «Буржуазность» в дурном смысле этого слова и есть нарушение истинного иерархизма, выдавание худшего за лучшее, занятие положений, не соответствующих качествам и достоинствам. Снобизм есть отрицание истинного иерархизма и рабство у ложного иерархизма. Демократия, которая признает себя верховным и единственным принципом жизни, уже ничему не подчиненным, есть, конечно, ложь и соблазн. И эта соблазнительная ложь демократии есть и своя подчиненная правда, которая помогает торжеству истинного иерархизма над ложным иерархизмом. Окончательной же в высшей остается истина, провозглашенная Платоном: идеальной формой правления может быть лишь аристократия, господство лучших, благороднейших, даровитейших, духовно сильнейших. Это и есть истинный иерархизм, на котором только и могут быть основаны государства и культуры народов. Вырабатывается и преемственно передается более благородная и более одаренная раса, которая призвана определять судьбы мира в судьбы народов. Но отыскание представителей этой расы и призвание их к господству — очень сложный и мучительный процесс. Худшим слишком часто принадлежит господство. И вопрос об отношении подбора лучших к кровной, исторической благородной расе сложнее, чем это думают представители примитивной демократической метафизики.

Низвержение расы лучших есть разрушение космоса, посягательство на божественный миропорядок. Само возникновение космического бытия есть различие в славе солнца от луны, звезды от звезды. То же начало должно проникать всю жизнь общественную и должно открывать в ней пути к выявлению истинной иерархии, должно

противиться духу уравнительного небытия. В русской революции обнаружился дух завистливого и мстительного низвержения всякой иерархии, не только земной, но и небесной, звездной иерархии. Этот неблагородный дух подрывает духовное здоровье русского народа, обессиливает его и готовит ему печальное будущее. На этом пути невозможно творчество, ибо творчество — иерархично, а не демократично, оно предполагает возвышение и преобладание качеств. Тот, кто не хочет признать высшего, тот попадает во власть к низшему. Таков закон мировой справедливости. Восставший против Бога и не почитающий святынь ползает на животе перед идолами и рабствует перед гадами. Человек не может освободиться от религиозного почитания, и, когда он перестает религиозно почитать высшее, он начинает религиозно почитать низшее: антихрист заменяет в сердце человеческом Христа и создает свою безбожную иерархию.

(Русская свобода. 1917. № 1. С. 6–12; № 2. С. 16–23;
№ 3. С. 8–14; № 4. С. 5–10;
№ 5. С. 8–11; № 6. С. 3–6;
№ 10–11. С. 3–7; № 12–13. С. 3–7;
№ 18–19. С. 3–8; № 24–25. С. 5–10.
Русская мысль. 1917. Кн. VII–VIII. С. 90–97;
Кн. V–VI. С. 76–81)

Приложение

Письмо Льва Толстого к Николаю II

Любезный брат.

Такое обращение я счел наиболее уместным, потому что обращаюсь к Вам в этом письме не столько как к Царю, сколько как к человеку-брату. Кроме того, еще и потому, что пишу Вам как бы с того света, находясь в ожидании близкой смерти.

Мне не хотелось умереть, не сказав Вам того, что я думаю о Вашей теперешней деятельности и о том, какую она могла бы быть, какое большое благо она могла бы принести миллионам людей и Вам и какое большое зло она может принести людям и Вам, если будет продолжаться в том же направлении, в котором идет теперь.

Третью Россию находится в положении усиленной охраны, т.е. вне закона, армия полицейских — явных и тайных — все увеличивается, тюрьмы, места ссылки и каторги переполнены сверх сотен тысяч уголовных — политическими, к которым причисляют теперь и рабочих. Цензура дошла до нелепостей запрещений, до которых она не доходила в худшее время 40-х годов, религиозные гонения никогда не были столь часты и жестоки, как теперь, и становятся все жесточе и жесточе и чаще; везде в городах и фабричных центрах сосредоточены войска и высылаются с боевыми патронами против народа; во многих местах уже были братоубийственные кровопролития, и везде готовятся и неизбежно будут новые и еще более жестокие.

И как результат всей этой напряженной и жестокой деятельности правительства, земледельческий народ — те 100 миллионов, на которых зиждется могущество России, — несмотря на непомерно возрастающий государственный бюджет, или, скорее, вследствие этого возрастания нищает с каждым годом, так что голод стал нормальным явлением, и таким же явлением стало всеобщее недовольство правительством всех сословий и враждебное отношение к нему...

Ведь вы не можете не знать того, что с тех пор, как нам известна жизнь людей, формы жизни ее, как экономические и общественные, так религиозные и политические, постоянно изменялись, переходя от более грубых, жестоких и неразумных к более мягким, человеческим и разумным.

Ваши советники говорят Вам, что это неправда, что русскому народу как было свойственно когда-то православие и самодержавие, так оно свойственно ему и теперь, и

будет свойственно до конца дней, и что поэтому для блага русского народа надо во что бы то ни стало поддерживать эти две связанные между собою формы: религиозного верования и политического устройства. Но ведь это двойная неправда. Во-первых — никак нельзя сказать, чтобы православие, которое когда-то было свойственно русскому народу, было свойственно ему и теперь. Из отчетов обер-прокурора Синода Вы можете видеть, что наиболее духовно развитые люди народа, несмотря на все невыгоды и опасности, которым они подвергаются, отступая от православия, с каждым годом все больше и больше переходят в так называемые секты. Во-вторых — если справедливо то, что народу свойственно православие, то незачем так усиленно поддерживать эту форму верования и с такою жестокостью преследовать тех, которые отрицают ее.

Что же касается самодержавия, то оно точно так же если и было свойственно русскому народу, когда народ этот еще верил, что царь — непогрешимый земной бог и сам один управляет народом, то далеко уже не свойственно ему теперь, когда все знают или, как только немного образуются, узнают — во-первых, то, что хороший царь есть только «un heureus hasard», а что Цари могут быть и бывали и изверги, и безумцы, как Иоанн IV или Павел, а во-вторых, то, что какой бы он ни был хороший, никак не может управлять сам 130-миллионным народом, а управляют народом приближенные царя, заботящиеся больше всего о своем положении, а не о благе народа. Вы скажете: царь может выбирать себе в помощники людей бескорыстных и хороших. К несчастью, царь не может этого делать потому, что он знает только несколько десятков людей, случайно или разными происками приблизившихся к нему и старательно загораживающих от него всех тех, которые могли бы заместить их...

Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отдаленной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением. И потому поддерживать эту форму правления в связанное с нею православие можно только — как это и делается теперь — посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел.

И таковы были до сих пор дела Вашего царствования. Начиная с Вашего возбудившего негодование всего русского общества ответа тверской депутации, где Вы самые законные желания людей назвали «бессмысленными мечтаниями», — все Ваши распоряжения о Финляндии, о китайских захватах, Ваш проект Гаагской конференции, сопровождаемый усилением войск, Ваше ослабление самоуправления и усиление административного произвола. Ваша поддержка гонений за веру, Ваше согласие на

учреждение винной монополии, т.е. торговли от правительства ядом, отравляющим народ, а, наконец, Ваше упорство в удержании телесного наказания, несмотря на все представления, которые делаются Вам об отмене этой позорящей русский народ, бессмысленной и совершенно бесполезной меры, — все это пустяки, которые Вы не могли бы сделать, если бы не задались по совету Ваших легкомысленных помощников невозможной целью — не только остановить жизнь народа, но вернуть его к прежнему пережитому состоянию.

Мерами насилия можно угнетать народ, но нельзя управлять им. Единственное средство в наше время, чтобы действительно управлять народом, только в том, чтобы, став во главе движения народа от зла к добру, от мрака к свету, вести его к достижению ближайших к этому движению целей. Для того же, чтобы быть в состоянии сделать это, нужно прежде всего дать народу возможность высказать свои желания и нужды, и, выслушав эти желания и нужды, исполнить те из них, которые будут отвечать требованиям не одного класса или сословия, а большинству его, массе рабочего народа.

И те желания, которые выскажет теперь русский народ, если ему будет дана возможность это сделать, по моему мнению, будут следующие:

Прежде всего рабочий народ скажет, что желает избавиться от тех исключительных законов, которые ставят его в положение пария, не пользующегося правами всех остальных граждан; потом скажет, что он хочет свободы передвижения, свободы обучения и свободы исповедания веры, свойственной его духовным потребностям, и, главное, весь 100-миллионный народ в один голос скажет, что он желает свободы пользования землей, т.е. уничтожения права земельной собственности.

И вот это-то уничтожение права земельной собственности в есть, по моему мнению, та ближайшая цель, достижение которой должно сделать в наше время своей задачей русское правительство.

В каждый период жизни человечества есть соответствующая времени ближайшая ступень осуществления лучших форм жизни, к которой оно стремится. Пятьдесят лет тому назад такой ближайшей ступенью было для России уничтожение рабства. В наше время такая ступень есть освобождение рабочих масс от того меньшинства, которое властвует над ними, то, что называется рабочим вопросом.

В Западной Европе достижение этой цели считается возможным через передачу заводов и фабрик в общее пользование рабочих. Верно ли или неверно такое разрешение вопроса и достижимо ли оно или нет для западных народов — оно очевидно неприменимо к России, какова она теперь. В России, где огромная часть населения живет на земле и находится в полной зависимости от крупных землевладельцев, освобождение рабочих, очевидно, не может быть достигнуто переходом фабрик и заводов в общее пользование. Для

русского народа такое освобождение может быть достигнуто только уничтожением земельной собственности и признанием земли общим достоянием, тем самым, что уже с давних пор составляет задушевное желание русского народа и осуществления чего он все еще ожидает от русского правительства.

Знаю я, что эти мысли мои будут приняты Вашими советниками как верх легкомыслия и непрактичности человека, не постигающего всей трудности государственного управления, в особенности же мысль о признании земли общей народной собственностью, но знаю я и то, что для того, чтобы не быть вынужденным совершать все более и более жестокие насилия над народом, есть только одно средство, а именно: сделать своею задачей такую цель, которая стояла бы впереди желаний народа. И, не дожидаясь того, чтобы накатывающийся воз бил по коленкам — самому везти его, т.е. идти в первых рядах осуществления лучших форм жизни. А такой целью может быть для России только уничтожение земельной собственности. Только тогда правительство может, не делая, как теперь, недостойных и вынужденных уступок фабричным рабочим или учащейся молодежи, без страха за свое существование быть руководителем своего народа и действительно управлять им...

Я лично думаю, что в наше время земельная собственность есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какою было крепостное право 50 лет тому назад. Думаю, что уничтожение ее поставит русский народ на высокую степень независимости, благоденствия и довольства. Думаю тоже, что эта мера несомненно уничтожит все то социалистическое и революционное раздражение, которое теперь разгорается среди рабочих и грозит величайшей опасностью и народу, и правительству.

Но я могу ошибаться, и решение этого вопроса в ту или другую сторону может быть дано опять-таки только самим народом, если он будет иметь возможность высказаться. Так что, во всяком случае, первое дело, которое теперь предстоит правительству, — это уничтожение того гнета, который мешает народу высказать свои желания и нужды. Нельзя делать добро человеку, которому мы завяжем рот, чтобы не слышать того, чего он желает для своего блага. Только узнав желания и нужды всего народа или большинства его, можно управлять народом и сделать ему добро.

Любезный брат, у Вас только одна жизнь в этом мире, и Вы можете мучительно потратить ее на тщетные попытки остановки установленного Богом движения человечества от зла к добру, мрака к свету и можете, вникнув в нужды и желания народа и посвятив свою жизнь исполнению их, спокойно и радостно провести ее в служении Богу и людям.

Как ни велика Ваша ответственность за те годы Вашего царствования, во время которых Вы можете сделать много доброго и много злого, но еще больше Ваша

ответственность перед Богом за Вашу жизнь здесь, от которой зависит Ваша вечная жизнь и которую Бог дал Вам не для того, чтобы предписывать всякого рода злые дела или хотя участвовать в них и допускать их, а для того, чтобы исполнять Его волю. Воля же Его в том, чтобы делать не зло, а добро людям.

Подумайте об этом не перед людьми, а перед Богом и сделайте то, что Вам скажет Бог, т.е. Ваша совесть. И не смущайтесь теми препятствиями, которые Вы встретите, если вступите на новый путь жизни. Препятствия эти уничтожатся сами собой и Вы не заметите их, если только то, что Вы будете делать, Вы будете делать не для славы людской, а для своей души, т.е. для Бога.

Простите меня, если я нечаянно оскорбил или огорчил Вас тем, что написал в этом письме. Руководило мною только желание блага русскому народу и Вам. Достиг ли я этого — решит будущее, которого я, по всем вероятностям, не увижу. Я сделал то, что считал своим долгом.

Истинно желающий Вам истинного блага

брат Ваш Лев Толстой

16 января 1902 г.

(Былое. 1917. № 1. С. 16–21)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ (1904–1906 гг.)

Высочайший рескрипт,
данный на Имя Его Императорского Высочества
Великого Князя Николая Николаевича

Ваше Императорское Высочество. В видах обеспечения соответственного государственным потребностям и средствам развития вооруженных сил Империи и объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласования ее с деятельностью других Правительственных учреждений по вопросам, относящимся к безопасности Государства, — признав необходимым ныне же образовать постоянный Совет Государственной обороны, возлагаю подробную разработку положения о таком учреждении, по непосредственным Моим указаниям, на Особое Совещание из лиц, Мною назначенных, под председательством Вашего Императорского Высочества.

Я уверен, что под Вашим деятельным руководством возложенная Мною на Совещание работа будет выполнена без замедления с тою тщательностью и всесторонним вниманием, которых требует важное Государственное значение предначертанного Мною нового высшего учреждения.

Пребываю к Вашему Императорскому Высочеству навсегда неизменно благосклонный

«Николай».

5 мая 1905 года

Именной Высочайший Указ
Правительствующему Сенату

Рескриптом на Имя Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича, 5-го истекшего мая данным, поручили Мы Особому, под председательством Его Высочества, Совещанию разработать положение о совете государственной обороны.

Ныне утвердив составленные сим совещанием положение о поименованном совете, а также штат канцелярии оного и препровождая таковые штат и положение в Правительствующий Сенат, ПОВЕЛЕВАЕМ обнародовать их и привести в действие установленным порядком.

Правительствующий Сенат не оставит учинить к исполнению сего надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственного Его Императорского Величества рукою подписано:

«Николай».

В Петергофе

8 июня 1905 года

ПОЛОЖЕНИЕ
о Совете государственной обороны
(Высочайше утверждено 8 июня 1905 года)

а) Общие постановления

В видах обеспечения соответственного государственным потребностям и средствам развития вооруженных сил Империи, объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласования ее с деятельностью других правительственных учреждений по вопросам, относящимся к безопасности государства, учреждается Совет государственной обороны.

Учреждение Совета не изменяет круга ведения и порядка рассмотрения дел в Государственном Совете, Комитете Министров и других высших учреждениях, а равно не изменяет степени и предела власти Министров и отношений их к государственным установлениям.

Совет непосредственно подчиняется Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Совет состоит из председателя, шести постоянных членов по непосредственному избранию ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и непрременных членов по занимаемым должностям, каковыми состоят: Военный Министр. Управляющий Морским Министерством, начальник Главного Штаба, начальник Главного Морского Штаба и генерал-инспекторы родов оружия. Сверх того в Совет на правах членов могут приглашаться, с ВЫСОЧАЙШЕГО каждый раз соизволения, и другие Министры и Главноуправляющие, а равно высшие начальствующие лица армии и флота.

К ведению совета относятся: а) обсуждение общих мероприятий военного и морского ведомств, намеченных ими к исполнению на известней период, для развития военного могущества государства соответственно его политическим задачам; б) наблюдение за последовательным исполнением указанных выше мероприятий, утвержденных ВЫСОЧАЙШЕЮ властью; в) обсуждение главнейших предположений военного и морского ведомств о применении всех средств государства на случай войны в целях объединения и должного направления подготовительных к войне работ; г) наблюдение за осуществлением ВЫСОЧАЙШЕ утвержденных мер, до обороны страны относящихся; д) обсуждение изменений в деятельности военного и морского ведомств, вызываемых особыми условиями, которые не могли быть предусмотрены при составлении предположений о мероприятиях на известные сроки, и е) обсуждение и согласование междуправительственных разногласий по вопросам государственной обороны.

По делам, выше перечисленным, необходимые сведения сообщаются подлежащими Министрами в форме записок, заключающих в себе с надлежащей полнотой и ясностью все соображения и справки, необходимые для всестороннего обсуждения дела, и мнение Министра.

Совету предоставляется право возбуждения и предоставления на ВЫСОЧАЙШЕЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА благовозрение предположений по вопросам, до государственной обороны относящимся.

Совет сам по себе исполнительной власти не имеет. Приведение ВЫСОЧАЙШЕ утвержденных постановлений Совета в действие производится теми Министрами, к ведомству которых дела по роду своему принадлежат.

б) О председателе Совета

Председатель Совета избирается и назначается ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ.

В тех случаях, когда Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно председательствовать в Совете, председатель Совета исполняет обязанности члена Совета.

Председатель Совета имеет личный доклад у Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА...

Председатель Совета должен своевременно получать от Военного Министра и Управляющего Морским Министерством извещения о важнейших начинаниях и предположениях этих ведомств, имеющих связь с Государственной обороною и не вошедших в ВЫСОЧАЙШЕ утвержденную программу мероприятий.

Председатель Совета должен быть осведомлен Министром Иностранных Дел о всем, имеющем отношение к государственной обороне.

Председатель Совета повергает на ВЫСОЧАЙШЕЕ воззрение представления об осмотре лично им или членами Совета войск, крепостей, сооружений и учреждений военного и морского ведомств. Отчеты об осмотре с заключением Совета представляются на ВЫСОЧАЙШЕЕ рассмотрение...

в) О членах Совета

Постоянные члены Совета назначаются ВЫСОЧАЙШИМ указом Правительствующему Сенату ежегодно к 1 января из генералов и адмиралов по ВЫСОЧАЙШЕМУ избранию...

г) О заседаниях Совета

В тех случаях, когда Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно председательствовать в Совете, приглашение членов Совета и лиц по особым указаниям ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА производится по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению.

Заседания Совета по усмотрению председателя могут быть в составе только одних постоянных членов или в полном составе. На те или другие заседания могут приглашаться председателем лица, объяснения которых при обсуждении дела признаются необходимыми...

Все происходящее в Совете почитается государственною тайною...

В отношении назначения дел к докладу, порядка рассмотрения дел, составления и подписания журналов, представления их на ВЫСОЧАЙШЕЕ благоволение и исполнения по ним — в Совете применяется порядок, установленный по Комитету Министров.

д) О канцелярии Совета

Канцелярия Совета состоит из начальника канцелярии и делопроизводителей. Состав канцелярии определяется штатом.

Начальник канцелярии избирается председателем Совета по соглашению с Военным Министром и назначается Высочайшим приказом и указом Правительствующему Сенату...

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ,
и прочая, и прочая, и прочая

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи НАШЕЙ великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце НАШЕ. Благо Российского ГОСУДАРЯ неразрывно с благом народным, и печаль народная — Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству Державы НАШЕЙ.

Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы для успешнейшего выполнения общих предназначаемых НАМИ к умиротворению государственной жизни мер признали необходимым объединить деятельность высшего Правительства.

На обязанность Правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной НАШЕЙ воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку,

и 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий постановленных от НАС властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с НАМИ напрячь силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в 17-й день октября в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, Царствования же НАШЕГО одиннадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«Николай».

ВЫСОЧАЙШЕ ПОВЕЛЕНИЕ

Государь Император Высочайше соизволил повелеть Председателю Комитета Министров статс-секретарю графу Витте принять меры к объединению деятельности Министров впредь до утверждения законопроекта о Совете Министров.

(На подлинном Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ в Петергофе в 17-й день октября 1905 г. благоугодно было собственноручно начертать: «Принять к руководству».)

Всеподданнейший доклад статс-секретаря графа Витте

...Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств государственного и социального устройства или только как результат организованных действий крайних партий. Корни этого волнения, несомненно, лежат глубже. Они — в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы.

В уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внешние формы русской жизни. Первую задачу Правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную думу, основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Укрепление этих важнейших сторон политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки, наравне с вопросами, касающимися уравнивания перед законом всех подданных ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, независимо от вероисповедания и национальности. Само собою разумеется, что предоставление населению прав гражданской свободы должно сопутствоваться законным ограничением ее для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства.

Следующей задачей Правительства является установление таких учреждений и таких законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества и давали положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы. Задача эта сводится к устройению правового порядка. Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности экономическая политика Правительства должна быть направлена ко благу широких народных масс, разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признанных во всех культурных странах.

Намеченные здесь в нескольких словах основания правительственной деятельности для полного осуществления своего требуют значительной законодательной работы и последовательного административного устройства. Между выраженным с наибольшей искренностью принципом и осуществлением его в законодательных нормах, а в особенности проведением этих норм в нравы общества и приемы правительственных агентов не может не пройти некоторое время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постольку,

поскольку население получает к ним привычку — гражданский навык. Сразу приуготовить страну со 135-миллионным разнородным населением и обширнейшей администрацией, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не по силам никакому правительству. Вот почему далеко не достаточно власти выступить с лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране порядок, нужны труд, неослабевающая твердость и последовательность...

Весьма важно сделать реформу Государственного Совета на началах видного участия в нем выборного элемента, ибо только при этом условии можно ожидать нормальных отношений между этим учреждением и Государственной думой.

Не перечисляя дальнейших мероприятий, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, я полагаю, что деятельность власти на всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы.

2. Стремление к устранению исключительных законоположений.

3. Согласование действий всех органов Правительства.

4. Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству,

- и 5. Противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Само собою разумеется, что осуществление поставленных выше задач возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которое позволило бы направить силы к плодотворной работе. Следует верить в политический такт русского общества. Не может быть, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ

Правительствующему Сенату

На основании Общего Министерств Наказа, в порядке государственных сил, Министерства представляют установление, посредством коего Верховная Исполнительная Власть действует на все части управления. Верховной Властью непосредственно подчинены все Министры и Главноуправляющие отдельными частями, хотя бы они и не имели названия Министров, но когда им вверено главное управление государственных дел, в общем разделении их отдельное Министерство составляющих. В соответствии сему все Министерства и Главные Управления составляют единое управление, и ни одно из них не может отделяться от других ни в видах управления, ни в общей его цели.

В развитие сих коренных начал министерского устройства и в целях вящего его объединения, необходимость коего вызывается также предстоящими Министрам и Главноуправляющим отдельными частями, с образованием Государственной думы, новыми обязанностями, признали мы за благо установить соответственные требованиям времени меры к укреплению единства в деятельности Министерств и Главных Управлений.

Вследствие сего ПОВЕЛЕВАЮ:

1. Взамен действующего учреждения Совета Министров (свод. зак., т. 1, ч. 2, изд. 1892 г.), постановить нижеследующие правила:

На Совет Министров возлагается направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления.

Совет Министров состоит из Министров и Главноуправляющих отдельными частями, принадлежащими к общему министерскому устройству. Главные начальники прочих ведомств участвуют в Совете лишь по предметам своего ведомства. Товарищи главных начальников ведомств участвуют в Совете Министров только в случае вступления в управление ведомством.

Совет Министров состоит под председательством одного из Министров, по избранию ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, или особого, призываемого к тому МОНАРШИМ доверием лица...

Председатель Совета Министров, хотя бы он и не заведовал отдельною частью государственного управления, может на тех же основаниях, как установлено для Министров, участвовать по делам всех ведомств в Государственной думе и Государственном Совете и заступать каждого из главных начальников ведомств...

Дела, относящиеся до ведомства ИМПЕРАТОРСКОГО Двора и Уделов, государственной обороны и внешней политики, вносятся в Совет Министров, когда последует на то ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление, или когда начальники подлежащих ведомств признают сие необходимым, или же когда упомянутые дела касаются других ведомств.

Предположения начальников ведомств, принадлежащих к общему министерскому устройству о замещении главных должностей высшего и местного управления, поступают на обсуждение Совета Министров. Правило сие не распространяется на должности по ведомству ИМПЕРАТОРСКОГО Двора и Уделов и по управлению армиею и флотом, а также на должности дипломатические...

«Николай».

В Петергофе

19 октября 1905 года

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ

Об изменении правил о призыве войск для содействия гражданским властям

Государственный совет в соединенных департаментах законов, гражданских и духовных дел и государственной экономики и в общем собрании, рассмотрев представление военного министра об изменении правил о призыве войск для содействия гражданским властям, принял во внимание, что допускаемый издаваемыми правилами призыв воинских частей для подавления возникших беспорядков, как мера, принимаемая только в случае недостаточности местных полицейских сил, сам по себе указывает на серьезную опасность беспорядков. Не следует забывать, что до принятия этой меры гражданское начальство обязано употребить все имеющиеся в его распоряжении средства для прекращения беспорядков и даже по прибытии вызванных войск сделать толпе последнее увещание. Только в случае безуспешности этого увещания гражданские власти уполномочивают начальника военной команды принять меры к прекращению беспорядков. Но и затем начальник команды не обязан немедленно приступить к действию оружием. Согласно статье 28 правил он действует по своему усмотрению всеми теми способами, которые признает соответствующими положению дела, прибегая и к увещаниям, если таковые будут признаны им возможными. Наконец, когда начальник команды, истощив все другие средства для прекращения беспорядков, признает необходимым употребить силу оружия, то, за исключением особо указанных случаев, толпа предупреждается об этом троекратными сигналами. По соблюдении всех этих условий толпа должна считаться достаточно предупрежденною, и, если и после сего беспорядки не прекращаются, употребление против нее оружия должно иметь значение действительного применения военной силы, а отнюдь не устрашения. Однако и при необходимости употребить военную силу действие огнестрельным оружием будет допускаться лишь в тех случаях, когда никакими другими способами не представится возможным прекратить беспорядки. Что касается засим употребления собственно огнестрельного оружия, то Государственный совет находит нужным прежде всего заметить, что стрельба вверх (боевыми патронами) отнюдь не может быть допущена. Такая стрельба, не поражая бунтующей толпы, при дальноточности современных ружей может причинить неисчислимый вред лицам, не только не участвующим в беспорядках, но и находящимся в далеком от места их совершения расстоянии. Эти последствия стрельбы вверх настолько тяжки, что необходимо воспретить ее безусловным постановлением закона. Равным образом, по мнению Государственного совета, должна быть

воспрещена законом и стрельба холостыми патронами. В сем отношении надлежит иметь в виду, что при употреблении такой стрельбы, в особенности если она делается обычным приемом при подавлении беспорядков, всякие меры увещания и предупреждения утратят действие. Мало того, самая стрельба холостыми патронами как мера предупреждения не может быть признана целесообразною. Отсутствие в законе прямого воспрещения стрелять холостыми зарядами не исключало бы, конечно, возможности для военного начальства в случае надобности отдать приказание действовать сразу боевыми патронами. Но при таком изложении закона население не было бы надлежащим образом поставлено в известность о неизбежности серьезных последствий при употреблении войсками оружия. Поэтому действие сразу боевыми патронами может оказаться для бунтующей толпы неожиданным и будет сопровождаться большим числом жертв, чем в том случае, если бы она знала, что войска всегда обязаны стрелять боевыми патронами. Нельзя также рассчитывать на более благоприятные результаты и в тех случаях, когда первые залпы в толпу будут сделаны холостыми патронами, так как, заметив недействительность открытого против нее огня, толпа может ожидать повторения холостых залпов и не только не прекратит беспорядков, но делается еще более настойчивою в своих действиях. Поэтому нет оснований полагать, что употребление холостых патронов может устранить необходимость действовать боевыми патронами или сделать действие их менее губительным для толпы. Наоборот, издание закона, запрещающего войскам употреблять холостые патроны, и неуклонное исполнение этого закона скоро приучит население видеть в войсках грозную силу, а не только средство устрашения. При таких условиях одно появление перед бунтующею толпою войск окажет на нее устрашающее действие и заставит многих отказаться от участия в беспорядках.

Независимо от сего нельзя не принять во внимание, что отсутствие в законе точных указаний о стрельбе холостыми патронами предоставит военному начальству решать в каждом случае по своему усмотрению вопрос о допустимости такой стрельбы. Присвоение такого права военным властям не может, однако, быть признано удобным. Оно неизбежно поведет к произвольному выбору в однородных случаях разного способа действия оружием. Вместе с тем оно возложит ответственность за стрельбу боевыми патронами на войска и подвергнет их нежелательным нареканиям в неправильности действий. Наконец, не следует упускать из вида, что сами воинские части могут подвергнуться серьезной опасности от нападения вооруженной толпы, если их ружья заряжены холостыми патронами. Невозможность сделать своевременно боевой залп может повести к тому, что войска подвергнутся нападению толпы и при многочисленности ее могут быть ею обезоружены.

По всем этим основаниям Государственный совет находит необходимым в видах как поддержания порядка, так и возможного уменьшения числа жертв при подавлении

беспорядков определительно указать в законе, что стрельба вверх и холостыми патронами воспрещается.

Обсудив затем другие, связанные с представлением военного министра вопросы, Государственный совет мнением положил:

Проект правил о призыве войск для содействия гражданским властям поднести к ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА утверждению.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изложенное мнение Государственного совета, 7 февраля 1906 года ВЫСОЧАЙШЕ утвердить соизволил и повелел исполнить.

Правила о призыве войск для содействия гражданским властям

(Высочайше утверждены 7 февраля 1906 года)

Войска могут быть призываемы для содействия гражданским властям лишь в крайней необходимости и при недостаточности полицейских средств.

При вышеуказанных условиях гражданские власти имеют право призывать войска в следующих случаях:

- 1) для охранения благочиния при церковных торжествах;
- 2) при тушении всякого рода пожаров, не исключая и лесных, охране имущества на пожарах, разлитии рек, истреблении вредных животных и насекомых, землетрясениях и вообще явлениях, угрожающих народными бедствиями;
- 3) для задержания ушедших арестантов и для поимки разбойников и других преступников, при их многочисленности или ожидаемом вооруженном сопротивлении;
- 4) для прекращения угрожающих общественной безопасности: народных беспорядков, массовых сопротивлений гражданским властям и насильственного похищения и разрушения имущества (разгромов).

Для предупреждения могущих возникнуть беспорядков допускается требование войск лишь в те пункты, где совсем не имеется гарнизона или где он недостаточен.

В местах постоянного квартирования войска не вызываются из казарм в предупреждение беспорядков, но гражданская власть имеет право требовать, чтобы войска, оставаясь в казармах, были готовы немедленно явиться к месту беспорядков по ее вызову. При этом гражданская власть имеет право указывать, в каких именно казармах данного города войска должны быть готовы...

Войска могут быть призываемы также:

- 1) для преследования скопищ вооруженных контрабандистов, если наличные силы пограничной или таможенной стражи окажутся для сего недостаточными;
- 2) для прекращения беспорядков среди арестантов в местах заключения, если средства тюремного надзора и стражи окажутся недостаточными.

Сверх того, войска призываются в установленных законом случаях:

- 1) для содержания караулов;
- 2) для присутствия при исполнении судебных приговоров;
- 3) для содействия судебным властям и
- 4) для сопровождения казенных имуществ и транспортов.

Право призыва войск... принадлежит: сенаторам во время производства ими ревизии, генерал-губернаторам, губернаторам, градоначальникам, начальникам полиции в городах и уездах, начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог, начальникам отделений сих управлений и начальникам важнейших мест заключения...

Требование о призыве войск должно быть предъявлено начальнику гарнизона или ближайшей воинской части письменно. В случаях же, не терпящих отлагательства, требования эти могут быть предъявляемы: 1) словесно или самим вызывающим воинскую часть, или посланным им доверенным лицом, причем в последнем случае лицо, предъявившее требование, оставляется при части войск и следует вместе с нею до прибытия на место происшествия и разъяснения обстоятельств призыва войск, и 2) всяким иным способом, лишь бы начальник гарнизона или воинской части имел надлежащее убеждение в том, что требование о вызове воинской части сделано лицом, имеющим на то право и точно знал место, куда должен отправить войска. В этих случаях требования о вызове войск должны быть подтверждены письменно не позже следующего дня...

Получив требование о вызове войск для предупреждения могущих возникнуть беспорядков, военное или морское начальство немедленно наряжает дежурную часть, готовую к выходу по первому требованию, а равно по предварительному соглашению с гражданскою властью высылает: а) команды для охраны правительственных и имеющих важное общественное значение учреждений, зданий и сооружений и б) разъезды и патрули, поступающие в распоряжение гражданского начальства.

При наряде войск для прекращения массовых беспорядков наблюдается, чтобы войска были наряжаемы в составе не менее одной роты, эскадрона или сотни, а артиллерия в составе не менее двух орудий. За отсутствием пехоты и кавалерии допускается наряжать команды артиллеристов без орудий, с присвоенным вооружением, в составе не менее 50 человек и по возможности верхом...

Гражданские власти и чины полиции не должны возлагать на воинских чинов самостоятельного выполнения обязанностей чинов полиции, а могут лишь требовать себе содействия.

Если ко времени прибытия войск, вызванных на место беспорядков, последние не прекратятся, то гражданские власти без замедления, сделав последнее увещание, уполномочивают начальника прибывшей команды выполнить те мероприятия, которые могут повести к прекращению беспорядка, рассеянию толпы или захвату ее...

Оружие (холодное или огнестрельное) может быть употребляемо войсками с соблюдением следующих правил:

I. По передаче полномочий со стороны гражданских властей и после троекратного предупреждения сигналом на трубе или барабане:

- 1) для разъяснения неповивающейся толпы;
- 2) против толпы, препятствующей движению войск.

II. Не ожидая передачи полномочий со стороны гражданских властей, но с установленным троекратным предупреждением:

против толпы, оскорбляющей войска словами.

III. Не ожидая передачи полномочий со стороны гражданских властей и без всякого предупреждения:

1) против толпы или арестантов, нападающих на войска или совершающих какие-либо враждебные против них действия;

2) против производящих в присутствии войск насилия над личностью, насильственное разрушение имущества (разгром), зажигательство или убийство;

3) против препятствующих или оказывающих сопротивление к задержанию лиц, подлежащих арестованию.

Примечание. Для предупреждения неповивающейся толпы ни стрельба вверх, ни стрельба холостыми патронами не должны быть допускаемы.

Признав необходимым употребить силу оружия, военный или морской начальник приказывает действовать по своему усмотрению холодным или огнестрельным орудием с тем, однако, чтобы действие огнестрельным оружием допускаемо было лишь в случае неизбежной необходимости, когда никакими другими способами нельзя будет прекратить беспорядок.

Караулы, часовые, разъезды, дозоры и отдельные чины от войск, назначенных для содействия гражданским властям, при подавлении беспорядков вправе употребить оружие для защиты самих себя, охраняемого лица или вверенного охране поста и против арестованного, совершающего побег.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ,
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ, и прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всем НАШИМ верным подданным:

Манифестом 6 августа 1905 года Мы возвестили о созыве Государственной думы из выборных от населения, утвердив того же числа ее учреждение. Манифестом 17 октября минувшего года Мы предоставили Государственной думе новые в делах законодательства полномочия. С тем вместе НАМИ одобрено предположение о переустройстве Государственного совета на началах видного участия в нем выборных от населения.

Исполняя таковое намерение НАШЕ, Мы повелели выработать необходимые вследствие того в учреждении Государственного совета изменения, а также подвергнуть пересмотру учреждение Государственной думы для согласования его с началами, 17-го октября прошлого года НАМИ провозглашенными. Труд сей ныне исполнен.

К участию в законодательной деятельности Государственного совета призываются в равном числе с членами, присутствующими в нем по назначению НАШЕМУ, выборные члены от духовенства господствующей в России Православной Церкви, от дворянства и земства, а также представители науки, торговли и промышленности. В сем обновленном составе Государственному совету предоставляются в делах законодательства равных с Государственной Думою права.

Сохраняя неизблемым коренное положение Основных Государственных Законов, на основании коего никакой закон не может иметь своего совершения без ШИЕГО утверждения, Мы постановляем впредь общим правилом, что со времени созыва Государственного совета и Государственной думы закон не может воспринять силы без одобрения Совета и Думы.

Но во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней НАМ непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного совета или Государственной думы, ни в постановления о выборах в Совет или Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную

Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная дума или Государственный совет.

Предстоящую совместную с их высших государственных учреждений деятельность Мы устанавливаем на следующих главных основаниях:

Государственный совет и Государственная дума ежегодно созываются и распускаются указами НАШИМИ.

Государственный совет проверяет полномочия своих членов по выборам. Равным образом Государственная дума проверяет полномочия своих членов. Одно и то же лицо не может быть одновременно членом Государственного совета и членом Государственной думы.

Государственному совету и Государственной думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издания новых законов, за исключением Основных Государственных Законов, почин пересмотра коих Мы сохраняем за Собою.

Законодательные предположения рассматриваются в Государственной думе и, по одобрении ею, поступают в Государственный совет. Законодательные предположения, предначертанные по почину Государственного совета, рассматриваются в Совете и, по одобрении им, поступают в Думу.

Законодательные предположения, одобренные Государственным советом и Государственной Думою, представляются на НАШЕ усмотрение. Законодательные предположения, не принятые Государственным советом или Государственной Думою, признаются отклоненными.

Государственному совету и Государственной думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями, подчиненным по закону Правительствующему сенату, с запросами по поводу таких последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и установлений, действий, кои представляются незакономерными.

В развитие с их главных оснований предначертаны и НАМИ утверждены постановления о изменении учреждения Государственного совета, а также пересмотренное, по указаниям НАШИМ учреждение Государственной думы. Узаконения сии Мы повелели Правительствующему Сенату обнародовать во всеобщее сведение.

О порядке обсуждения законопроектов, общих для Империи и Великого княжества Финляндского, НАМИ в свое время будут преподаны надлежащие указания.

Призывая благословение Божие на предпринимаемое НАМИ великое преобразование в государственном строе дорогого отечества, Мы уповаем, что открываемые НАШИМ верным подданным пути к участию чрез выборных, в единении с НАМИ в делах законодательства приведут к возрождению духовных и материальных сил России и к утверждению в ней порядка, спокойствия а благосостояния, а с тем вместе к упрочению единства и величия Государства.

Дан в Царском Селе в 20 день февраля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот шестое, Царствования же НАШЕГО в двенадцатое.

На подлинном Собственною Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
рукою подписано:

«Николай».

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ

Правительствующему сенату

Манифестом, сего числа изданным Мы возвестили всем НАШИМ верным подданным о переустройстве Государственного совета.

Вследствие сего повелеваем:

Государственный совет образуется из членов по ВЫСОЧАЙШЕМУ назначению и членов по выборам; а) от духовенства Православной российской церкви; б) от губернских земских собраний; в) от дворянских обществ; г) от ИМПЕРАТОРСКОЙ академии наук и ИМПЕРАТОРСКИХ российских университетов и д) от Совета торговли и мануфактур, московского его отделения, местных комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ.

Общее число членов Государственного совета, призываемых ВЫСОЧАЙШЕЮ властью к присутствованию в Совете из среды его членов по ВЫСОЧАЙШЕМУ назначению, не должно превышать общего числа членов Совета по выборам. Состав присутствующих в Совете членов по ВЫСОЧАЙШЕМУ назначению может быть пополняем из числа сих членов, как присутствовавших в Совете, так и вновь назначаемых. Состав членов Совета по выборам может быть заменен новым составом до истечения срока полномочий сих членов по указу ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, коим назначаются и новые выборы членов Совета. Состав тех и других членов Совета ежегодно публикуется во всеобщее сведение.

Председатель и вице-председатель Государственного совета назначаются ежегодно ВЫСОЧАЙШЕЮ ВЛАСТЬЮ из числа членов Совета по ВЫСОЧАЙШЕМУ назначению. Вице-председатель Совета в случае отсутствия председателя исполняет обязанности последнего, в остальное же время участвует в собраниях Совета на правах его члена...

Члены Государственного совета по выборам избираются сроком на девять лет, с тем что каждые три года одна треть каждого разряда сих членов выбывает в очередном порядке. В тех случаях, когда число членов Совета данного разряда не делится на три, превышающее делимое на три число членов выбывает в составе последней трети. Взамен выбывающей к истечению трехлетнего срока трети членов Совета по выборам избирается подлежащими установлениями такое же число членов Совета, соответствующих выбывающим разрядам. Выбывающие в очередном порядке члены Совета могут быть вновь избираемы.

Избрание членов Государственного совета производится подлежащими съездами под председательством выбранных ими из своей среды лиц...

Выборы производятся закрытою подачею голосов посредством баллотировки шарами или посредством записок. Избранными считаются получившие более половины голосов в порядке их большинства; в случае же равенства голосов — избрание определяется по жребию. Если число получивших более половины голосов не достигнет подлежащего избранию числа выборщиков или членов Государственного совета, то на следующий день производятся дополнительные выборы недостающего числа выборщиков или членов Совета. В случае безуспешности этих дополнительных выборов на третий день производятся окончательные выборы недостающего числа выборщиков или членов Совета, причем избранными считаются получившие относительное большинство голосов...

Члены Государственного совета по выборам не обязаны отчетом перед своими избирателями и в отношении свободы суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Совета, а также лишения и ограничения личной их свободы и временного устранения от участия в собраниях Совета, равно как условий и порядка отказа от звания члена Совета, сложения сего звания и выбытия из состава Совета...

В заседания образуемых Государственным советом комиссий ни посторонние лица, ни представители печати не допускаются.

Председателю Государственного совета предоставляется разрешать присутствие в заседаниях общего его собрания, кроме заседаний закрытых, посторонним лицам в числе, не превышающем количества отведенных для них мест, с соблюдением установленных правил. От Председателя Совета зависит разрешать, с соблюдением тех же правил, присутствовать в заседаниях общего его собрания, кроме заседаний закрытых, представителям выходящих в свет изданий повременной печати в числе, не превышающем количества отведенных для них мест, но не более одного от отдельного издания. В заседаниях общего собрания Государственного совета, кроме заседаний закрытых, имеют право присутствовать члены Государственной думы, сенаторы и особы дипломатического корпуса. В случае нарушения лицами, допущенными в заседание, правильности его хода они удаляются из заседания по распоряжению Председателя Совета...

Отчеты о всех заседаниях общего собрания Государственного совета составляются присяжными стенографами и по одобрении Председателем Совета, допускаются к оглашению в печати, кроме отчетов о закрытых заседаниях.

Из отчета о закрытом заседании общего собрания Государственного совета могут подлежать оглашению в печати те части, опубликование которых сочтет возможным либо Председатель Совета, если заседание было объявлено закрытым по постановлению Совета или по распоряжению его Председателя, либо Министр или Главноуправляющий отдельною частью, если заседание было объявлено закрытым вследствие их о том заявления...

Законопроекты, поступившие в Государственную Думу и одобренные как ею, так и Государственным советом, равно как законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета и одобренные как им, так и Государственной Думою, представляются ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Председателем Государственного совета.

В Государственный совет воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные или письменные заявления и просьбы...

Совету министров принять надлежащие меры к безотлагательному производству выборов в члены Государственного совета.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
рукою подписано:

«Николай».

В Царском Селе
20 февраля 1906 года

УЧРЕЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

I. О составе и устройстве Государственной думы

1. Государственная дума учреждается для обсуждения законодательных предположений, восходящих к Верховной Самодержавной власти по силе основных законов и в порядке, установленном в сем учреждении и учреждении Государственного совета.

2. Государственная дума образуется из членов, избираемых населением Российской империи на пять лет на основаниях, указанных в положении о выборах в Думу.

3. Государственная дума может быть до истечения пятилетнего срока полномочий ее членов распущена указом Императорского Величества. Тем же указом назначаются новые выборы в думу и время ее созыва.

4. Продолжительность ежегодных занятий Государственной думы и сроки их перерыва в течение года определяются указами Императорского Величества.

5. Государственная дума может для предварительной разработки подлежащих ее рассмотрению дел образовывать из своей среды отделы и комиссии.

6. Число отделов и комиссий, их состав, а также предметы их ведомства устанавливаются Государственной Думою.

7. Для законного состава заседаний Государственной думы требуется присутствие не менее одной трети всего числа данного состава членов думы.

8. Расходы по содержанию Государственной думы относятся на счет Государственного казначейства...

О предметах ведения Государственной думы

Ведению Государственной думы подлежат:

а) предметы, требующие издания законов и штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены;

б) государственная роспись доходов и расходов вместе с финансовыми сметами министерств и главных управлений, равно как денежные из казны ассигнования, росписью не предусмотренные — на основании установленных правил;

в) отчет государственного контроля по исполнению государственной росписи;

г) дела об отчуждении части государственных доходов или имуществ, требующем высочайшего соизволения;

д) дела о постройке железных дорог непосредственным распоряжением казны и за ее счет;

е) дела об учреждении компаний на акциях, когда при сем испрашиваются изъятия из действующих законов;

ж) дела, вносимые на рассмотрение Думы по особым высочайшим повелениям.

Примечание. Ведению Государственной думы подлежат также сметы и раскладки земских повинностей в местностях, в которых не введены земские учреждения, а также дела о повышении земского или городского обложения против размера, определенного земскими собраниями и городскими думами.

Государственная дума может возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением основных государственных законов.

Государственная дума может обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями, подчиненным по закону Правительствующему сенату, с запросами по поводу таких последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и установлений, действий, кои представляются незаконными...

Во всех собраниях Государственной думы могут присутствовать министры и главноуправляющие отдельными частями, но участвовать в голосовании они имеют право только в том случае, если состоят членами Думы.

Государственная дума может обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел. Министры и главноуправляющие имеют право отказаться от сообщения Думе разъяснений по таким предметам, кои, по соображениям государственного порядка, не подлежат оглашению. Равным образом министры и главноуправляющие должны быть выслушаны в заседаниях Думы каждый раз, когда они о том заявят...

Законопроекты, поступившие в Государственную Думу и одобренные как ею, так и Государственным советом, равно как законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета и одобренные как им, так и Государственную Думою, представляются Императорскому Величеству председателем Государственного совета.

Законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета или Государственной думы и не удостоившиеся Высочайшего утверждения, не могут быть внесены на законодательное рассмотрение в течение той же сессии. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета или Государственной думы и

отклоненные одним из сих установлений, могут быть внесены на законодательное рассмотрение в течение той же сессии, если последует Высочайшее на то повеление...

Если Государственная дума разделяет изложенные в заявлении соображения о желательности отмены или изменения действующего или издания нового закона, то существующий законопроект вырабатывается и вносится в Думу подлежащим министром либо главноуправляющим отдельною частью. В случае отказа министра или главноуправляющего от составления такого законопроекта Думою может быть образована для его выработки комиссия из своей среды...

В Государственную Думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные и письменные заявления и просьбы.

Правила о допущении в заседания Государственной думы посторонних лиц и об охранении в помещениях Думы должного порядка составляются по соглашению председателя Государственной думы с председателем Совета министров и утверждаются ВЫСОЧАЙШЕЮ властью.

Председатель Государственного совета

Граф Сольский

Торжественное обещание членов Государственной думы

«Мы, нижепоименованные, обещаем пред Всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственной думы по крайнему нашему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся».

Председатель Государственного совета

Граф Сольский

Высочайший рескрипт,

данный на имя морского министра

Алексей Алексеевич. Для облегчения населению империи отбывания воинской повинности признал Я за благо сократить срок действительной службы нижних чинов во флоте до 5 лет, не изменяя общий десятилетний срок службы, установленный законом, и ввести разделение запаса нижних чинов флота на два разряда.

Посему повелеваю вам теперь же по соглашению с министрами военным и внутренних дел разработать предположения по приведению в исполнение указанной Мною меры и безотлагательно представить их на утверждение в законодательном порядке, дабы к постепенному осуществлению сокращения сроков действительной службы приступить по возможности в сем же году.

Уверен, что при усердной и настойчивой работе всех офицеров Моего флота сокращение сроков действительной службы не нанесет ущерба воспитанию и обучению нижних чинов флота.

Пребываю к вам неизменно благосклонный

На подлинном рукою Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

написано:

«Николай».

7 марта 1906 года

(Законодательные акты переходного времени. Собрание законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. 1904–1906. СПб., 1906)

ДОКУМЕНТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ, ОСВЕЩАЮЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

От Временного правительства

Граждане Российского государства!

Свершилось великое. Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы.

Актом 17 октября 1905 года под давлением пробудившихся народных сил России обещаны были конституционные свободы. Однако обещания эти не были исполнены. Выразительница народных надежд, Первая Государственная дума, была распущена. Вторую Думу постигла та же участь, и бессильное побороть волю народную правительство решилось актом 3 июня 1907 года отнять у населения часть предоставленных ему прав на участие в законодательной деятельности. В течение долгих девяти лет у народа отнимались пядь за пядью все завоеванные им права. Страна опять ввергнута была в пучину произвола и самовластия. Все попытки вразумить власть оказывались тщетными, и великая мировая борьба, в которую родина наша вовлечена была врагом, застала ее в состоянии морального распада власти, не объединенной с народом, безучастной к судьбе родины и погрязшей в позоре порока. Ни геройские усилия армии, изнывавшей под тяжестью жестокой внутренней разрухи, ни призывы народного представительства, объединившегося перед лицом национальной опасности, не были в силах направить бывшего императора и его правительство на путь единения с народом. И когда Россия противозаконными и пагубными действиями ее правителей поставлена была перед величайшими бедствиями, народ сам должен был взять власть в свои руки. Единодушный революционный порыв народа, проникнутого сознанием важности момента, и решимость Государственной думы создали Временное правительство, которое и считает своим священным и ответственным долгом осуществить чаяния народные и вывести страну на светлый путь свободного гражданского устройства.

Правительство верит, что дух высокого патриотизма, появившийся в борьбе народа со старою властью, окрылит и доблестных солдат наших на поле брани. Правительство, с своей стороны, приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца.

Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные с союзниками соглашения.

Принимая меры к защите страны от врага внешнего, Правительство в то же время почтет первейшею своею обязанностью открыть путь к выражению воли народной относительно образа правления и созовет в возможно кратчайший срок Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, обеспечив участие в выборах и доблестным защитникам родины, проливающим ныне кровь на полях сражений. Учредительное собрание издаст также основные законы, обеспечивающие стране незыблемые основы права, равенства и свободы.

Сознавая всю тяжесть гнетущего страну бесправия, стесняющего свободный творческий, порыв народа в годину тяжких народных потрясений, Временное правительство сочтет необходимым немедленно, еще до созыва Учредительного собрания, обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всем гражданам свободно проявлять свои духовные силы в созидательной работе на благо родины. Правительство озаботится также установлением норм, обеспечивающих всем гражданам равное, на основе всеобщего избирательного права участие в выборах органов местного самоуправления.

В минуту освобождения народного вся страна с благоговейною признательностью вспоминает тех, кто в борьбе за свои политические и религиозные убеждения пал жертвою мстительной старой власти, и Временное правительство сочтет радостным долгом вернуть с почетом из мест ссылки и заточения всех страдальцев за благо родины.

Исполняя эти задачи Временное правительство одушевлено верою, что оно будет этим творить волю народную и что весь народ поддержит его в честном стремлении обеспечить счастье России. В этой вере оно черпает бодрость. Только в дружном всенародном содействии своим усилиям оно видит залог торжества нового порядка.

6 марта 1917 г.

Офицеры и солдаты доблестной русской армии!

В великие и трудные дни перехода к новому государственному порядку взоры всей страны обращены к ее несокрушимому оплоту и драгоценному достоянию — к героической русской армии. В целостности и незыблемости ее лежит залог исполнения народных надежд на светлое будущее России, устрояющей свою жизнь на началах свободы, равенства и права.

Лишь твердо огражденный от ударов внешнего врага, может народ совершить свой великий созидательный труд.

Россия твердо верит, что армия, одушевленная высоким духом любви к родине, сохранит непоколебимыми устои своей силы: единство, сплоченность и твердый внутренний порядок власти и подчинения. Никакие перемены в воинском порядке и командовании не могут быть производимы иначе, как распоряжением Временного правительства или действующей по его уполномочию высшей военной власти. Никто не призван обращаться к солдатам и офицерам от имени Временного правительства, кроме лиц, которые получают на то от правительства особые полномочия, обеспечивающие им содействие военных начальников. Повиновение солдат офицерам, подчиняющимся, в свою очередь, через посредство высшего воинского командования Временному правительству, составляет основу мощи армии и безопасности страны. Разрушение этого повиновения повело бы родину к поражению и ввергло бы армию и народ в пучину гибели. Да не будет этого!

Доблестные защитники родины! С твердой верой в вас и с радостной гордостью за совершенные вами самоотверженные подвиги взирает на вас возрождающаяся к новой жизни страна. Вместе со своим правительством она приложит все силы, чтобы снабдить вас всем необходимым для доведения войны до победного конца. Вы отстояли своей грудью от нашествия врага родину, изнемогавшую под тяжелым бременем старого порядка. Вы сумеете защитить на поле брани и Россию свободную, собственной волей решающую судьбы свои. Ваша самоотверженная доблесть, ваша непоколебимая стойкость покажут врагам, что свобода умножила и укрепила силы русского народа в великой мировой борьбе. Спасение родины в ваших руках. Мужественно сражаясь с упорным противником, вы отстаиваете создающееся внутри страны великое будущее свободной России, счастье ваше и ваших детей.

Министр-председатель кн. Львов

Военный и морской министр А.И. Гучков

Обращение правительства к гражданам и воинам

Граждане воины! Перед лицом надвигающейся и уже близкой опасности Временное правительство вновь обращается к вам. Прислушайтесь.

Назревают и вскоре могут наступить грозные события. Недремлющий, еще сильный враг уже понял, что великий переворот, разрушивший старые порядки, внес временное замешательство в жизнь нашей родины. Он напрягает последнее усилие, чтобы

воспользоваться положением и нанести нам тяжкий удар. Он стягивает все, что может, к нашему фронту. С наступлением весны его многочисленный фронт получит свободу действий и станет угрожать столице. Враг вложит все силы свои в этот напор. Если бы ему удалось сломить сопротивление наше и одержать победу, это будет победа над новым строем, над освободившейся Россией. Все, достигнутое народом, будет отнято этим ударом. Прусский фельдфебель примется хозяйничать у нас и наведет свои порядки. И первым делом его будет восстановление власти императора, порабощение народа.

Граждане воины! Одно есть средство спастись от этой губительной опасности. Сила врага в его сплоченности, в его железной дисциплине. Это главная, самая надежная сила. И если он будет сплочен, а мы не сплотимся, если у него будет единение всех и твердость власти, а у нас начнутся раздоры и братоубийственная рознь, дело врага будет выиграно и нам с ним не справиться.

Доблестные солдаты и матросы русской армии и флота! Без соблюдения армией строгой дисциплины, без подчинения вождям она не может быть сильной. В армии надо уметь повиноваться не случайным и временным главарям, а тем, кто учился и работал, чтобы быть офицером, тем, кто знает, куда и как вести солдат, кто не покинет их в час опасности. Уже третий год ваши офицеры вместе с вами терпят невзгоды боевой жизни. Вспомните всех тех, кто погиб смертью храбрых, кто примером мужества увлекал солдат к победе. А если не все были такими и не все заслужили любовь и доверие солдат, то в радостном объединении свободных граждан освобожденной России пусть исчезнут тяжелые воспоминания. В начинающейся новой жизни не должно быть места старым чувствам вражды. Прежние обиды не повторятся, они не будут допущены. Офицер должен уважать честь и личность солдата и быть достоин власти, ему вверенной. Но без этой власти он не сможет исполнить свой воинский долг. Он не сможет бодро и твердо вести к победе, если между ним и солдатами станет рознь и усилиями тайных и явных врагов нового строя будут раздуваться взаимное раздражение и бессмысленная злоба.

Граждане и воины! Временное правительство приняло высшую власть в годину тяжких испытаний. Оно сознает свою ответственность перед Россией за ее судьбу, оно исполнит свой долг до конца. Но ни мы, ни кто другой не сможет нести бремя этой ответственности и тяжесть этой власти без нравственной поддержки всего населения, без готовности признавать власть и повиноваться ей, без уверенности, что правительство и население идут вместе, одушевленные одной целью. Народу предстоит великий подвиг. Все и каждый должны в нем участвовать. Нужно вернуться к правильному и спокойному труду и довести его до высшего напряжения. Нужно вновь установить и твердо держать в рядах армии порядок и дисциплину.

Нужны настойчивость и усилия — и враг будет сломлен. Если не будет победы — нам не увидеть в России свободного народа, по-новому строящего свою жизнь. Правительство верит в эту победу. Оно верит в силы духа, в разум и совесть великого нашего народа.

Граждане и воины! Судьба родины в ваших руках. Помогите поставленной вами власти спасти страну и повести вас к победе и к новой мирной жизни, создающей великое будущее России.

Министр-председатель, министр внутренних дел кн. Львов

Министр иностранных дел П. Милюков

Министр военный и морской А. Гучков

Министр путей сообщения Н. Некрасов

Министр торговли и промышленности А. Коновалов

Министр народного просвещения А. Мануйлов

Министр финансов М. Терещенко

Обер-прокурор Св. синода Вл. Львов

Министр земледелия А. Шингарев

Министр юстиции А. Керенский

9 марта 1917 г.

Приказ армии и флоту

Волею народа Россия стала свободною. Для сохранения этого блага офицеры, солдаты и матросы должны, тесно сплотившись, отстоять возрожденную страну от врага, залившего ее кровью ее многих лучших сынов. Каждый гражданин России, желающий ей счастья и славы, должен проникнуться мыслью, что лишь в единении сила и утверждение нового строя.

Призывая всех чинов армии и флота к его неослабной защите, выражаю уверенность, что завоеванные ими гражданские права еще больше сплотят вооруженные силы России в одно неделимое целое.

Верьте друг другу, офицеры, солдаты и матросы. Временное правительство не допустит возврата к былому. Установив начала нового государственного строя, оно призывает вас спокойно выждать созыва Учредительного собрания.

Не слушайте смутьянов, сеющих между вами раздор и ложные слухи. Воля народа будет исполнена свято.

Опасность не миновала, и враг еще может бороться. В переходные дни он возлагает надежду на нашу неподготовленность и слабость. Ответим ему единением.

Свободная Россия должна быть сильнее низвергнутого народом строя. Высокая честь выпадает на вашу долю, офицеры, солдаты и матросы свободной России. Родина ждет от вас мудрых решений.

В ваших руках судьбы народной свободы.

Военный и морской министр А. Гучков

9 марта 1917 г.

Обращение к воинам и гражданам свободной России

Нашей родине грозят новые испытания. Грозная опасность надвигается со стороны врага. По имеющимся сведениям, германцы накапливают свои силы для удара на столицу. Захват Петрограда повлечет за собой разгром России, положит конец новому строю, водворит старый порядок с прибавкою ига немецкого. Вся вековая работа русского народа будет стерта с лица земли, и нам грозит опасность на заре свободы обратиться в немецких батраков.

Да не будет этого! Пусть каждый поймет, что нам необходимо сплотиться, необходимо быстро восстановить порядок, вернуть граждан к спокойному упорному труду, а армию к ее боевой работе. Без полного спокойствия в тылу армии нельзя вести войну.

Солдаты, проникнитесь сознанием, что без прочной воинской дисциплины повиновения начальникам нет боеспособной армии. Без строгого порядка армия обратится в толпу, опасную для своего отечества. Она перестанет быть грозною для врага и легко сделается его добычей. Всякий, кто говорит вам иначе, кто призывает вас к беспорядку, непослушанию начальникам, — изменник отечества, работающий на пользу немцев, на пагубу России, нашей дорогой армии.

Временное правительство заявляет, что лишь распоряжения его и приказы военного начальства являются для армии обязательными, и верит, что солдаты поймут это, от всего сердца сплотятся тесным кольцом вокруг своих офицеров, будут видеть в них тех вождей,

которые водили их к победам. Только повинувшись офицерам, солдаты сломят сопротивление врага и не дадут ему восторжествовать над свободной Россией.

Солдаты, вам предстоит довершить великую историческую задачу нашей родины. Идите за своими офицерами, помните, что без уважения к личности и чести офицера не будет сплоченности, не будет победы. Всякие выступления, затрагивающие достоинство офицеров, подрывают их авторитет, ведут к разрухе нашей родной армии. Тот, кто был в окопах, знает, что невзгоды боевой жизни одинаковы для солдата и офицера, и пули, и снаряды одинаково калечат того и другого. Голод и непогода также не делают различий. Много героев-офицеров пали смертью храбрых, личным примером увлекая солдат, и солдатская, и офицерская кровь слилась в общем потоке, созидавая великий памятник, коим да возгордятся сыны России.

Офицеры, продолжайте руководить вашими частями. Уважайте честь и личность солдата, стремитесь завоевать его доверие к себе. Вам, как начальникам и старшим, надлежит подавать пример понимания всего величия переживаемой минуты.

Враг зорко следит за нами. Враг ждет каждого нашего неверного шага, воспользуется малейшими неполадками и отсутствием сплоченности в наших рядах. Если мы теперь споткнемся, враг добьет нас. Нанесет нам смертельный удар.

Потоки крови лучших сынов отечества пролиты за великое дело: история и родина нам не простят, если эта кровь окажется пролитой напрасно, если ошибки переживаемых дней сведут ее на нет, приведут к позорному миру.

Мы обязаны сохранить великую Россию, созидательные труды наших предков, давших ей настоящее величие. Бойтесь, чтобы потомство не заклеило нас позором, так как победа врага вернет нашей родине старый, отживший строй.

Нет ужаса горше исторического позора, а потому:

1) Временное правительство, стремясь окончательно укрепить свободу народа российского и видя угрозу величию России и ее новому строю в порабощении ее ненавистному врагу, вековому защитнику абсолютизма, облечено неуклонно решимостью довести войну до победного конца, идя для сего на все жертвы и призывая доблестных русских воинов сплотиться вокруг своих начальников во имя изгнания врага.

2) Временное правительство решительно заявляет, что признает глубоко прискорбными и совершенно недопустимыми всякие самоуправные и оскорбительные действия в отношении офицеров, геройски сражавшихся за родину, без содействия которых невозможно укрепление нового строя. Подобные явления, недопустимые ни в одной армии, в корне подрывают необходимую как в мирное, так и в военное время воинскую дисциплину, без которой армия, как бы велика и доблестна она ни была, не может дать родине желанной

победы над врагом. Восстановление добрых и сердечных отношений между офицерами и солдатами и упрочение дисциплины является одной из важнейших забот Временного правительства.

С этим горячим призывом Временное правительство, поставленное народным доверием на страже интересов и бытия России, обращается к населению, армии и флоту.

Только обладая полнотой власти, в мере полноты доверия, может оно выполнить свой святой долг.

Многовластие вызовет неизбежно паралич власти и снова приведет страну к тяжелой и грозной разрухе.

И пусть тяжкая ответственность перед родиной и историей падет на тех, кто станет в этом деле помехой Временному правительству.

Военный и морской министр А. Гучков

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Алексеев

10 марта 1917 г.

Присяга

Временное правительство 7 марта 1917 года постановило:

Утвердить и опубликовать нижеследующую форму присяги или клятвенного обещания на верность службы Российскому государству для лиц христианских вероисповеданий:

Клянусь честью офицера (солдата) и гражданина и обещаюсь перед Богом и своею совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству как своему отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию русского государства. Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство, впредь до установления воли народа при посредстве Учредительного собрания.

Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно пользу государства и не щадя жизни ради блага отечества.

Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг офицера (солдата) и гражданина перед отечеством.

Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым офицером (солдатом) и не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды. В заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знамением и нижеподписуюсь.

Примечание: 1) Настоящая форма присяги спроектирована для лиц православного и римско-католического вероисповедания.

2) Для лиц лютеранского вероисповедания из заключительной формы присяги толжны быть выпущены слова «осеняю себя крестным знамением».

3) Для лиц магометанского вероисповедания присяга заканчивается так: «Заключаю сию мою клятву словами преславного Корана и нижеподписуюсь».

4) Для лиц иудейского вероисповедания из заключительной фразы присяги исключаются слова: «Осеняю себя крестным знамением».

5) Для язычников и для лиц, не приемлющих присяги по их вероучению, начальную фразу присяги читать: «Честью офицера (солдата) и гражданина обещаюсь перед своею совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству как своему отечеству». Из заключительной фразы присяги исключаются слова: «Осеняю себя крестным знамением».

Военные приказы Совета рабочих депутатов

Приказ № 1

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных служб разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с

письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2-го сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую высокую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

Приказ № 2

5 марта 1917 года.

По войскам Петроградского округа, всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для точного исполнения, рабочим Петрограда для сведения.

В разъяснение и дополнение приказа № 1 Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Приказ № 1 Совета рабочих депутатов предложил всем ротам, батальонам и другим воинским частям избрать соответственные для каждой части комитеты (ротные, батальонные

и т.п.), но «приказ» не установил, чтобы эти комитеты избирали офицеров для каждой части. Комитеты эти должны быть избраны для того, что бы солдаты петроградского гарнизона были организованы и могли через представителей комитетов участвовать в общеполитической жизни страны и, в частности, заявлять Совету рабочих и солдатских депутатов о своих взглядах на необходимость принятия тех или иных мероприятий. Комитеты должны также ведать общественные нужды каждой роты или другой части.

Вопрос же о том, в каких пределах интересы военной организации могут быть совмещены с правом солдат выбирать себе начальников, передан на рассмотрение и разработку специальной комиссии.

Все произведенные до настоящего времени выборы офицеров, утвержденные и поступившие на утверждение военного начальства, должны остаться в силе.

2. До того времени, когда вопрос о выборных начальниках будет разрешен вполне точно, совет признает за комитетами отдельных частей право возражений против назначения того или другого офицера. Возражения эти должны быть направляемы в Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, откуда они будут представляться в военную комиссию, где наряду с другими общественными организациями участвуют и представители Совета рабочих и солдатских депутатов.

3. В приказе № 1 установлено значение Совета рабочих и солдатских депутатов как учреждения, руководящего всеми политическими выступлениями петроградских солдат. Этому своему выборному органу солдаты обязаны подчиняться в своей общественной и политической жизни.

Что же касается военных властей, то солдаты обязаны подчиняться всем их распоряжениям, относящимся до военной службы.

4. Для того чтобы устранить опасность вооруженной контрреволюции, Совет рабочих и солдатских депутатов выставил требование о неразоружении петроградского гарнизона, завоевавшего России ее политическую свободу, и Временное правительство приняло на себя обязательство не допускать такого разоружения, о чем и объявило в своей правительственной декларации.

В согласии с этой декларацией ротные и батальонные комитеты обязаны наблюдать за тем, чтобы оружие не отбиралось, что и было указано в приказе № 1.

5. Подтверждая требования, изложенные в п.п. 6 и 7 приказа № 1, Исполнительный комитет отмечает, что некоторые из них уже приводятся в исполнение Временным правительством.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.
С подлинным верно: председатель военной комиссии Временного правительства.

Воззвание

Печатается по распоряжению военной комиссии Временного Комитета Государственной думы.

Исполнительный комитет сообщает войскам фронта о решительной победе над старым режимом.

Уверены, что войска фронта с нами и не позволят осуществиться попыткам вернуть старый режим.

Ее укреплению может помешать внутренняя вражда в среде армии, рознь между офицерством и солдатами, и на всех гражданах лежит сейчас обязанность содействовать налажению отношений между солдатами и офицерами, признавшими новый строй России. И мы обращаемся к офицерам с призывом проявлять в своих служебных и внеслужебных отношениях уважение к личности солдата-гражданина.

В расчете на то, что офицеры услышат наш призыв, мы приглашаем солдат в строю и при несении военной службы строго выполнять воинские обязанности.

Вместе с тем комитет сообщает армиям фронта, что приказы 1-й и 2-й относятся только к войскам Петроградского округа, как сказано в заголовке этих приказов.

Что же касается армий фронта, то военный министр обещал незамедлительно выработать в согласии с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов новые правила отношений солдат и командного состава.

За председателя Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов товарищ председателя Мат. С. Скобелев.

Председатель военной комиссии Временного комитета Гос. думы ген.-м. Потапов

Военный министр А. Гучков

Речь генерала Деникина,
произнесенная на закрытии офицерского съезда в Могилеве
22 мая 1917 года

Верховный главнокомандующий, покидающий свой пост*, поручил мне передать вам, господа, свой искренний привет и сказать, что его старое солдатское сердце бьется в унисон с вашими, что оно болеет той же болью и живет той же надеждой на возрождение истерзанной, но великой русской армии.

Позвольте и мне от себя сказать несколько слов.

С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам скорбь свою безысходную, свою душевную печаль.

Как живая, развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученного армейского моря.

Вы — бесчисленное число раз стоявшие перед лицом смерти! Вы — бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки под редкий гул родной артиллерии, изменнически лишенной снарядов! Вы — скрепя сердце, но не падая духом бросавшие последнюю горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга!

Вы ли теперь дрогнете?

Нет.

Слабые — поднимите головы! Сильные — передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья Родины, перелейте в поредевшие ряды наших товарищей на фронте. Вы не одни, с вами все, что есть честного, мыслящего, все, что остановилось на грани упраздняемого ныне здравого смысла.

С вами пойдет и солдат, поняв ясно, что вы ведете его не назад — к бесправию и нищите духовной, а вперед — к свободе и свету.

И тогда над врагом разразится такой громовой удар, который покончит и с ним, и с войной.

Проживши с вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, деливши с вами и яркую радость победы, и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое каиново дело над офицерским корпусом... я имею право бросить им:

Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником.

Забитый, загнанный, обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую

жизнь свою донес, однако, до отечественной войны — как яркий светильник — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины.

Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни.

Берегите офицера! Ибо от века и доньше он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть.

(Русская свобода. Приложение к № 1–3: Документы и заявления, освещающие государственный переворот. Вып. 1. Петроград, 1917; Русская свобода. 1917. № 9. С. 29–80 А. Деникин)

---

* Ген. М.В. Алексеев.

Приложение

«Российская» (имперская) и «русская» (национально-централистская) идеи в политических проектах декабристов

В декабристском движении как движении политическом были две центральные, определяющие и строящие идеи:

во-первых, идея политического преобразования Российского государства и, во-вторых, тесно связанная с нею идея реформы социальных отношений, в основе которой лежало так или иначе понимаемое освобождение крестьян.

Политически-преобразовательные идеи декабристов представляют очень большой интерес, и притом не только исторический, но и современный. В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собою связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической нет в образовании государств различия, быть может более основного и решающего, чем различие между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства и созданием империи. А при Петре национальная консолидация вчерне, так сказать, почти закончилась и начался процесс построения империи. Имперский характер образования русского государства даже в московский период имел свое яркое словесное выражение в том, что слово «государство» прилагалось не только ко всему государственному целому, но и к отдельным его частям (например, к Новгороду Великому, к Казани) и после их окончательной инкорпорации в Московское государство. Самый яркий и законченный тип образования единого национального государства представляет в истории великих европейских народов создание французского государства. К этому типу приближается процесс образования Московского государства, поскольку оно, это образование, держалось в пределах территорий, освоенных великорусским племенем, и состояло в присоединении к Москве двинских областей, Новгорода, Вятки, Пскова, Твери, Рязани. Тут чисто русские государства, и притом государства великорусские, объединились в некое единое политическое целое с единым национальным составом. Тут не было еще империи. На имперский путь Москва встала, когда она стала присоединять татарские государства. Такой же характер, несмотря на племенное родство, носило и присоединение Малороссии, которое своеобразно покоилось не на покорении, а на добровольном присоединении к Москве

Запорожского войска, которое считало себя, вопреки «договору» и «конституции», затронутым Речью Посполитой в своих самых священных, а именно «вероисповедных», правах. Таким образом, и Московское государство, обнимавшее, по выражению соборного определения 1598 года об избрании царем Бориса Федоровича Годунова, не только «царство и великое княжение московское», но и «все государства Российского Царствия» и явившиеся, по выражению другого соборного определения, 1642 г., «Всероссийским государством», представляло Империю. Этот имперский характер «Всероссийского государства» возрастал в течение всего XVIII и XIX вв. В XVIII веке Россия овладела балтийскими территориями, на которых почти не было русского населения, и присоединила части Польши, где высший класс населения был почти сплошь полонизован. В XIX веке произошло присоединение Грузии, Финляндии, Бессарабии, конгрессовой Польши, т.е. чисто польской части прежней Речи Посполитой.

Различие между целостно-национальным государством и многоплеменной и многокультурной империей, во всяком случае, имеется налицо, при наличии известных реальных бытовых условий, какие бы юридические формы ни принимало государственное устройство данного государства. Империя может быть, но отнюдь не всегда является федерацией в точном государственно-правовом смысле. По определению Н.М. Коркунова, «федерация есть соединение нескольких государств для совместного осуществления союзной властью общих им задач государственной жизни». Историческая Россия никогда не была федерацией в этом смысле, даже если считать, что в разные исторические моменты Малороссия, Финляндия, царство Польское с коренным ядром государства вступали в отношения или находились в отношениях какой-то «унии».

Империя в этом смысле, в каком я говорю сейчас о России, с момента присоединения Казанского царства и кончая установлением русского верховенства над Хивой и Бухарой в 1873 г., есть понятие историко-социологическое, а не юридическое. Трудно и сейчас определить юридическую природу Британской империи, но не может подлежать сомнению, что Великобритания уже давно с историко-социологической точки зрения представляла империю. Такой же империей уже со второй половины XVI в. являлось и Российское государство.

Рядом с процессом сложения огромной, многоплеменной и многокультурной Российской империи происходил и процесс скрепления и сплочения этой империи цементом преобладающей национальности, русской, давно уже переросшей племенные рамки т.н. великорусского племени. Эти два процесса, эти две тенденции нашли себе яркое выражение в декабристской идеологии и воплотились в двух главных памятниках политической мысли

декабристов: в т.н. «конституции» Никиты Муравьева и в конституционном проекте Пестеля, известном под именем «Русской Правды».

Конституция Муравьева является декабристской редакцией имперской идеи. Краткая редакция этой конституции, найденная при обыске у князя С.П. Трубецкого, была характерным образом озаглавлена: «Предположения для начертания устава положительного образования, когда Е.И.В. благоугодно будет с помощью Всевышнего учредить Славяноросскую империю».

Никита Муравьев совершенно явственно взял себе за образец североамериканскую конституцию. Его Российская империя есть Соединенные Штаты с монархическим устройством: конституционная монархия на федеративном начале. Эти основы муравьевской конституции сформулированы в следующих выразительных статьях:

Ст. 3. «Правление России есть уставное и союзное».

От. 43. «В законодательном и исполнительном отношении вся Россия делится на 13 держав, 2 области и 568 уездов или поветов».

Ст. 101. «Император есть верховный чиновник российского правительства».

«Держава» муравьевской конституции означает «штат» и имеет смысл «государства» в древнерусском значении какой-то историко-политической индивидуальности, не притязающей ни в коем случае на самостоятельное «суверенное» бытие. Державы, из которых должна была состоять Российская империя, были следующие: Ботническая со столицей Гельсингфорс, Волховская со столицей, которая названа: Град Св. Петра, Балтийская (Рига), Западная (Вильна), Днепровская (Смоленск), Кавказская (Тифлис), Украинская (Харьков), Черноморская (Киев), Заволжская (Ярославль), Камская (Казань), Низовская (Саратов), Обийская (Тобольск), Ленская (Иркутск). Вне «держав» почему-то в этом перечне поставлены две области: Московская со столицей Москва и Донская со столицей Черкасск. Столицей всей империи конституция Никиты Муравьева назначает Нижний Новгород.

По конституции Муравьева крепостное право отменялось, и ст. 10-я формулировала начало равенства всех перед законом: все русские равны перед законом. Утверждалась свобода совести и свобода слова, устного и печатного. Законодательная власть принадлежит совместно императору и собранию представителей, именуемому «народным вечем». Безусловною силою вето императора, так же как вето президента С.А.С.Ш., не обладало. Вообще, американский дух конституции Н.М. Муравьева сочетается с нарочитой московской и даже старорусской терминологией. Парламент называется «вечем», уездный начальник — «тысяцким», министерство — «приказом»: казначейский приказ, приказ сухопутных сил,

приказ морских сил, приказ внешних сношений. Восстанавливается московское наименование «дьяк».

Народное вече составлено из двух палат. Палаты представителей и Верховной думы. В основу избирательного права для палаты представителей положен довольно высокий имущественный ценз, но выборы должны быть только для крестьян двухстепенными, для остальных групп населения — прямыми. Члены Верховной думы должны были выбираться в представительных собраниях отдельных держав, каковые собрания назывались правительствующими собраниями. Им по проекту принадлежало законодательство по местным делам, и они состояли тоже из двух палат.

В отличие от конституции Н. Муравьева, план государственного устройства, начертанный Пестелем в его «Русской правде», являлся последовательно демократическим и, еще более, последовательно нейтралистским.

Преследуя цели «возможно большего благоденствия всех и каждого» (принцип Бентама!), Пестель проводил не только гражданское равенство, но и равенство политическое. Поэтому он не только отвергал сословный строй как «пагубный, безрассудный, зловредный», не только отрицал крепостное право, требуя во имя естественных законов, «решительного уничтожения рабства» («дворянство должно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми»), но и последовательно проводил как основу государственного устройства всеобщее и равное избирательное право. Выборы в Народное вече должны были, однако, по проекту Пестеля быть не прямыми, а двухстепенными. Народное собрание в волости, состоящее из всех граждан, приписанных к волости, избирает представителей в окружное «Наместное собрание», а это последнее избирает представителей в «Народное вече».

Государство, преобразованное на началах политических и гражданских, свободы и равенства, должно было по плану Пестеля являться республикой. Законодательная власть находилась в руках Народного веча, избравшегося на пять лет, причем основные, по терминологии Пестеля «заветные» законы могли изменяться только путем всенародного голосования или референдума, будучи передаваемы «на суждение всей России». Высшая исполнительная власть вверялась Державной думе из 4 членов, избранных народом также на 5 лет. Кроме законодательного Веча и исполнительный Думы план Пестеля предусматривал особый орган власти «блюстительной», «дабы те две не выходили из своих пределов». Это был особый Верховный собор из 120 пожизненных членов, называвшихся «боярами». Несмотря на древнерусскую терминологию, этот проект был всецело навеян идеями французского государствоведа и экономиста Дестютт-де-Траси (известного комментатора «Духа законов» Монтескье).

Надлежит отметить три примечательные особенности демократически-республиканского плана Пестеля.

Во-первых, предоставление полноты власти на переходные годы переворота Временному правительству, которое Пестель называл «Временным Верховным правлением» и которому он предоставлял диктаторскую власть, ограниченную, впрочем, обязательством в преобразовании государственного строя точно следовать началам, изложенным в «Русской Правде», которая должна была являться «наказом» для этого временного правительства.

Второй примечательной особенностью политической идеологии Пестеля, воплотившейся в «Русской Правде», являлось отрицание значения и ценности национальных отличий племен и народностей. «Все племена, — требовал Пестель, — должны быть слиты в один народ... чтобы одни и те же законы, один и тот же образ управления по всем частям России существовали и тем самым в политическом гражданском отношении, вся Россия, на целом своем пространстве, являла бы вид единородства, единообразия и единомыслия. Опыты всех веков и всех государств доказали, что народы везде бывают таковыми, каковыми их соделывают правление и законы». Пестель был самый крайний, самый безоглядный из всех обрусителей, которых знала история русской политической мысли. Он требовал обрусения всех инородцев, до финляндцев включительно, и делал исключение только для Польши: так как последнюю нельзя обрусить, то ей должна быть дана независимость, впрочем, на условиях соответствия ее государственного устройства таковому России и тесного союза с последней. Таким образом, Пестель не только отвергал федеративное устройство России: но также в корне отрицал имперскую идею. Он был чистым якобинцем-уравнителем в национальном вопросе. Если угодно, его можно в этом отношении назвать как бы революционным Александром III. Московско-петербургский централизм, который при образовании и построении Российской империи столь часто шел наперерез имперской идее, нашел в революционере Пестеле его самого крайнего и самого яркого выразителя.

Наконец, был еще и третий примечательный пункт в государственном плане Пестеля, который частично сближал его идеологию с могущественными течениями, имевшими глубокие корни в историческом прошлом России и сыгравшими и в нашей новейшей истории большую и, на мой взгляд, роковую роль. Пестель дает в «Русской Правде» целый проект частичного огосударствления, или национализации, земли. Он не отрицает всецело частной собственности на землю, но ограничивает, так сказать, пространственную область ее применения. Земли каждой волости должны быть разделены на две половины: земли общественные и частные. «Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и будет подлежать обладанию всех и каждого». Другая половина

земель «предназначается для образования частной собственности». Первая половина есть область того, что Пестель называет «необходимым для житья». Вторая — есть область того, что Пестель считал нужным обеспечить ради «приобретения и сохранения изобилия».

Этот проект огосударствления (частичного) земли или, вернее и точнее, частичной ее муниципализации, или коммунизации, несомненно, исторически примыкает к тому аграрному строю Московского государства и Российской империи, в которой жили «черные», или потом государственные, крестьяне. Это — идея и институт земельного надела, который государство предоставляет земледельцу для обеспечения его существования. Пестель только московско-петербургскую идею надела из сословно-служебной расширяет до всеобщей и отрешенной от какой-либо служебно-государственной функции. Этим идея Пестеля сближается с народнической идеей права на землю в его двух основных вариантах: трудовой и потребительной нормы.

Таким образом, как это ни странно, революционер Пестель, который являлся в декабристском движении самым влиятельным выразителем радикальной тактики царубийства, — как политический и социальный мыслитель имел существенные точки соприкосновения и с московско-петербургской государственной практикой, и с позднейшими революционными народнически-социалистическими замыслами и идеями.

Вот почему не только лично-психологически несправедливо, но, исторически-социологически неверно тенденциозное, в дурном смысле националистически окрашенное суждение Кропотова о Пестеле: «Немец по происхождению, иностранец по воспитанию, протестант по религии, он не был связан с Россией никаким родственным, бесконечным по любви чувством; она не столько была для него отечеством, как страной себялюбивой эксплуатации».

Я не склонен вовсе идеализировать П.И. Пестеля: он не был вовсе тем волевым человеком, каким часто принято его изображать. Правильнее его характеризовать как весьма умного и в то же время властного доктринера. Но в доктрине якобинца Пестеля всего больше поражает, что в ее якобински-книжную форму неотвратимо влилось какое-то большое стихийное и историческое, национальное содержание... Отрицательно оценивая это содержание, не следует отрицать его национального характера и отпечатка.

В доктрине Н. Муравьева, либерала-конституционалиста, напитавшегося идеями Б. Константа, было тоже значительное национальное и историческое содержание: идея империи, та идея, формулу которой впервые обрел первый русский эмигрант кн. Андрей Курбский, сочетавший ее с идеей Святой Руси и вычеканивший словосочетание «Святорусская империя».

Эта идея в настоящее время начинает существенно определять государственное мышление весьма различных русских направлений.

П. Струве

1934 г.

(Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952. С. 348–353)

М. Волошин

РОССИЯ

I

С Руси тянуло выстуженным ветром.
Над Карадагом сбились груды туч.
На берег опрокидывались волны
Несчастные и тяжкие. Во сне,
Как тяжело больной, вздыхало море,
Ворочаясь со стоном. Этой ночью
Со дна души вздувалось, нагрубало
Мучительно-бесформенное чувство —
Безмерное и смутное:

Россия...

Как будто бы во мне самом легла
Бескрайняя и тусклая равнина,
Белесою лоснящаяся тьмой,
Остуженная жгучими ветрами.
В молчании вился морозный прах...
Ни выстрелов, ни зарев, ни пожаров.
Мерцали солью топи Сиваша,
Да камыши шуршали на Кубани,
Да стыл Кронштадт... Украина и Дон,
Урал, Сибирь и Польша — все молчало.
Лишь горький снег могилы заметал...
Но было так неизъяснимо томно,
Что старая всей пережитой кровью,
Усталая от ужаса душа
Все вынесла бы — только не молчанье.

2

Я нес в себе — багровый, как гнойник,
Горячешный и триумфальный город,

Построенный на трупах, на костях
«Всея Руси» — во мраке финских топей,
Со шпилями церковей и кораблей,
С застенками подводных казематов,
С водой стоячей, вправленной в гранит,
С дворцами цвета пламени и мяса,
С белесоватым мороком ночей,
С алтарным камнем финских чернобогов,
Растоптанным копытами коня,
И с озаренным лаврами и гневом
Безумным ликом медного Петра.

В болотной мгле клубились клочья марев:
Российских дел неизжитые сны...

Царь, пьяным делом, вздернувши на дыбу,
Допрашивает Стрешнева: «Скажи —
Твой сын я али нет?», а Стрешнев с дыбы:
«А чорт ты знает, чей ты... много нас
У матушки-царицы переспало...»

В конклаве всешутейского собора
На медведях, на свиньях, на козлах,
Здрав полы духовных облачений,
Царь в чине протодьякона ведет
По Петербургу машкерную одурь.

В Кунсткамере хранится голова,
Как монстра, заспиртованного в банке,
Красавицы Марии Гамильтон...

В застенках Трубецкого рavelина
Пытает царь царевича и кровь
Засеченного льет по кнутовищу...
Стрелец в Москве на плахе говорит:

«Посторонись-ка, Царь, мое здесь место».
Народ уж знает свычаи царей
И свой удел в строительстве империй.

Кровавый пар столбом стоит над Русью,
Топор Петра российский ломит бор
И вдаль ведет проспекты страшных просек,
Покамест сам великий дровосек
Не валится, удушенный рукою —
Водянки? Иль предательства? Как знать!..
Но вздутая таинственная маска
С лица усопшего хранит следы
Не то петли, а может быть, подушки.

Зажатое в державном кулаке
Зверье Петра кидается на волю:
Царица из солдатских портомой,
Волк Меньшиков, стервятник Ягужинский,
Лиса Толстой, куница Остерман —
Клыками рвут российское наследство.

Петр написал коснеющей рукой:
«Отдайте все...» Судьба же дописала:
«...Распутным бабам с хахалями их».

Елисавета с хохотом, без гнева
Развязному курьеру говорит:
«Не лапай, дуралей, не про тебя-де
Печь топится». А печи в те поры
Топились часто, истово и жарко
У цесаревен и императриц.
Российский двор стирает все различья
Блудилища, дворца и кабака.
Царицы коронуются на царство
По похоти гвардейских жеребцов.

Пять женщин распухают телесами
На целый век в длину и ширину.
Россия задыхается под грудой
Распаренных грудей и животов.
Ее гноят в острогах и в походах
По Ладогам да по Рогервикам,
Голландскому и прусскому манеру
Туземцев учат шкипер да капрал,
Голштинский лоск сержант наводит палкой,
Курляндский конюх тычет сапогом,
Тупейный мастер завивает душу,
Народ цивилизуют под плетьюми
И обучают грамоте в застенке.
А в Петербурге крепость и дворец
Меняются жильцами, и кибитка
Кого-то мчит в Березов и в Пелым...

3

Минует век, и мрачная фигура
Встает над Русью: форменный мундир,
Бескровные щетинистые губы,
Мясистый нос, солдатский узкий лоб
И взгляд неизреченного бесстыдства
Пустых очей из-под припухших век.
У ног ее до самых бурых далей
Нагих равнин — казарменный фасад
И каланча: ни зверя, ни растенья...
Земля судилась и осуждена:
Все грешники записаны в солдаты.
Всяк холм понизился и стал как плац.
А над землей солдатскою шинелью
Провис до крыш разбухший небосвод.
Таким он был написан Джорджем Доу —
Земли российской первый коммунист —
Граф Алексей Андреич Аракчеев.

Он вырос в смраде гатчинских казарм,
Его избрал, взрастил и всхолил Павел.
«Дружку любезному» вставлял клистир
Державный мистик тою же рукою,
Что иступила посох Кузьмича
И сокрушила волю Бонапарта.
Его посев взлелеял Николай,
Десятки лет удавьими глазами
Медузивший засеченную Русь.

Раздерганный и полоумный Павел
Собой парадный открывает ряд
Штампованных солдатских автоматов,
Расписанных по прусским образцам
(Знак: «Made in Germany»; клеймо «Романов»).

Царь козыряет, делает развод.
Глаза пред фронтом пялит растопыркой
И пишет на полях: «Быть по сему».

А между тем от голода, от мора,
От поражений, как и от побед,
Россию прет и вширь и вдаль — безмерно:
Ее сознание уходит в рост,
На мускулы, на поддержанье массы,
На крепкий тяж подпружных обручей.

Пять виселиц на Кронверкской куртине
Рифмуют на Семеновском плацу,
Волы в Тифлис волочат «Грибоеду»,
Отправленного на смерть в Тегеран;
Гроб Пушкина ссылают под конвоем
На розвальнях в опальный монастырь;
Над трупом Лермонтова царь: «Собаке —
Собачья смерть» — придворным говорит;
Промозглым утром бледный Достоевский
Горит свечой, всходя на эшафот...

И все тесней, все гуще этот список...

Закон самодержавия таков:

Чем царь добрей, тем больше льется крови.

А всех добрей был Николай Второй,

Зиявший непристойною пустотой

В сосредоточьи гения Петра.

Санкт-Петербург был скроен исполином.

Размах столицы стал не по плечу

Тому, кто стер блистательное имя.

Как медиум, опорожнив сосуд

Своей души, притягивает нежить, —

И пляшет стол, и шелкает стена —

Так хлынула вся бестолочь России

В пустой сквозняк последнего царя:

Желвак От-Цу, Ходынка и Цусима,

Филипп, Папюс, Гапонов ход, Азеф...

Тень Александра Третьего из гроба

Заезжий вызывает некромант.

Царице примеряют от бесплодия

В Сарове чудотворные штаны.

Она, как немка, честно верит в мощи,

В юродивых и в преданный народ...

И вот со дна самой народной гущи —

Из тех же недр, откуда Пугачев —

Рыжебородый с оморошным взглядом —

Идет Распутин в государев дом,

Чтоб честь двора, и церкви, и царицы

В грязь затоптать мужицким сапогом

И до низов ославить власть цареву.

И все хмельней, все круче чертогон...

В Юсуповском дворце на Мойке — Старец

С отравленным пирожным в животе,

Простреленный, — грозит убийце пальцем:

«Феликс, Феликс, царице все скажу...»

Раздутая войною до отказа,
Россия расседается, и год
Солдатчина гуляет на просторе...
И где-то на Урале, средь лесов,
Латышские солдаты и мадьяры
Расстреливают царскую семью
В сумятице поспешных отступлений.
Царевич на руках царя-отца, одна
Из женщин мечется, подушкой прикрываясь.
Царица выпрямилась у стены...
Потом их жгут и зарывают пепел.
Все кончено. Петровский замкнут круг.

4

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществлению правды на земле.
Не то мясник, а может быть, ваятель —
Не в мраморе, а в мясе высекал
Он топором живую Галатею,
Кромсал ножом и шваркал лоскуты.
Строителю необходимо сручье:
Дворянство было первым Р.К.П. —
Опричниною, гвардией, жандармом
И парником для разных овощей.
Но, наскоро его стесавши, невод
Закинул Петр в морскую глубину.
Спустя сто лет иными рыбаками
На невский берег был вытащен улов.
В Петрову мрежь попался разночинец,
Оторванный от родовых корней,

Отстойный в архивах канцелярий —
Ручной Дантон, домашний Робеспьер —
Бесценный клад для революций сверху.
Но просвещенных принцев испугал
Неумолимый разум гильотины.
Монархия извергла из себя
Дворянский цвет при Александре Первом,
А семья разночинцев при Втором,
Не в первый раз без толка расточали
Правители созревшие плоды:
Боярский сын, долбивший при Тишайшем
Вокабулы и вирши, — при Петре
Служил царю армейским интендантом.
Отправленный в Голландию Петром
Учиться навигации, вернувшись,
Попал не в тон галантности цариц.
Екатерининский вольтерьянец
Свой праздный век в деревне пробрюзжал.
Ученики французских эмигрантов,
Детьми освобождавшие Париж,
Кончали жизнь на каторге в Сибири...
Так шиворт-навыворот текла
Из рода в род разладыца правлений.
Но ныне рознь таила смысл иной:
Отвергнутый царями разночинец
Унес в себе рабочий пыл Петра
И утаенный пламень революций:
Книголюбивый новиковский дух,
Горячку и озноб Виссариона.

От их корней пошел интеллигент.
Его мы помним слабым и гонимым,
В измятой шляпе, в сношенном пальто.
Сутулым, бледным, с рваною бородкой,

Страдающей улыбкой и в пенсне,
Прекраснодушным, честным, мягкотелым,
Оттиснутым, как точный негатив,
По профилю самодержавья: шишка,
Где у того кулак, где штык — дыра,
На месте утверждения — отрицанье,
Идеи, чувства — все наоборот,
Все «под углом гражданского протеста».
Он верил в божие небытие,
В прогресс и конституцию, в науку.
Он утверждал (свидетель Соловьев),
Что «человек рожден от обезьяны,
К тому — нет большая любви,
Как положить свою за ближних душу».
Он был с рожденья отдан под надзор,
Посажен в крепость, заперт в Шлиссельбурге,
Судим, ссылаем, вешан и казним,
На каторге — по Ленам да по Карам...
Почти сто лет он проносил в себе —
В сухой мякине — искру Прометея,
Собой вскормил и выносил огонь.

Но — пасынок, изгой самодержавья
И кровь кровей, и кость его костей —
Он вместе с ним в циклоне революций
Размыкан был, растоптан и сожжен...
Судьбы его печальней нет в России.
И нам — вспоенным бурей этих лет —
Век не избыть в себе его обиды,
Гомункула, возвращенного Петром
Из плесени в реторте Петербурга.

5

Все имена сменились на Руси.

(Политика — расклейка этикеток,

Назначенных, чтоб утаить состав),
Но выверты мышления все те же:
Мы говорим: «Коммуна на земле
Немыслима вне роста капитала,
Индустрии и классовой борьбы.
Поэтому не Запад, а Россия
Начнет собою мировой пожар».

До Мартобря (его предвидел Гоголь)
В России не было ни буржуа,
Ни классового пролетариата:
Была земля, купцы, да голытьба,
Чиновники, дворяне, да крестьяне...
Да выли ветры, да орал сохой
Поля доисторический Микула...
Один поверил в то, что он буржуй,
Другой себя сознал как пролетарий,
И началась кровавая игра.

На все нужна в России только вера:
Мы верили в двуперстие, в царя,
И в сон, и в чох, распластанных лягушек,
В матерьялизм и в Интернационал.
Позитивист ощупывал руками
Не вещество, а тень своей мечты;
Мы бредили, переломав машины,
Об электрификации; среди
Стрельбы и голода — о социальном рае
И ели человечью колбасу.
Политика была для нас раденьем,
Наука — духоборчеством, марксизм —
Догматикой, партийность — аскетизмом.
Вся наша революция была
Комком религиозной истерии:
В течение пятидесяти лет

Мы созерцали бедствия рабочих
На Западе с такою остротой,
Что приняли стигматы их распятий.
Все наши достижения в том, что мы
В бреду и корчах создали вакцину
От социальных революций: Запад
Переживет их вновь, и не одну,
Но выживет, не расточив культуры.

Есть дух Истории — безликий и глухой,
Что действует помимо нашей воли,
Что направлял топор и мысль Петра,
Что вынудил мужицкую Россию
За три столетья сделать перегон
От берегов Ливонских до Аляски.
И тот же дух ведет большевиков
Исконными российскими путями.

Грядущее — извечный сон корней:
Во время революций водоверти
Со дна времен взмывают древний ил
И новизны рыгают стариною.

Мы не вольны в наследии отцов,
И вопреки бичам идеологий
Колеса вязнут в старой колее:
Неверы очищают православье
Гоненьями и вскрытием мощей.
Большевики отстраивают зданья
На цоколях снесенного Кремля,
Социалисты разлагают рати,
Чтоб год спустя опять собрать в кулак.
И белые, и красные Россию
Плечом к плечу взрывают, как волны, —
В одном ярме — сохой междуусобья,

И вновь Москва сшивает лоскуты
Удельных царств, чтоб утвердить единство.
Истории потребен сгусток воли:
Партийность и программы — безразличны.

б

В России революция была
Исконнейшим из прав самодержавья.
(Как ныне — в свой черед — утверждено
Самодержавье правом революций.)
Крижанич жаловался до Петра:
«Великое народное несчастье
Есть неумеренность во власти: мы
Ни в чем не знаем меры да середины,
Все по краям да пропастям блуждаем,
И нет нигде такого разнарядья,
И власти нету более крутой».

Мы углубили рознь противоречий
За двести лет, что прожили с Петра:
При добродушии русского народа,
При сказочном терпеньи мужика —
Никто не делал более кровавой
И страшной революции, чем мы.
При всем упорстве Сергиевой веры
И Серафимовых молитв — никто
С такой хулой не потрошил святыни,
Так страшно не кощунствовал, как мы.
При русских грамотах на благородство,
Как Пушкин, Тютчев, Герцен, Соловьев,—
Мы шли путем не их, а Смердякова —
Через Азефа, через Брестский мир.

В России нет сыновнего преемства
И нет ответственности за отцов.

Мы нерадивы, мы нечистоплотны,
Невежественны и ущемлены.
На дне души мы презираем Запад,
Но мы оттуда в поисках богов
Выкраиваем Гегелей и Марксов,
Чтоб, взгромоздив на варварский Олимп,
Куриль в их честь стираксою и серой
И головы рубить родным богам,
А год спустя — заморского болвана
Тащить к реке привязанным к хвосту.

Зато в нас есть бродило духа — совесть
И наш великий покаянный дар,
Оплавивший Толстых и Достоевских
И Иоанна Грозного. В нас нет
Достоинства простого гражданина,
Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности, — рядом
С любым из европейцев — человек.

У нас в душе некошеные степи.
Вся наша непашь буйно заросла
Разрыв-травой, быльем да своевольем,
Размахом мысли, дерзостью ума,
Паденьями и взлетами — Бакунин
Наш истый лик отобразил вполне.
В анархии — все творчество России:
Европа шла культурой огня,
А мы в себе несем культуру взрыва.
Огню нужны — машины, города,
И фабрики, и доменные печи,
А взрыву, чтоб не распылить себя, —
Стальной нарез и маточник орудий.
Отсюда — тяж советских обручей
И тугоплавкость колб самодержавья.

Бакунину потребен Николай,
Как Петр — стрельцу, как Аввакуму —
Никон.

Поэтому так непомерна Русь
И в своеволю, и в самодержавьи.
И в мире нет истории страшней,
Безумней, чем история России.

7

И этой ночью с напряженных плеч
Глухого Киммерийского вулкана
Я вижу изневоленную Русь
В волокнах расходящегося дыма,
Просвеченную заревом лампад —
Молитвами горящих о России...
И чувствую безмерную вину
Всея Руси — пред всеми и пред каждым.

1924 г.

(Волошин М. Россия распятая: Сборник статей и стихов. М.: Агентство «Пан», 1992.
С. 181–192)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ОСИПОВИЧА МЕНЬШИКОВА

Грустно сознаться, что мы вошли, по-видимому, в утомительный период нашей истории и никак выбраться из него не можем. В обществе еще хватает сил на великие преступления, но нет их на подвиги (1).

Боль есть средство организма сосредоточить все сознание, всю тревогу на проникшей в него опасности, средство заставить себя бороться с ней (2).

В нечистую пришел ты страну, в страну больную, гибнущую (3).

Михаил Осипович Меньшиков жил, служил и умер в несчастной России, которая переживала период затяжной катастрофы, неудачничества, упадка государственности. Боль за Отечество и тревога за судьбу Родины определили его «боевое» мировоззрение, философию «спасательного круга», который он упорно бросал гибнущему обществу со страниц газеты «Новое время» на протяжении последних 17 лет своей самоотверженной жизни.

М. Меньшиков родился 25 сентября (7 октября) 1859 года в городе Новоржеве Псковской губернии. Жизненный путь начал с Кронштадтского морского технического училища, откуда был выпущен в 1878 году флотским офицером. После 19 лет военной службы (считая с учебой) в чине штабс-капитана уходит в 1892 году в отставку и полностью посвящает себя писательству на ниве публицистики. Сотрудничает в «Кронштадтском вестнике», «Голосе», «Петербургских ведомостях», «Русской мысли», «Неделе».

В начале века он останавливает свой выбор на газете А.С. Суворина «Новое время», которую считает общенациональной газетой, газетой-парламентом, «земским собором печати», способным выразить патриотическую тревогу за судьбу России. Вплоть до 1917 г. здесь публикуются, почти через день, все значимые статьи М. Меньшикова на злободневные темы тогдашней России и ее Вооруженных сил. В номере газеты, посвященном ее 40-летнему юбилею есть такие строки: «Совершенно исключительное положение разносторонностью своих писаний занял М.О. Меньшиков, которому А.С. Суворин предоставил право широкого собеседования с читателем как воскресному фельетонисту, так и автору статей, ответственных по государственным и общественным вопросам; причем почтенный публицист не был издателем газеты стеснен в выражении своих собственных

взглядов и проведении их на столбцах «НВ» даже в тех случаях, когда эти взгляды не совпадали со взглядами и мнениями редакции газеты...» (4)

Талантливый мыслитель своевременно понял, «угадал» и наглядно (эмоционально) описал все те признаки, которые свидетельствовали об упадке российской государственности, предстоящей катастрофе, движении России к гибели. В каждой статье обществу посылается импульс тревоги, предлагаются рецепты спасения; на основе здравого смысла определяются меры противодействия возникающим угрозам. Все время звучит мысль: в эпоху упадка нельзя оставаться равнодушным к своей собственной судьбе, нельзя бездействовать, предаваться утопическим мечтаниям, разрушать сложившийся уклад жизни ради сомнительных книжных проектов переустройства общества. Чтобы спастись, надо неустанно молиться за Россию, работать за десятерых и изо всех сил. Не капитулировать перед болезнями и опасностями, а бороться с ними до победного конца. Каждому русскому человеку следует стоять на страже родного Отечества, объединяться в «дружину храбрых», защищать наследие предков, достигать счастливой жизни для себя и детей не в далеком будущем, а теперь же, ведь мера счастья нужна человеку достаточно умеренная...

Изо дня в день Михаил Осипович Меньшиков заставляет живущих самообманом общественность и правительство смотреть правде в глаза, требует от них мужества и чрезвычайных постоянных усилий в предотвращении губительного развития страны. Чтобы оказывать большое воздействие на общественное сознание, перенасыщенное революционно-реформаторской эйфорией, политический мыслитель начинает издавать собственный журнал «Письма к ближним», в котором собираются и тем самым приобретают «пробивную силу» все его статьи, написанные за месяц. В конце года журналы переплетаются и издаются отдельными книжными томами (14 томов, примерно 12 600 страниц, 2 430 тем из русской действительности). На иную важную деятельность: переиздание и осмысление наиболее важных работ, создание «Всероссийского национального союза», общественные акции и т. д., — уже не хватает сил и времени, и она перепоручается другим лицам или завещается потомкам (5).

Обладая даром понимания в области философии и политики, здравым смыслом и обостренным чувством долга, потомок «жрецов и воинов» (так М.О. писал о себе) мог бы стать неплохим государственным деятелем или международным журналистом, защищающим Россию извне. (Мысль о последней возможности пришла ему как реакция на ужасные условия жизни 1918.) Боль за Родину направила его, однако, на путь отечественного публициста, непризнанного при жизни, пророка и мученика гибнущей России, который в конечном итоге погиб вместе с ней. (Расстрелян большевиками

20 сентября 1918 года на берегу родного Валдайского озера практически на глазах своих шестерых малолетних детей).

Михаил Осипович Меньшиков останется в памяти потомков своей сопричастностью к русской истории, к философско-нравственным исканиям великих русских писателей, со многими из которых мыслитель был лично знаком. Объективно он является продолжателем дела А. Грибоедова, первого имевшего мужество стать совестью русского общества и громко сказать ему горькую правду. Стал единомышленником П. Чаадаева, указавшего на опасность внеисторического развития России и предпочевшего стать «сумасшедшим», чем любить Отечество с закрытыми глазами. Нашел смысл своей жизни в продолжении «Дневника писателя» Ф. Достоевского, прерванного смертью последнего, но так необходимого российскому обществу в условиях его движения к гибели. (Разве вся нравственно-философская и политическая публицистика М. Меньшикова не является своеобразным «Дневником» России рубежа 19–20 веков?)

Бог, совесть, долг, любовь к несчастной России заставили Меньшикова бороться за ее жизнь до конца: записывать свои наблюдения над симптомами болезни, разрабатывать план спасения, искать способы решения основных проблем национальной безопасности, стремиться передать все это современникам и потомкам, дабы уберечь их от очередных ненужных потрясений и ошибок. При серьезном изучении 20 томов сочинений М. Меньшикова из них, как из руды, можно извлечь не только пустые породы, но и драгоценные металлы: философию, историю, стратегию национальной безопасности России, нравственно-политическое завещание одного из ярких русских патриотов.

Судьба распорядилась так, что человек, всю жизнь трудившийся на благо Отечества, был предан им и уничтожен советской властью как «черносотенный писатель», «реакционный журналист», «яркий враг трудящихся» (6). Великое преступление, которое еще раз подтвердило: не берегут в России жизнь лучших людей. Об этом неоднократно упоминалось в статьях Меньшикова о жизни Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Гоголя, Столыпина, Макарова, Верещагина, Менделеева.

Неудивительно, что умственные силовые линии были ослаблены; глупость и бездарность стали править бал в несчастной России, что отразилось и в следующих пророческих мыслях публициста от 1909 года:

«Если бы мы, великороссы, были умными, то сейчас в глухую осень, когда с океана идет нашествие туч и бурь — многие из нас наслаждались бы теплом и солнцем где-нибудь из чудных берегах Абхазии, у подножия сверкающих вечными снегами гор, среди винограда, магнолий и кипариса...

Если бы мы, великороссы, были умными, то, овладев неизмеримыми пространствами суши, мы создали бы самую сильную империю в свете и самую сытую. Умный народ не позволил бы правительству переродиться из национально-русского правящего класса в интернациональный, сверх меры переполненный инородцами..

Если бы теперешние жители юга были бы умными, они всеми силами стремились бы привлечь русскую стихию к югу. Те же кавказцы, грузины, армяне, татары, имея они практическую сметку швейцарцев и итальянцев, сообразили бы, что Россия несет им то, что всего необходимей для культуры: гражданский мир и деньги...

Господи, как, однако, все это глупо складывается — и со всех сторон!» (7)

Добавим сегодня: были бы мы умными, то давно бы имели доступное собрание основных сочинений Михаила Осиповича Меньшикова, гордились бы своим соотечественником, наслаждались бы его мыслями, выполняли бы заветы и, может быть, убереглись бы от очередной катастрофы, в которую попала большая Россия в конце XX века.

Редактор

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Реформа армии // Письма к ближним. 1911. Сентябрь. С. 691.
2. Право на счастье // Письма к ближним. 1908. Март. С. 205.
3. Дневник 1918 года // Российский архив. Часть IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993. С. 19.
4. Новое время. 29 февраля (13 марта) 1916 года.
5. В период революции вдове и детям М. Меньшикова удалось уцелеть. Чудом они сохранили архивы писателя. В 1970–1980 годах его дочь Ольга Михайловна переписала дневники и письма отца за 1918 год. М.Б. Пospelов (внук Меньшикова) подготовил материалы к публикации. В 1993 году они вышли в свет отдельной книжкой «Российского архива». Несколько ранее (1991 год) в серии «Из истории отечественной военной мысли» Военное издательство опубликовало составленную также М.Б. Пospelовым книгу «М.О. Меньшиков. Из писем к ближним», в которую вошли отдельные статьи политического публициста за 1902–1915 годы. Однако основная работа по осмыслению творческого наследия писателя, как и написание его биографии, еще впереди. Сам М. Меньшиков очень желал, чтобы такая работа была проведена, чтобы наряду с переизданием лучших его произведений нашелся бы талантливый публицист, «который взял бы на себя труд перечитать все мои писания, собранные и несобранные, дабы определить неясную для меня самого кривую моего политического развития» (Российский архив. Ч. IV. С. 53).
6. БСЭ. М., 1938. Т. 38. С. 830. В последующих энциклопедических изданиях имя Меньшикова вообще не упоминается.
7. Если бы мы были умными // Письма к ближним. 1908. Октябрь. С. 628–629.

Именной указатель

ВЕРНАДСКИЙ Владимир Иванович (28.2.1863 — 6.1.1945). Видный ученый, основатель теории биосферы, ноосферы, биохимии и других научных дисциплин. Член ЦК Конституционно-демократической партии России. Критически относился к возможности России идти как капиталистическим, так и социалистическим путями.

ВОЛОШИН Максимилиан Александрович (16(28).5.1877 — 11.8.1932). Поэт, критик, переводчик, публицист. Автор поэтического цикла «Пути России», многих стихов на историческую и военную темы. Сторонник ненасилия. Осудил мировую и Гражданскую войны. Негативно относился как к «белой», так и «красной» власти.

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (6(18).3.1874 — 24.3.1948). Известный русский философ, публицист. В 1917 году полагал, что в России совершается «не классовая, а сверхклассовая, всенародная революция, осуществляющая задачи общенациональные и общегосударственные». С 1922 года — в эмиграции.

ГРЕДЕСКУЛ Николай Андреевич (1864 — ?). Юрист и публицист, профессор. Член ЦК партии кадетов, депутат I Государственной думы. Сотрудничал в газете «Русская воля». После революции написал книгу «Россия прежде и теперь» (1926).

КОТЛЯРЕВСКИЙ Сергей Андреевич (1873–1939). Историк и публицист, профессор. Член ЦК партии кадетов. Участник сборника «Из глубины».

НОВГОРОДЦЕВ Павел Иванович (28.2.1866 — 23.4.1924). Правовед-философ. Первый марксолог. Теоретик неолиберализма. Член ЦК кадетской партии и депутат I Государственной думы. Сторонник монархии. Сотрудничал с А. Деникиным и П. Врангелем. В 1920 году эмигрировал из России. Основой государственного единства считал культуру и национальные святыни.

РОСТОВЦЕВ Михаил Иванович (29.10(10.11).1870 — 20.10.1952). Русский историк-антиковед. Член Российской академии наук (1916). С 1918 года — в эмиграции.

СТРУВЕ Петр Бернгардович (26.1.1870 — 22.2.1944). Экономист, историк. Представитель государственно-патриотического направления в русской мысли. Член ЦК Конституционно-демократической партии. Редактор «Освобождения», «Полярной звезды», «Русской мысли», «Русской свободы». Участник белого движения. Библиография работ П.Б. Струве содержит 660 названий.

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич (28.8.(9.9).1828 — 7.(20).10.1910). Великий русский писатель. Полное собрание сочинений (юбилейное) насчитывает 90 томов.

Составители сборника:

Савинкин Александр Евгеньевич — кандидат философских наук, преподаватель Гуманитарной академии Вооруженных Сил, полковник.

Белов Юрий Тимурович — старший редактор Центральной телерадиостудии Министерства обороны Российской Федерации, подполковник.

Домнин Игорь Владимирович — преподаватель Гуманитарной академии Вооруженных Сил, подполковник.

Сборник составлен при участии

Кудейкина Владимира Юриевича, адъюнкта Гуманитарной академии, майора